

ISSN 2687-0207

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)**

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ
АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

ВЫПУСК 7 (14)

**Нижегород
2021**

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности.
Вып. 7 (14). – Н. Новгород: НГЛУ, 2021. – 168 с.

ISSN 2687-0207

Главный редактор

Т.Н. Синеокова

Редакционная коллегия:

С.Е. Рахманкулова (*зам. главного редактора*), Е.И. Беляева (*отв. секретарь*), Е.Б. Борисова (Самара), К.И. Бринев (Барнаул), В.М. Бухаров (Нижний Новгород), А.С. Волгина ((Нижний Новгород), И.Ю. Зиновьева (Нижний Новгород), О.С. Зубкова (Курск), А.В. Иванов (Нижний Новгород), Ж.В. Никонова (Нижний Новгород), И.С. Парина (Нижний Новгород), В.В. Сдобников (Нижний Новгород)

ISSN 2687-0207

© НГЛУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Бабина Л.В. Новые единицы английского языка как средство отражения знаний о человеке: особенности создания.....	5
Борисова Е.Б. Средства реализации категории авторского отношения в параллельных текстах романа Розамунды Пилчер «Семейная реликвия»	15
Гаврилова М.Б. Модель темпоральной оси, вербализуемой в тексте трилогии “The Hunger Games”	25
Галкина Е.Д., Синеокова Т.Н. Особенности презентации повторов в речи У. Черчилля «War of the Unknown Warriors» в переводе на русский язык.....	35
Гумма О.А., Лаврова Н.А. Особенности функционирования фразеологических единиц с компонентом-антропонимом в современной англоязычной периодике.....	41
Ивлева П.М. Лексические трудности в современной русскоязычной интернет-коммуникации.....	49
Катермина В.В., Балаева М.В. Стилистические особенности романа Анны Бернс «Молочник».....	56
Катермина В.В., Комогорцева А.С. Колоративная лексика в художественном пространстве произведений Оскара Уайльда.....	64
Кондакова В.А. Намеренные и ненамеренные ошибки в современной русскоязычной интернет-среде.....	70
Лаврова Н.А., Ботова Е.Ф. К вопросу о структурно-семантических и функционально-типологических особенностях контаминации.....	76
Логвина С.А. Структурная организация эвфемистического текста.....	82
Микулинский А.Д. Сравнительный анализ лексики киберспортивного комментатора и геймера Dota 2.....	89
Муфазалова И.В. Стратегии дискредитации и самопрезентации в текстах англо- и русскоговорящих рэп-исполнителей.....	99
Петров А.В. Переписка Г.Р. Державина ноября 1788 – июня 1789 гг. и ода «На счастье» как метатекст.....	108

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Кан Е.О., Рахманкулова С.Е. Русскоязычные и англоязычные названия на городских указателях: к проблеме перевода (на материале названий объектов Нижнего Новгорода).....	115
---	-----

Петрова О.В. Трудно извлекать смысл из текста, особенно если его там нет.....	125
Спачиль О.В., Ильина А.А. Особенности перевода на английский язык фразеологизмов в рассказе А.П. Чехова «Каштанка».....	133

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бакараева А.А. Рецепция творчества Людвига ван Бетховена в поэзии русских авторов 19-20 вв.	144
Королева С.Б., Агиней Н.Р. Благодарность / お礼 в русской и японской национальных культурах: лингвокультурный аспект обучения РКИ.....	150

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Мещерякова А.А., Синеокова Т.Н. Представления испытуемых о корреляции между условиями предъявления текстов на L1 и L2 и количеством воспроизводимых предложений.....	159
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	165
----------------------------------	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-13

НОВЫЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ЗНАНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ: ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ

Л.В. Бабина

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов

Статья посвящена рассмотрению новых слов английского языка, отражающих знания о человеке. Анализ выявляет, что данные слова дают представление о свойствах, пристрастиях человека, о роде его деятельности и т.п. Они создаются при помощи определенных языковых и когнитивных механизмов, а также когнитивных моделей.

Ключевые слова: новые слова, английский язык, концептуальная деривация, языковые механизмы, когнитивные модели и механизмы.

English New Words As a Means of Reflecting Knowledge about Human Beings: Peculiarities of Creation

Lyudmila V. Babina

Derzhavin Tambov State University, Tambov

The article is devoted to the consideration of English new words reflecting knowledge about human beings. The analysis reveals that these words give an idea of human properties, addictions, the type of their activity, etc. They are created with the help of certain language and cognitive mechanisms, as well as cognitive models.

Key words: new words, the English language, conceptual derivation, language mechanisms, cognitive models and mechanisms.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 20-18-00372).*

Любой живой и развивающийся язык постоянно пополняется новыми словами, появление которых продиктовано как общественным, культурным развитием, техническим прогрессом, так и изменением отношения человека к явлениям окружающего его мира. Неологизмы – явление привычное для любого языка, но возникает вопрос, что же понимать под неологизмами. Как отмечает М.В. Москалева, «принадлежность слов к неологизмам является свойством относительным и историчным, поэтому в определении данного понятия среди ученых нет единого мнения» [8, с. 246]. При различии точек зрения относительно этого вопроса, большинство исследователей пишут о том, что под новыми словами следует понимать те, для которых характерен оттенок новизны в

сравнении с привычными и часто употребляющимися словами. Соглашаясь с данным мнением, следует учитывать и точку зрения Е.Н. Гришкиной, согласно которой новизна относится к индивидуально субъективным критериям оценки нового слова. Например, связанные с цифровыми технологиями слова, будучи новыми в традиционно лингвистическом смысле, молодыми людьми могут не восприниматься как новые [4]. В любом случае слова английского языка, появляющиеся в последние десятилетия, привлекают внимание исследователей [7; 2], их обзору посвящено немало сайтов [14; 15; 17; 18].

Цель данной статьи – выявление тех знаний о человеке, которые получают отражение благодаря новым словам английского языка, а также способов их создания. В ходе достижения цели решается несколько исследовательских задач: описываются новые языковые единицы, объективирующие знания о человеке; определяются языковые и когнитивные механизмы, а также модели формирования их семантики.

Исследование показало, что слова, появившиеся или приобретающие популярность последние 30-40 лет, отражают разнообразные знания о человеке и окружающем современном человека мире. Рассматриваемые новые единицы, существительные и прилагательные, относящиеся к различным областям знания, были объединены с учетом того, как они описывают различные аспекты существования человека:

- существительные, дающие представление о свойствах человека (внешних, поведенческих, умственных): *snowflake* (кто-то, кого считают или относятся как к уникальному или особенному), *zaddy* (исключительно привлекательный и модный парень, с сексуальной речью), *noob* (новичок, новый пользователь), *muggle* (маггл (прозвище человека, не наделённого магическими способностями)), *hot mess* (неорганизованный, взъерошенный или саморазрушающийся человек), *pancake people* (пользователи интернета, много читающие на разные темы, для которых не характерно погружение в предмет чтения), *kidult* (взрослый ребенок);

- существительные, отражающие пристрастия человека (пищевые, поведенческие): *hophead* (наркоман; тот, кто неравнодушен к хмель-пиву и Элю), *foodie* (гурман), *pescatarian* (отказывающийся от употребления в пищу мяса теплокровных, но допускающий употребление в пищу рыбы, краба и моллюсков), *flexitarian* (человек, считающийся вегетарианцем, но периодически употребляющий в пищу мясо), *stan* (обсессивный неуравновешенный фанат какой-либо звезды), *shopaholic* (любитель ходить по магазинам), *wannabe* (подрожатель), *cougar* (женщина старше 40 лет, стремящаяся к отношениям с более молодыми мужчинами), *grey gapper* (пенсионер, решающийся поменять привычный уклад жизни, отправившись на длительное время путешествовать), *tanorexic* (любитель позагорать);

- существительные, дающие представление о роде деятельности, занятий человека: *schooler* (школьник), *solopreneur* (индивидуальный предприниматель), *politainer* (политик, являющийся или бывший артистом), *detectorist* (поисковик металлов);

- существительные, отражающие знания о социальных, расовых особенностях человека: *bougie* (кто-то, кто принадлежит к среднему классу, особенно тот, кто поддерживает традиционные обычаи и ценности, или придает большое значение деньгам, образованию и социальному классу, или любит и хочет дорогие и необычные вещи), *Latinx* (латиноамериканец, латиноамериканка), *rando* (посторонний человек, случайный знакомый), *wasband* (бывший муж), *helicopter parent* (родитель, постоянно следящий за своими детьми), *boomerang child* («дети-бумеранги» - дети, «возвратившиеся» к родителям);

- существительные, передающие представления о верованиях, социальной позиции человека: *birther* (человек, по мнению которого Барак Обама, бывший президентом США 2009-2017 годы, не имел права быть президентом, так как не родился в США), *theocon* (сокращение от *theo-* + *con(servative)*, теоконсерватор), *truther* (правдоискатель);

- существительные, дающие представление о человеке, осуществляющем какую-то деятельность: *troll* (тот, кто намеренно делает оскорбительные комментарии с целью разжечь полемику), *catfish* (общающийся в интернете человек, для которого свойственно преувеличивать или приукрашивать что-то, описывая себя и свою жизнь), *facebook necrologist* (пользователь соцсетей, который не упускает возможности написать пост вроде: «покойся с миром, такой-то», когда умирает кто-то из знаменитостей), *fakester* (заводящий в социальных сетях аккаунты от имени другого лица, чаще всего какой либо знаменитости, человек), *textretary* (человек, печатающий сообщение за того, кто находится за рулем);

- прилагательные, характеризующие человека с точки зрения общего впечатления, внешности, состояния: *adorbs* (чудесный, милый), *douchey* (раздражающий, вызывающий неприязнь), *G.O.A.T* ("Величайший на все времена", о популярных спортсменах), *swole* (накачанный), *crunk* (сумасшедший и пьяный), *turnt* (находящийся в состоянии возбуждения, веселья (возможно из-за действия алкоголя или наркотиков)).

Выявленные языковые единицы создаются при помощи ряда языковых механизмов: переосмысление (*troll, hot mess, cougar, catfish, snowflake, hophead, fakester*), словосложение (*pancake people, helicopter parent, boomerang child, grey gapper, facebook necrologist*), аффиксация (*foodie, schooler, detectorist, birther, truther, douchey*), аббревиация (*rando, bougie, adorbs, noob, wannabe, theocon, G.O.A.T*), контаминация (*pescatarian, shopaholic, tanorexic, solopreneur, flexitarian, kidult, politainer, wasband, textretary*), апеллятивация (*stan*), адъективация (*crunk, turnt*,

swole), субстантивация (*Latinx*) и других. В некоторых случаях несколько языковых механизмов используются одновременно, так, например, происходит в случае образования суффиговых сокращений, образованных в результате взаимодействия усечения и суффиксации. Например, слово *rando* образовано путем усечения и присоединения суффикса *-o*, передающего значение уменьшительности *rand(om) + -o*. Однако, как показывают примеры, наиболее активно используются такие способы, как переосмысление, словосложение, контаминация, аффиксация и аббревиация.

По нашему мнению, какой бы языковой механизм ни использовался, создание новых языковых единиц определяет концептуальная деривация, обеспечивающая формирование нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного знания и предполагающая взаимодействие когнитивных процессов вторичной концептуализации и вторичной категоризации. Возникающие в результате концептуальной деривации новые языковые единицы образуются при помощи определенных когнитивных механизмов и моделей, некоторые из которых будут проанализированы ниже.

Одним из языковых механизмов создания рассматриваемых новых слов, как простых, так и сложных, служит **переосмысление**. Выявлены механизмы «концептуальная метафора», «концептуальная метонимия» и «конкретизация», которые обеспечивают создание новых слов в ходе концептуальной деривации.

Следующие слова, дефиниции которых взяты из онлайн словаря «Мерриам-Уэбстер» [17], формируются при помощи механизма «концептуальная метафора»:

troll “a person who intentionally antagonizes others online by posting inflammatory, irrelevant, or offensive comments or other disruptive content” от “a lure or a line with its lure and hook used in trolling”, *hot mess* “a disorganized, disheveled, or self-destructive person” от “a hot mixture of ingredients cooked or eaten together” (метафорическое проецирование происходит по модели HUMAN BEING – ARTEFACT); *cougar* “a middle-aged woman seeking a romantic relationship with a younger man” от “a large powerful tawny-brown cat”, *catfish* “a person who sets up a false personal profile on a social networking site for fraudulent or deceptive purposes” от “any of an order (Siluriformes) of chiefly freshwater stout-bodied scaleless bony fishes having long tactile barbels” (метафорическое проецирование происходит по модели HUMAN BEING – ANIMAL); *snowflake* “someone regarded or treated as unique or special” от “a flake or crystal of snow” (метафорическое проецирование происходит по модели HUMAN BEING - NATURAL PHENOMENON).

Формирование семантики сложного слова *hophead* “a drug addict” определяет механизм «концептуальная метонимия», используется

метонимическое проецирование по модели PART (body part) – WHOLE (human being). Учитывается информация о том, что хмель является ближайшим родственником конопли, выкуривание хмеля может привести к определенному состоянию, близкому наркотическому опьянению. При переосмыслении слова (*hophead* “one who is partial to hoppy beer and ale”) метонимическое проецирование используется уже дважды по модели PART (body part) – WHOLE (human being) и по модели PART 1 (the substance from which the product is made (вещество, из которого производится продукт)) – PART 2 (product (продукт)).

При помощи когнитивного механизма «конкретизация», предполагающего уточнение характеристики общего характера, формируется семантика слова *fakester* “a user account on a social networking site with a profile containing information of a false, satirical, or promotional nature” от “a person who seeks to deceive others”.

Другим языковым механизмом создания новых слов является **словосложение**.

Рассмотрим слова, в которых первый компонент уточняет второй компонент: *pancake people* “people who read widely but superficially on the web” [16], *helicopter parent* “a parent who is closely involved with their child's life and tries to control it too much, especially their child's education” [11], *boomerang child* “a young adult who returns to live at his or her family home especially for financial reasons” [17].

Формирование семантики данных сложных слов осуществляется при помощи когнитивной модели сравнения HUMAN BEING BE LIKE ARTEFACT на основе характеристики ‘action’. При создании первого слова люди, интересующиеся многими вопросами, но поверхностно, ассоциируются с блинами, приготовление которых предполагает, что тесто должно растекаться, а блины или блинчики должны быть тонкими. Термин был предложен драматургом Ричардом Форманом для характеристики современного, зависимого от интернета поколения. При создании второго слова родитель, постоянно опекающий своего ребенка, ассоциируется с кружащим вертолетом. Эта метафора появилась еще в 1969 году в бестселлере «Родители и дети» (Between Parent & Teenager) доктора Хаима Гинота, где упоминается подросток, который жалуется: «мама парит надо мной, как вертолет...», однако сам термин появился позже. Как указывают некоторые интернет источники, термин “вертолетный родитель” придумали Фостер Клайн и Джим Фэй в 1990 году. При создании третьего слова ребенок, возвратившийся жить к родителям после окончания учебного заведения или по причине финансовых трудностей, сравнивается с бумерангом, возвращающимся к месту запуска.

При формировании семантики следующих двух слов ни один из компонентов переосмыслению не подвергается: *grey gapper* “a person aged over 55 who takes extended periods of time off to go travelling to distant and

exciting places” [16], *facebook necrologist* “a person who never misses a chance to post a “r.i.p. insert name” status update in facebook as soon as any celebrity dies” [13]. Создание первого слова осуществляется по пропозициональной когнитивной модели ACTOR – HAVE – QUALITY, слово образуется путем сложения компонентов *grey* “having hair that has become grey or white, usually because of age” [11] и *gapper* “a person who is taking a gap year” [20]. При создании второго слова используется пропозициональная когнитивная модель ACTOR – OPER – PLACE.

Языковой механизм **контаминация** также используется при создании ряда языковых единиц. Контаминация предполагает соединение двух усеченных или одной усеченной и одной полной основ в одну лексическую единицу. Как отмечают исследователи [6; 3], концепт, репрезентируемый контаминированной лексемой, возникает как результат интеграции двух концептов согласно теории концептуальной интеграции. То есть концепт, передаваемый контаминированной лексемой, состоит из нескольких концептов, ему свойственна потенциальная членимость. Представляется, что данный многокомпонентный концепт можно представить в виде пропозициональной структуры, включающей концепты, объективируемые первым и вторым компонентом контаминанта, и связывающий их концепт. Следовательно, семантику контаминированной лексики определяют пропозициональные когнитивные модели.

Среди рассмотренных примеров преобладают контаминированные лексемы, в основе которых лежат пропозициональные структуры, включающие два предметных концепта. Пропозициональная структура формируется в результате взаимодействия концептов, передаваемых компонентами контаминированной лексики. Концепт, передаваемый компонентом, выступающим в качестве ядерного, может определять формирование пропозициональной структуры, репрезентируемой контаминантом. В результате взаимодействия с концептом, передаваемым определяющим его компонентом, пропозициональная структура, репрезентируемая ядерным компонентом, подвергается определенным изменениям. Во-первых, может происходить замена содержания одного из элементов пропозициональной структуры, передаваемой ядерным компонентом контаминанта: *pescatarian*, *shopaholic*, *tanorexics*. Во-вторых, может осуществляться добавление элемента в пропозициональную структуру, передаваемую ядерным компонентом контаминанта: *flexitarian*, *solopreneur*. В-третьих, может происходить объединение концептов, передаваемых компонентами контаминанта, предполагающее выборочное проецирование и объединение характеристик этих концептов: *kidult*, *politainer*, *wasband*, *textretary*.

Pescatarian <*pesce* + *vegetarian*> “someone who eats fish but not meat” [11]. Слово интересно тем, что первый компонент контаминанта имеет

иноязычное происхождение. Он представляет собой итальянское слово *pesce*, обозначающее рыбу. Модель АСТОР – ОПЕР – ОБЪЕКТ (замена содержания одного из элементов пропозициональной структуры).

Shopaholic <*shop* + *alcoholic*> “a person who enjoys shopping very much and does it a lot” [11]. Модель АСТОР – SUFFER FROM – CONTENT (замена содержания одного из элементов).

Tanorexic <*tan* + *anorexic*> “a person who is obsessed with having and maintaining a very dark tan” [17]. Модель АСТОР – SUFFER FROM – CONTENT (замена содержания одного из элементов).

Flexitarian <*flexi(ble)* + (*vege*)*tarian*> “a person who eats mainly vegetarian food but eats meat occasionally” [11]. Модель АСТОР – ОПЕР – ОБЪЕКТ - MANNER (добавление одного из элементов).

Solopreneur <*solo* + *entrepreneur*> “one who organizes, manages, and assumes the risks of a business or enterprise without the help of a partner” [17]. Модель АСТОР - ОПЕР – MANNER (добавление одного из элементов).

Kidult <*kid* + *adult*> “an adult who likes doing or buying things that are intended for children” [11]. Модель АСТОР2 – BE – АСТОР1 (соединение элементов, при котором за счет характеристик одного концепта меняется содержание другого концепта).

Politainer <*politician* + *entertainer*> “a politician who is or used to be an entertainer” [21]. Модель АСТОР1 – BE – АСТОР2 (соединение элементов, при котором за счет характеристик одного концепта меняется содержание другого концепта).

Wasband <*was* + *husband*> “a woman's ex - husband” [10]. Модель АСТОР – BE - QUALITY (соединение элементов, при котором за счет характеристик одного концепта меняется содержание другого концепта).

Textretary <*text* + *secretary*> “a person's sidekick who texts for the driver” [13]. Модель АСТОР – ОПЕР - ОБЪЕКТ (соединение элементов, при котором за счет характеристик одного концепта меняется содержание другого концепта).

Еще одним языковым механизмом создания новых единиц, обозначающих человека или его свойства, служит **аффиксация**. При формировании рассматриваемых единиц используются следующие суффиксы:

Суффикс *-er*, употребляемый для обозначения рода деятельности, рода занятий, передающий значение «лицо, связанное с предметом или действием, выраженным основой»: *schooler* “a pupil attending a school of the specified kind or being educated in the specified way” [19], *birther* “a person who believes that Barack Obama, US President 2009–2017, was not born in the USA and was therefore not eligible to be President” [12], *truther* “one who believes that the truth about an important subject or event is being concealed from the public by a powerful conspiracy” [17]. Семантику данных слов определяют следующие пропозициональные структуры, которые

выводятся с учетом значения суффикса: ACTOR - OPER - PLACE (*schooler*), ACTOR - OPER - CONTENT (*birther, truther*).

Суффикс *-ie/y*, использующийся для обозначения агентивности, передачи значения «лицо, связанное с предметом или действием, выраженным основой», который сохраняет свой эмоциональный «след», придавая единице разговорный характер: *foodie* “a person having an avid interest in the latest food fads” [17], суффикс *-y* выражает значение «иметь признак»: *douchey* “an unpleasant person” [17]. Семантику слов, образованных при помощи суффикса *-ie/y*, определяют следующие пропозициональные структуры: ACTOR - OPER - OBJECT (*foodie*), HAVE - QUALITY (*douchey*).

Суффикс *-ist*, употребляемый для выражения принадлежности к определенной профессии, сфере труда: *detectorist* “one who uses a portable metal detector as a hobby” [17]. Формирование семантики данного слова обеспечивает пропозициональная структура ACTOR - OPER (USE)-OBJECT.

Последний языковой механизм – создания новых языковых единиц, который будет рассмотрен, – **аббревиация**. Он используется при создании следующих языковых единиц: *rando, bougie, noob, adorbs, wannabe, theocon, G.O.A.T.* Это механизм, который предполагает усечение «любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое по своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной единицы» [5, с. 71]. Среди рассмотренных примеров встречается слоговая (*theocon* сокращение от *theo-* + *con(servative)*), *wannabe* сокращение от фразы *want to be*) и инициальная аббревиация (*G.O.A.T.* акроним от *the Greatest Of All Time*). В некоторых случаях аббревиация взаимодействует с суффиксацией, способствуя образованию суффиксированных сокращений (*rando, bougie, adorbs*). Суффикс *-o* достаточно продуктивен в оформлении усеченных основ и выступает маркером разговорной речи. Уменьшительно-фамильярный, а зачастую и пренебрежительный оттенок способен придает слову суффикс *-y* (*-ie*). Суффикс *-s* оформляет усеченные основы и употребляется с установкой на эмоциональную теплоту [1]. Интересный пример представляет собой слово *noob*, являющееся сокращением от *noobie*, орфографический вариант *newbie*. Происхождение этого слова неоднозначно. По одной версии это измененное слово *newie* со вставкой, по другой версии *newbie* - сокращение от *new boy* или *new beginner* [13]. То есть слово *noob* образуется от суффиксированного сокращения.

Как указывают исследователи, когнитивным механизмом, определяющим создание аббревиированных единиц, является механизм «компрессия», который задействуется при создании слова, и механизм «декомпрессия», который используется при его восприятии в случае, когда когнитивная структура, объективированная аббревиированной единицей,

выводится. Э.Р. Мустафинова отмечает, что за полным и сокращенным наименованием одной и той же реалии стоят разные когнитивные структуры. «Компрессированная форма является таковой для концептуальной системы индивида в том случае, когда через нее осуществляется относительно регулярная связь между конвенциональным стереотипом, репрезентированным устойчивым словосочетанием, и когнитивной структурой, представленной аббревиатурой, а действие механизма компрессии, заложенного в этой когнитивной структуре, осознанным и включенным в эстетическую речемыслительную деятельность» [9]. Автор также указывает на то, что когнитивная структура, репрезентируемая аббревиатурой, включает понятийный или эмоциональный компонент, обуславливающий существование аббревиатуры.

Таким образом, новые языковые единицы английского языка передают знания о внешних, поведенческих, умственных особенностях человека, его пищевых, поведенческих пристрастиях, роде деятельности, социальных и расовых особенностях человека, его верованиях, социальной позиции, осуществляемой им деятельности. Языковыми механизмами создания новых единиц выступают переосмысление, словосложение, аффиксация, аббревиация, контаминация, апеллятивация и другие. Среди когнитивных механизмов формирования новых языковых единиц оказались востребованными механизмы «концептуальная метафора», «концептуальная метонимия», «концептуальное сравнение», «конкретизация», «компрессия», «декомпрессия», а также ряд когнитивных моделей, среди которых особую роль играет пропозициональная когнитивная модель.

Перспективным представляется изучение с когнитивных позиций новых языковых единиц, образованных при помощи других языковых механизмов, а именно апеллятивации и субстантивации.

Список литературы

1. Бодулева А.Р. Функционально-прагматические особенности суффиксированных сокращений с исходом на *ie/u* (на материале английского языка) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. Вып. 1(23). С. 170–174.
2. Власова К.А., Вьюшкина Д.А. К вопросу о неологизмах // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. Казань: Бук, 2016. С. 29–31.
3. Гетманская М.Ю., Киселева А.В. Функциональный потенциал лексико-грамматических контаминантов в русском и английском языках // Казанский вестник молодых ученых. Педагогические науки. 2017. Т. 1. № 2 (2). С. 109–112.
4. Гришкина Е.Н. Проблема соотношения понятий «неологизм» и «новое слово» (психолингвистический аспект) // Актуальные вопросы филологической науки XXI

века: сб. ст. V Междунар. науч. конф. молодых ученых. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2016. С. 7–12.

5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.

6. Лаврова Н.А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 47 с.

7. Михайлова Ю.Л. Неологизация как элемент пополнения словарного состава английского языка XXI века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 129–131.

8. Москалева М.В. Неологизмы и проблема их изучения в современном русском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 80. С. 246–250.

9. Мустафинова Э.Р. Аббревиация в русском языке: когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. 20 с.

10. Academic Dictionaries and Encyclopedias. [Электронный ресурс]. URL: https://new_words.academic.ru (дата обращения 18.02.2021).

11. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 18.02.2021).

12. Collins Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 18.02.2021).

13. Definithing: Defining Anything. [Электронный ресурс]. URL: <https://definithing.com> (дата обращения 18.02.2021).

14. Forty Words That Didn't Exist Forty Years Ago // Best Life Online: Online Edition. [Электронный ресурс]. URL: <https://bestlifeonline.com/new-words> (дата обращения 18.02.2021).

15. Good Housekeeping: Online Edition. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goodhousekeeping.com> (дата обращения 18.02.2021).

16. Macmillan Dictionary Online. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения 18.02.2021).

17. Merriam-Webster Dictionary Online. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 18.02.2021).

18. Nineteen New words to Spice Up Your Vocabulary in 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://geediting.com/19-new-words-to-use-2020-infographic/> (дата обращения 18.02.2021).

19. Oxford Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexico.com> (дата обращения 18.02.2021).

20. The Free Dictionary by Farlex Online. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения 18.02.2021).

21. Your Dictionary Online. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yourdictionary.com> (дата обращения 18.02.2021).

УДК 811.111-26

**СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ АВТОРСКОГО
ОТНОШЕНИЯ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ РОМАНА
РОЗАМУНДЫ ПИЛЧЕР «СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ»**

Е.Б. Борисова

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара*

В статье рассматриваются средства и способы создания авторской интенции в отношении протагониста в оригинале романа «Семейная реликвия» современной английской писательницы Розамунды Пилчер и его русскоязычной версии. Сравнительно-сопоставительный анализ проводится на материале ключевых слов, коннотативных словосочетаний, средств лексического и синтаксического уровней с учетом эксплицитного и имплицитного выражения автором своего отношения к поступкам персонажа.

Ключевые слова: художественный образ, образа персонажа, авторское отношение, стилистические приемы, языковые средства, поступок, перевод.

**Author's Intention and Its Implementation in the Modern English Novel
"The Shell Seekers" by R. Pilcher and Its Russian Version**

Elena B. Borisova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

The present paper deals with means and methods of creating the author's intention towards the protagonist in R. Pilcher's novel "The Shell Seekers" and its translation into Russian. The author focuses her attention on the comparative analysis of the keywords, connotative phrases, lexical means, both explicit and implicit expression of the writer's thoughts and characters' actions.

Key words: artistic image, character image analysis parameters, author's intention, stylistic devices, language means, act, translation.

«Семейная реликвия» (в оригинале "The Shell Seekers") – самый популярный роман современной британской писательницы Розамунды Пилчер, прожившей долгую жизнь (1924-2019 гг.). Впервые этот роман был опубликован в 1988 году и с тех пор неоднократно переиздавался и был переведен на разные языки. На его создание писательница потратила 2 года.

Тексты, созданные Р. Пилчер, не изобилуют сложными тропами, но авторский подбор слов и словосочетаний, умелое пользование синтаксическими ресурсами английского языка в описательных, повествовательных фрагментах и диалоге имеет большое значение для создания выразительных образов.

Роман «Семейная реликвия» рассказывает о трех поколениях семьи Стернов. Розамунда Пилчер ведет повествование в лучших традициях классического английского романа: она держит читателя в напряжении,

заставляя гадать, как поступит героиня, чтобы разрешить конфликт, разгоревшийся в ее семье из-за наследства – той картины, которая является семейной реликвией и представляет собой не только огромную художественную, но и материальную ценность [4, с. 239–240].

Композиция книги представляет собой соположение 16 глав, тематически связанных друг с другом. Такое композиционное построение частей романа основывается на принципе сюжетного развертывания [11]. Сюжетное развертывание позволяет автору постепенно создать яркий, многогранный образ главной героини и максимально полно нарисовать картину ее интересной жизни, объективно оценив Пенелопу с разных сторон.

Образы различных персонажей в романе Р. Пилчер «Семейная реликвия» могут быть рассмотрены как ступени разработки центрального образа романа – Пенелопы Килинг. Все события, связанные с жизненным путем Пенелопы, представлены в романе в связи с жизненными обстоятельствами окружающих ее людей и ее отношений с ними. Таким образом, из сюжетной разработки характера формируется целостность произведения: так раскрывается пространство отдельного образа в ходе развертывания всего произведения. Повествование разворачивается в двух направлениях: проспективном (жизнь Пенелопы и ее детей незадолго до смерти самой Пенелопы) и ретроспективном (воспоминания героини о детстве, юности и прошлой жизни) [4, с. 241].

Не следует забывать, что образ персонажа не может рассматриваться вне текстовых связей. Мы разделяем мнение Л.Г. Бабенко, которая считает, что «образ персонажа вне текстовых связей – это схема, скелет, который обрастает плотью смысла только в контексте всего произведения и, прежде всего, в контексте авторских интенций» [2, с. 142]. В связи со сказанным важным представляется рассмотрение в рамках нашего исследования таких ключевых понятий, как образ автора и авторское отношение.

По мнению В.В. Виноградова, основным определителем образа автора служит «отношение автора». Оно может быть выражено прямо, но, чаще всего, содержится во всей внутренней структуре текста, скрывается в глубинах композиции и стиля и имеет множество форм выражения. Через этот образ автор литературного произведения непосредственно выражает свою личность как человека и писателя, а также старается максимально приблизиться к персонажу, рассказчику, не тождественному автору [6, с. 151]. Таким образом Одним из самых важных и трудных вопросов является вопрос, связанный с изучением средств выражения авторского отношения в тексте.

Обратимся к некоторым исследованиям.

В работе А.С. Микоян и С.Г. Тер-Минасовой рассматриваются понятия «категория авторского отношения», «признак коннотативности

словосочетаний», «авторская оценка». Как отмечают упомянутые исследователи, категория авторской оценки базируется на следующей закономерности: «можно предположить, что разное отношение писателей к разным героям может в большей или меньшей степени проявляться в способах их описания» [7, с. 130–132]. Таким образом, эта категория позволяет определить, в какой степени для того или иного писателя типично изменение самой манеры описания персонажей в зависимости от его отношения к ним.

Еще одним существенным средством выражения авторского отношения к персонажам служит авторская оценка. Для ее выявления исследователю необходимо выяснить, употребляет ли автор оценочные прилагательные для характеристики персонажей, противопоставляются ли прилагательные, содержащие позитивные коннотации, прилагательным, имеющим негативные коннотации, в описаниях, соответственно, любимых и нелюбимых автором персонажей.

В работе С.Ш. Аканаевой речь автора рассматривается в сопоставлении с речью основного персонажа. Авторская речь в произведении словесно-художественного творчества выполняет объединяющую, связующую функцию. Через речь автора передаются идейно-эстетические воззрения писателя, его личное отношение к персонажам и оценка изображаемого. По мнению С.Ш. Аканаевой, авторское отношение проявляется в выборе сочетаний слов, в расстановке персонажей, в художественно-эстетической организации текста. [1, с. 91–93].

Можно утверждать, что авторское отношение к изображаемому достаточно редко находит свое выражение в прямых оценках, но проявляется на разных уровнях системы текста. На содержательном уровне это отношение выражается, прежде всего, через так называемые семантические доминанты, т.е. компоненты произведения, которые приводят в движение и определяют отношения всех прочих компонентов [8, с. 34–50]. Отношение автора к изображаемому выражается с помощью целого комплекса языковых средств, среди которых выделяются эксплицитные и имплицитные способы выражения. Особое внимание при этом уделяется рассмотрению, в первую очередь, лексических средств выражения авторской оценки [2, с.142–143].

Однако по справедливому заключению Я. Мукаржовского, не следует забывать, что авторское отношение рассматривается и как субъективно-оценочная модальность, которая подразделяется на фразовую и текстовую. Фразовая модальность выражается грамматическими и лексическими средствами, в то время как текстовая (кроме совокупности этих средств) реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в

сентенциях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств [8, с. 34–54].

В разных типах текстов модальность проявляется с разной степенью очевидности. Создавая художественное произведение, автор не может остаться беспристрастным к изображаемому. В зависимости от своего метода художественной изобразительности он прямо или косвенно выражает свое отношение к изображаемому. Важным для нашего исследования представляется то, что В.П. Белянин пишет о взаимодействии методов и приемов литературоведческого и лингвистического анализов в определении текстовой модальности [3, с. 119].

Таким образом, в ходе анализа образа персонажа, который является разновидностью художественного образа, необходимо принимать во внимание художественные детали, которые автор вводит в ткань своего повествования, поскольку именно они помогают донести авторский посыл до читателя [5, с. 41]. Целостный литературно-художественный портрет персонажа рождается на основе совокупности всех лингвостилистических средств, относящихся к нему. Это как описание «внешнего» и «внутреннего» состояния героя, так и изображение его действий, взаимоотношений с другими персонажами, манеры говорить и думать.

Обратимся к нашему эмпирическому материалу. Через восприятие Пенелопы ее близкими, друзьями и знакомыми автор дает свою оценку главной героине романа. Несмотря на сложные отношения Пенелопы со старшей дочерью Нэнси и общую негативную оценку матери, которую дает дочь, симпатии автора на стороне Пенелопы, поскольку Нэнси является ее антиподом. При этом все фрагменты текста, содержащие оценку Пенелопы другими персонажами, которые симпатизируют героине, обладают положительной коннотацией.

Важно то, что Пенелопа Килинг стала своеобразным символом современного поколения пожилых людей, которые предпочитают жить отдельно и независимо от своих детей. Розамунда Пилчер восхищается твердостью духа и самостоятельностью, которые присущи главной героине романа.

Проведем сравнительно-сопоставительный анализ параллельных текстов, в которых отражены средства реализации авторского отношения к героине. Рассмотрим примеры:

1. *'She is splendid,' Cosmo said* [13, p. 281].

– *Она замечательная, – сказал Космо.* [10, с. 248].

2. *She was, in her strange way, beautiful. And well-bred* [13, p. 281].

Пенелопа – красавица, хотя ее красота и необычна, и получила хорошее воспитание [10, с. 248].

В обоих случаях при переводе были сохранены лексемы с положительной ингерентной коннотацией, характеризующие внешность и

воспитанность героини: *splendid* (замечательная), *beautiful* (красавица), *well-bred* (хорошее воспитание).

Обратим внимание на второй пример. Такой видит Пенелопу Килинг ее будущий муж, Амброз Килинг. В английском предложении Розамунда Пилчер пользуется парцелляцией, отделяя синтагму *And well-bred* от основного предложения точкой, что приводит к усилению значимости этого высказывания. Парцелляция не сохраняется в тексте перевода, поскольку синтагма *и получила хорошее воспитание* содержит сказуемое, т.е. главный член предложения, и отделена от базовой запятой, которая является более слабым пунктуационным знаком, чем точка, что приводит к ослаблению значимости этой части высказывания. Грамматическая замена прилагательного *well bred* атрибутивным словосочетанием *хорошее воспитание* вынудила переводчика прибегнуть к приему добавления лексической единицы *получила*, что привело к искажению смысла. Из оригинального предложения не следует, что воспитанной Пенелопа стала в результате целенаправленного воздействия, но подчеркивается естественная воспитанность как врожденное качество.

Продолжим рассмотрение материала.

Как было отмечено, главным оппонентом Пенелопы является ее старшая дочь Нэнси, беспочвенно обвинившая мать в эгоизме и черствости. Сравним параллельные тексты романа, где Пенелопа думает о причине такого отношения к ней:

'You never gave me anything'.

That was not true. She knew that it was not true. She had given Nancy what she had given all her children. A home, security, comfort, interest, a place to bring their friends, a stout front door to keep them safe from the outside world...

She had given Nancy all this, but she had not been able to give Nancy what she wanted, because there had never been money enough to pay for the material possessions and lavish treats the girl craved. Party frocks, dolls' perambulators, a pony, boarding school, a coming-out dance, and a London season. A large and pretentious wedding had been the peak of her ambitions [13, p. 546].

'Ты ничего мне в жизни не дала.'

Это неправда. Пенелопа твердо знала, что это не так. Она дала Нэнси все то же, что и другим детям: дом, чувство защищенности, домашний уют, интересы, место для игр с друзьями, солидную входную дверь, за которой они могли чувствовать себя в полной безопасности...

Она дала Нэнси то же, что и остальным, но не смогла дать всего, что та хотела, потому что денег на дорогие вещи и лакомства, которые Нэнси обожала, просто не хватало. На красивые платья для выхода, на коляски для кукол, на первый бал, на участие в лондонских «сезонах», когда

начинаются балы и прочие светские мероприятия. Пределом мечтаний для Нэнси была многолюдная пышная свадьба [10, с. 488].

К удачам перевода можно отнести перевод словосочетания *a London season* с помощью кальки, дополненной параллельным подключением – в лондонских «сезонах», когда начинаются балы и прочие светские мероприятия. Такой прием помогает эксплицировать важную лингвокультурную информацию, заложенную в семантике данного английского словосочетания, органично вписав ее в структуру повествования.

Однако непонятно, почему переводчик отказался от графического выделения первого предложения, метасемиотически наиболее значимого в данном контексте и служащего для понимания эмоционального накала, который возник в отношениях матери и дочери. Правда, в качестве компенсаторного средства переводчик использует прием добавления лексической единицы во втором предложении: наречие *твердо*, выполняющее функцию адвербиального эпитета глагола *знала*, доносит до читателя уверенность Пенелопы в беспочвенности обвинений Нэнси. Английское эллиптическое предложение, в котором дается подробное перечисление тех благ, которые Пенелопа давала своим детям как любящая мать (*A home, security, comfort, interest, a place to bring their friends, a stout front door to keep them safe from the outside world... a place to bring their friends*), семантически и метасемиотически более насыщено, чем перечисление в русском тексте, поскольку последнее не образует отдельного предложения и отделено от базовой части двоеточием, из-за чего высказывание теряет категоричную тональность, присущую оригинальному тексту. Замена знака препинания в переводе видится явным недочетом, поскольку категоричный тон понадобился писателю для передачи во внутреннем монологе Пенелопы чувства своей правоты. К числу погрешностей русского текста можно отнести и опущение важных лексических единиц в переводе (*a pony; a boarding school*). Данные лексемы нейтральны по своей коннотации, однако они также несут важную лингвокультурную информацию в тексте оригинала: приобрести пони для ребенка и отправить его в частную школу закрытого типа могут только очень состоятельные британцы, принадлежащие к элите общества. Следовательно, из текста романа «Семейная реликвия» читателю становится ясно, что Нэнси с раннего детства стремилась получить от матери не просто материальные блага, но символы престижа и высокого положения в обществе, тогда как в тексте перевода эта информация опущена.

Пренебрежительное отношение к оригиналу сказалось и на качестве перевода узуальных словосочетаний *a stout front door* и *lavish treats* с помощью русских словосочетаний *солидная входная дверь* и *дорогие лакомства*. В английском языке прилагательное *stout* в отношении

неодушевленных предметов означает *thick and strong-looking*, снабжено пометой (*approving*) и соответствующим примером контекстного употребления: *I've bought myself a pair of good stout boots for hiking* [12]. Русское прилагательное *солидный* объясняется *прочный, надежный, основательный* и употребляется в прямом и переносном значении следующих сочетаниях: *солидная постройка; весьма солидные знания; солидное учреждение; солидная зарплата* [9]. Следовательно, в русском переводе можно было бы употребить узуальное словосочетание *надежная* (или *прочная*) входная дверь, которое бы в большей мере донесло коннотации оригинального словосочетания *a stout front door*.

При переводе английского существительного *treats* переводчик неудачно конкретизировал значение и выбрал имеющееся в русском языке соответствие – *лакомства*, неоправданно сужающее семантику английской лексемы, которая в данном контексте означает *подарки и развлечения*, поскольку существительное *treats* толкуется как: *a special and enjoyable occasion or experience* [12]. Иллюстративные примеры контекстов употребления данного английского существительного подтверждают нашу точку зрения: *We're going to Italy for the weekend - it's my birthday treat. As a special treat I'll take you to my favourite tea-shop. I had a real treat this morning – my husband took the kids out while I had a good long sleep* [12]. По нашему мнению, наиболее приемлемым контекстуальным эквивалентом словосочетания *lavish treats* является *дорогие подарки и развлечения*.

В качестве русского соответствия существительному *ambition* переводчик выбрал существительное *мечтания*, которое не является полным эквивалентом данной английской единицы, означающей *a strong desire for success, achievement, power or wealth: She's got a lot of ambition, so she's bound to be successful* [12], т.е. *честолюбивое желание*, продиктованное стремлением к успеху. Русское существительное *мечтания* является синонимом слова *мечта* и объясняется как *нечто связанное с воображением, мысленно представляемое*; например, *мечта о счастье; предаваться мечтаниям* [9]. Таким образом, русская лексема не содержит семы *честолюбивое стремление*, которая является главным компонентом семантической структуры английского существительного *ambition*.

Обратимся к сопоставительному анализу примеров, раскрывающих категорию авторского отношения к главной героине романа, проследив высказывания соседей о Пенелопе в день ее похорон:

1. *'We shall all miss Mrs. Keeling most dreadfully', Mr. Tillingham said. 'She was immensely kind, and she added a great flavour to our village life'* [13, p. 605].

Мы все будем очень скучать о миссис Килинг, – сказал мистер Тиллингэм, – она была необычайно добрая женщина и очень хорошо

вписалась в жизнь нашей деревни, даже привнесла в нее какую-то изюминку [10, с. 542].

2. *He told Olivia that her mother would be very much missed in the village. In the six years that she had lived in Temple Pudley, she had made herself, he said, very much part of the little community* [13, p. 549].

Он сказал Оливии, что всем жителям деревни будет очень не хватать миссис Килинг. За шесть лет она стала желанным членом их небольшой общины [10, с. 537].

В целом переводчику удалось донести до русскоязычного читателя основную идею, которую хотел передать автор оригинала (все жители деревни очень любили главную героиню романа, и им будет ее не хватать). В тексте перевода обоих отрывков сохранены словосочетания с положительной ингерентной коннотацией: *immensely kind* (необычайно добрая); *(added) a great flavour to our village life* (привнесла в жизнь нашей деревни) *какую-то изюминку*; *would be very much missed* (будет очень не хватать); *(had made herself) very much part of the little community* (стала желанным членом их маленькой общины). Следует отметить, что в параллельных текстах, как и в оригинале, прямая и несобственно прямая речь жителей Темпл-Пудли служит одним из способов выражения авторской симпатии к героине.

Более детальный сравнительный анализ показал, что, несмотря на кажущуюся простоту и автологичность языкового воплощения обоих отрывков, они содержат нюансы, на которые переводчик не посчитал нужным обратить внимание. Безусловно, английский глагол *to miss* реализует значение *не хватать*, а не *скучать*, т.к. об ушедшем из жизни человеке говорят, *его не хватает*, а не *мы скучаем по нему*. В втором отрывке переводчик справился с этой задачей, однако в первом употребил глагол *скучать*. Предложение *she added a great flavour to our village life* переведено (она) *очень хорошо вписалась в жизнь нашей деревни, даже привнесла в нее какую-то изюминку*. Произвольное добавление в текст перевода группы однородного сказуемого (*очень хорошо вписалась в жизнь нашей деревни*) не оправдано вертикальным контекстом произведения: Пенелопа, действительно, добавила в жизнь Темпл Пудли изюминку своим обаянием, добротой и щедростью, постоянно жертвуя деньги на благотворительность, но преподобный отец Тиллигнем не мог сказать, что она вписалась в жизнь весьма набожных жителей деревни, поскольку не посещала церковь. Во втором отрывке сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, эксплицирующим содержание главной части предложения (*In the six years that she had lived in Temple Pudley,*) произвольно заменено обстоятельство времени (*за шесть лет*). Такая замена видится неоправданной, поскольку, во-первых, в русском, более коротком, предложении нарушается плавный ритм повествования, присущий оригинальному предложению, а во-вторых,

теряется важная фактуальная информация: плотник (он же гробовщик) отлично помнит, сколько лет Пенелопа прожила в Темпл Пудли.

Итак, через восприятие Пенелопы ее близкими, друзьями и знакомыми автор дает свою оценку главной героине романа. Несмотря на сложные отношения Пенелопы со старшей дочерью и общую негативную оценку матери, которую дает Нэнси, симпатии автора на стороне Пенелопы, поскольку Нэнси выступает ее антиподом. Как видно из приведенных примеров, все фрагменты теста, содержащие оценку Пенелопы другими персонажами, которые симпатизируют героине, обладают положительной коннотацией.

Проведя исследование, мы приходим к выводу, что авторское отношение не всегда находит прямое выражение в тексте романа. При этом следует отметить, что автор глубоко симпатизирует Пенелопе Килинг, что проявляется в использовании эпитетов с положительной ингерентной коннотацией (*generous, splendid, beautiful, well-bred, immensely kind, practical, intelligent*), а также повтора словосочетания *very much*, которые помогают раскрыть отношение к главной героине.

Безусловно, наиболее полно этот аспект может быть раскрыт только с учетом всех текстовых связей через комплекс сюжетных характеристик и разноуровневых способов выражения в текстовой ткани произведения.

Проанализировав тексты перевода и оригинала романа «Семейная реликвия», в которых использованы средства реализации категории авторского отношения к главной героине, мы пришли к выводу, что переводчику в целом удалось передать основное содержание названных фрагментов, показав, что Пенелопа была всеми любима и что многим ее соседям после ее смерти будет ее очень не хватать. В тексте перевода сохранены также слова с положительной ингерентной коннотацией, характеризующие Пенелопу Килинг как очень красивую и неординарную женщину, заботливую и понимающую мать. Однако переводчики пренебрегли важными нюансами горизонтального и вертикального контекста, а также некоторыми значимыми графическими средствами, в силу чего русский текст не всегда доносит всю полноту авторского положительного отношения к героине.

Список литературы

1. Аканаева С.Ш. Сатирическое многоголосие речевых характеристик и языка автора в романе Ивлиной Во «Упадок и разрушение»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 165 с.
2. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. М., 2003. 489 с.
3. Белянин В.П. Системность лексики текста как отражение системности картины мира автора // Психолингвистические исследования: (Звук, слово, текст). Калинин, 1987. С. 79–91.

4. Борисова Е.Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология, лингвопоэтика, перевод: монография. Самара: ПГСГА, 2010. 356 с.
5. Борисова Е.Б. Художественный образ в параллельных текстах: Опыт общелингвистического анализа: монография. Самара: СГСПУ, 2018. 248 с.
6. Виноградов В.В. Проблема автора в художественной литературе // О теории художественной речи. М., 1971. 118 с.
7. Микоян А.С. Малый синтаксис как средство разграничения стилей / А.С. Микоян, С.Г. Тер-Минасова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 213 с.
8. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. Сост. и предисл. Н.А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 34–54.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-dict.ru/slovar-ozhegova.html> [ТСРЯ] (дата обращения: 01.03.2021).
10. Пилчер Р. Семейная реликвия // Перевод с английского И. Архангельской, И. Бернштейн, Ю. Жуковой, Г. Здорных. М.: СЛОВО / SLOVO, 2002. 608 с.
11. Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1994. 263 с.
12. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com> [LDCE] (дата обращения: 01.03.2021).
13. Pilcher R. The Shell Seekers. London: Coronet Books, 1989. 671p.

УДК 81`42

МОДЕЛЬ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ОСИ, ВЕРБАЛИЗУЕМОЙ В ТЕКСТЕ ТРИЛОГИИ «THE HUNGER GAMES»

М.Б. Гаврилова

*Пятигорский медико-фармацевтический институт - филиал
ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России,
Пятигорск*

Статья посвящена построению модели темпоральной оси романа «The Hunger Games», а также анализу способов ее вербализации в тексте трилогии. Для достижения данной цели проведен анализ эксплицитных и имплицитных вербализаторов категории времени, а также выявлены закономерности их употребления в тексте анализируемого произведения. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что художественное время текста романа репрезентировано типичными для антиутопий чертами.

Ключевые слова: модель, темпоральная ось, вербализация, антиутопия, линейная модель, цикличность.

Model of the Temporal Axis Verbalized in the Trilogy «The Hunger Games»

Maria B. Gavrilova

*Ryatigorsk Medical Pharmaceutical Institute of Volgograd Medical State University
of the Ministry of Health Care of Russia*

The article is devoted to the construction of a model of the temporal axis of the novel “The Hunger Games”, as well as to the analysis of ways of its verbalization in the text of the trilogy. To achieve this goal, the analysis of explicit and implicit verbalizers of the category of time was carried out, with the aim of pointing out the regularities of their use in the work in question. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the artistic time of the text of the novel is represented by typical dystopian features.

Keywords: model, temporal axis, verbalization, dystopia, linear model, cyclicity.

Первые два десятилетия XXI века отмечены появлением в литературном мире большого количества произведений жанра антиутопии (см., например, [7; 12]). Данный жанр прошел непростой путь развития с начала XX века по сегодняшний день. С каждым витком развития общества авторы антиутопий стараются учитывать произошедшие изменения в политической системе, технологиях и общественных отношениях, и переносить их негативные последствия в вымышленный мир в гипертрофированной форме. Тем не менее, есть несколько произведений, которые мы считаем классическими примерами именно современной антиутопии: «The Maze Runner» Дж. Дэшнера [8], «Divergent» В. Рот [11] и «The Hunger Games» С. Коллинз [5]. Это обусловило выбор романа «The Hunger Games» для анализа в данной работе.

Целью нашего исследования является построение модели темпоральной оси романа «The Hunger Games», а также анализ способов ее

вербализации в тексте трилогии. В ходе исследования мы использовали метод сплошной выборки, дефиниционный анализ (см. [1]), а также метод семантической реконструкции (см. [2]).

Роман «The Hunger Games», как и большинство современных произведений жанра антиутопии, написан от первого лица. Главная героиня – Китнисс Эвердин – живет в государстве, которое находится на территории бывшей Северной Америки:

(1) *He tells of the **history of Panem**, the country that **rose up out of the ashes of a place that was once called North America** [5, с. 27].*

(2) *In school, they tell us the Capitol was **built in a place once called the Rockies**. District 12 was in a region known as **Appalachia** [5, с. 27].*

При детальном рассмотрении данных примеров мы выявили, что сочетание названий мест и стран, о которых говорит главная героиня, с определенными лексическими единицами, преобразует их в маркеры времени. Например, ЛЕ *Appalachia*, которая сама по себе является пространственным вербализатором, в сочетании с причастием *known as* в контексте произведения, безусловно, является вербализатором времени. То же самое можно сказать о сочетаниях *rose up* и *Panem, once called* и *Rockies*, т.е. если глаголы, имеющие темпоральную семантику, соотносятся с пространственным вербализатором и имеют форму прошедшего времени либо форму Participle II, они придают номинативному вербализатору созначение темпоральности. Это обусловлено тем, что до основных событий романа произошло несколько лакунарных событий, которые упоминаются главной героиней, но не описаны подробно:

(3) *He lists **the disasters, the droughts, the storms, the fires, the encroaching seas that swallowed up so much of the land, the brutal war for what little sustenance remained** [5, с. 14].*

Из примера (3) можно сделать вывод о том, что такими лакунарными событиями стали ряд природных катастроф и война, которые привели к образованию государства *Panem*. Таким образом, сочетания определенных ЛЕ и названий упоминаемых мест и стран можно назвать вербализаторами времени, т.к. до определенного момента территория, на которой разворачиваются события романа, называлась *North America*, а затем стала называться *Panem*. При этом фраза *rose up out of the ashes* еще раз напоминает, что произошла какая-то катастрофа, что является жанрообразующим признаком произведений жанра антиутопии.

Но данная катастрофа не является диворсионной точкой данного произведения, так как она не делит основную темпоральную ось. Точкой, которая действительно разделяет хронологию рассматриваемого романа на «до» и «после», является событие, случившееся *после* катастрофы и образования государства *Panem*, т.е. так называемые *the Dark Days*:

(4) ***The result was Panem**, a shining Capitol ringed by thirteen districts, which brought peace and prosperity to its citizens. **Then came the Dark Days**,*

the uprising of the districts against the Capitol. Twelve were defeated, the thirteenth obliterated [5, с. 14].

Отметим, что именно *the Dark Days* являются точкой отчета для нового этапа в истории государства *Panem*, так как оно уже существовало до данной точки, но в романе не упоминается, сколько именно времени прошло от момента образования *Panem* до *the Dark Days*. Таким образом, ЛЕ *the Dark Days* вербализует **дिवорционную точку** (термин наш – М.Г.) романа «The Hunger Games».

В примере (4) глагол *obliterated* имеет темпоральность в значении и отражает то, что дистрикт №13 полностью перестал существовать:

- obliterate – to **destroy** every trace of; wipe out completely;
- destroy - means to cause so much damage to it that it is completely ruined or does not **exist** anymore;
- exist - if something exists, it is **present** in the world as a real thing [3].

obliterate destroy exist present

Восстание дистриктов привело к уничтожению одного из них, что стало причиной возникновения «The Hunger Games» – соревнований, в которых участвуют парень и девушка из каждого дистрикта. Соревнующиеся должны убивать друг друга, пока не останется один – победитель. Как говорит сама автор, на создание такого сюжета ее вдохновил миф о Тесее и Минотавре [9]:

(5) *The Treaty of Treason gave us the new laws to guarantee peace and, as our yearly reminder that the Dark Days must never be repeated, it gave us the Hunger Games* [5, с. 14].

Фраза *never be repeated* говорит о том, что основной целью создания Голодных игр было воспрепятствовать повторному появлению *the Dark Days* на темпоральной оси за счет напоминания жителям дистриктов об огромной власти Капитолия над ними.

Как мы уже упоминали, главной героиней романа является Китнисс Эвердин, и повествование ведется от ее лица. В целом, основная темпоральная ось строится вокруг жизни главной героини. В ходе повествования автор преимущественно использует временную форму Present Simple для описания простых (синконтинуальных (термин наш – М.Г.)) (события, не имеющие продолжения и последствий) и комплексных событий (события, которые имеют причину и какие-либо последствия):

(6) *When I wake up, the other side of the bed is cold* [5, с. 6].

Там, где заканчивается происходящее в настоящем времени, повествование продолжается с использованием форм Past Simple в воспоминаниях главной героини:

(7) *One time, when I was in a blind in a tree, waiting motionless for game to wander by, I dozed off and fell ten feet to the ground, landing on my back* [5, с. 16].

Подобные флешбэки встречаются на протяжении всех трех частей рассматриваемого произведения и являются значимой частью выстраиваемой темпоральной модели. Переход к ним чаще всего осуществляется с помощью каких-либо предметов, которые связаны с данными воспоминаниями:

(8) *Unfortunately, the packet of cookies hits the ground and bursts open in a patch of dandelions by the track. I only see the image for a moment, because the train is off again, but it's enough. Enough to remind me of that other dandelion in the school yard years ago . . .* [5, с. 32].

(9) *The bread. Our one moment of real connection before the Hunger Games* [6, с. 220].

В данных примерах в качестве вербализаторов «триггеров» для перехода от происходящего в настоящем времени к определенному моменту в прошлом используются ЛЕ *dandelion* и *bread*. Обратившись к широкому контексту романа, можно отследить, что подобные ЛЕ являются *коннекторами* между происходящим с Китнисс в настоящем и ее прошлой жизнью. Часто это какие-то позитивные воспоминания. Таким образом, характерной чертой темпоральной структуры романа является использование номинаций, не маркированных какой-либо темпоральной семантикой, в качестве «триггеров» для флешбэков главной героини. Следовательно, номинации такого рода можно рассматривать как имплицитные вербализаторы, участвующие в построении темпоральной оси романа.

Другой тип воспоминаний появляется после участия в Голодных играх. Переход к ним также может происходить с помощью каких-либо ЛЕ, не маркированных темпоральной семантикой. Данные ЛЕ также выступают в качестве *триггеров*, если рассматривать данный термин с точки зрения психологии: «a small occurrence in everyday life, such as a sound, smell, a look at someone's face or news broadcast, may set off a chain of memory 'bits' and you have intense distress reactions associated with them; sometimes referred to as “feeling flashback”, where being in an anxious/aroused state that resembles feelings experienced during the traumatic event will trigger reactions such as profound fear, twitching or a sense of utter helplessness that's an over-the-top response to the current situation» [13, с. 17]. В своей работе А. Ветмор выделяет несколько признаков посттравматического стрессового расстройства, в число которых входят кошмары, навязчивые воспоминания, триггеры памяти и триггеры эмоций. Можно предположить, что Китнисс страдает данным расстройством после участия в «Голодных играх», так как в ходе повествования во второй и третьей частях романа читатель может наблюдать постоянное проявление перечисленных выше признаков. Таким образом, мы считаем, что необходимо разграничивать ЛЕ, «запускающие» положительные воспоминания (*коннекторы*), и ЛЕ, «запускающие» негативные

воспоминания (**триггеры**). Рассмотрим подробнее примеры вербализации триггеров:

(10) *She's leaning a bit forward on the toes of her shiny white boots like she's about to take flight, like - Bam! It's like someone actually hits me in the chest. <...> I don't see Prim - I see Rue, <...> She could fly, birdlike, from tree to tree, catching on to the slenderest branches. Rue, who I didn't save* [4, с. 36].

(11) *Wishing I had died in the arena. Wishing Seneca Crane had blown me to bits the way President Snow said he should have when I held out the berries.*

The berries. I realize the answer to who I am lies in that handful of poisonous fruit [4, с. 101].

Примеры (10) и (11) хорошо иллюстрируют, как определенные ЛЕ «запускают» травмирующие главную героиню воспоминания. В данных примерах для усиления эмоционального воздействия на читателя автор использует несколько художественных приемов: подхват, междометие (выражающее неожиданность, удивление), метафору (*she could fly, birdlike*), а также эпитетический повтор.

Как видно из определения понятия «триггер», данного выше, воспоминания могут «запускаться» не только с помощью предметов или эмоций, но и с помощью запахов. Одним из сильнейших триггеров для Китнисс является запах роз, который ассоциируется с ее главным врагом Президентом Сноу и вызывает у нее ужас, так как Президент является прямой угрозой ей и ее близким:

(12) *The sickeningly sweet smell hits my nose, and my heart begins to hammer against my chest. So I didn't imagine it. The rose on my dresser* [6, с. 153].

Показательно употребление наречия *sickeningly*, отмеченного явно негативной оценочностью, для характеристики роз. В данном примере предложение *The rose on my dresser* также репрезентирует элемент цикличности в темпоральной структуре романа, так как возвращает читателя к эпизоду, в котором Китнисс заходила в свой дом после уничтожения дистрикта 12.

Другим способом перехода от настоящего к воспоминаниям могут служить различные фразы, в которых используются эксплицитные вербализаторы времени, например: *one time, years ago, the worst time*.

(13) *Years ago it was a warehouse to store coal, but when it fell into disuse, it became a meeting place for illegal trades and then blossomed into a full-time black market* [4, с. 10].

Частотно употребляются сочетания *by the time* (55), *first time* (52), *long time* (29). Среди эксплицитных вербализаторов, обозначающих время суток, особенно часто действие происходит в первой половине дня (*morning* (160), *afternoon* (53), *dawn* (34)), а также ночью (*night* (94)):

(14) “Well, I know when it hit me. **The night when** you shouted out his name from that tree,” says Caesar [5, с. 218].

Вербализаторы *evening* (38) и *sunset* (8) встречаются реже.

Различные художественные приемы используются автором для *перехода* от одного события к другому:

(15) *Get something nice for tonight*,” he says. **Tonight**. After the reaping, everyone is supposed to celebrate [5, с. 10].

В примере (15) переход осуществлен с помощью эпитетического повтора лексемы *tonight*, акцентирующего именно темпоральный аспект описываемой ситуации.

Также автор использует назывные предложения:

(16) *Roses. Wolf mutts. Tributes. Frosted dolphins. Friends. Mockingjays. Stylists. Me. Everything screams in my dreams tonight* [6, с. 235].

Обычно такие предложения используются для того, чтобы обозначить существование предмета или явления (см. подробнее [10]), и коррелируют только с настоящим временем. В контексте произведения назывные предложения автор использует, чтобы еще раз напомнить детали тех ужасов, которые произошли с Китнисс, и чтобы акцентировать внимание читателя на «рваной» структуре флешбэка, формируемой с помощью данного приема. Таким образом, назывные предложения вербализуют настоящее время на темпоральной оси с отсылкой к разным событиям в прошлом.

Отдельно обратим внимание на сны Китнисс. На протяжении всего произведения они имеют примерно один и тот же сюжет. Особенно часто упоминается сцена гибели ее отца:

(17) *Each time I wake, I think, at last, this is over, but it isn't. It's only the beginning of a new chapter of torture. How many ways do I watch Prim die? Relive my father's last moments? Feel my own body ripped apart? This is the nature of the tracker jacker venom, so carefully created to target the place where fear lives in your brain* [5, с. 118].

Можно сказать, что выделенные в примере (17) вербализаторы времени репрезентируют закольцованное воспоминание, которое также привносит элемент цикличности в темпоральную структуру анализируемого произведения.

Для произведений жанра антиутопии свойственно наличие окказиональной лексики. В рассматриваемом романе не так много окказионализмов, и ЛЕ *tracker jacker venom* является одной из них. Нам представляется, что эта ЛЕ имеет темпоральную окраску. Это обусловлено тем, что данные насекомые были искусственно созданы Капитолием как оружие против дистриктов, то есть они не существовали раньше. Но главное, в чем заключается темпоральность, – это яд таких насекомых, способный исказить восприятие реальности человеком так, что он теряется во времени и пространстве:

(18) *So I walk off in the other direction, hoping my enemies still lie locked in the surreal world of tracker jacker venom* [5, с. 120].

К тому же, данный яд способен вызывать самые ужасные воспоминания и усиливать их в несколько раз, то есть можно сказать, что укус *tracker jacker* может стать триггером для флешбэка, либо наоборот, переходом к будущему:

(19) *Is this real? Or have the hallucinations begun? I squeeze my eyes tight and try to breathe through my mouth, ordering myself not to become sick. Breakfast must stay down, it might be days before I can hunt again* [5, с. 116].

(20) *How long have I been out? It was morning when I lost reason. Now it's afternoon. But the stiffness in my joints suggests more than a day has passed, even two possibly. If so, I'll have no way of knowing which tributes survived that tracker jacker attack* [5, с. 118].

Самым ярким окказионализмом романа является ЛЕ *mockingjay*. Он образован с помощью сложения частей двух слов – *mockingbird* (a grey bird with a long tail which is found in North America. Mockingbirds are able to copy the songs of other birds [3]) и *jay* (a bird with bright blue feathers [3]). Птицы, которым автор дала такое название, стали символом свободы и революции для жителей Панема, так как они появились вопреки его воле. В аспекте темпоральности данный окказионализм связан со становлением характера главной героини и этапами ее жизни. В начале ей дарят брошь с сойкой-пересмешницей, которую она носит на арене. А в итоге, Китнисс сама становится «Сойкой-пересмешницей» – символом революции. Также ЛЕ *mockingjay* является коннектором и вызывает у героини определенные позитивные воспоминания:

(21) *My father was particularly fond of mockingjays. When we went hunting, he would whistle or sing complicated songs to them and, after a polite pause, they'd always sing back* [5, с. 28].

В целом, имплицитная группа вербализаторов темпоральности представлена в анализируемом романе в следующем процентном соотношении:

- существительные – 39%;
- глагольные формы – 33 %;
- триггеры – 14%;
- словосочетания глагольная форма + локатив – 8 %;
- окказионализмы – 6%.

Также в рассматриваемом произведении частотно используются следующие эксплицитные вербализаторы времени: *time* (713), *year* (282), *hour* (44), *minute* (150), *second* (137), *day* (368), *today* (89), *dawn* (34), *sunset* (8). Так как в ходе повествования часто встречаются воспоминания главной героини, ЛЕ *remember* (159) и *memory* (23) также можно трактовать как частотные имплицитные вербализаторы темпоральности. Как мы упоминали выше, данные ЛЕ имеют темпоральность в значении.

Эксплицитная группа вербализаторов представлена в романе следующими группами в следующем процентном соотношении:

- предлоги и временные союзы – 39%;
- ЛЕ, номинирующие измерения времени – 30%;
- словосочетания с ЛЕ *time* – 18%;
- ЛЕ, обозначающие время суток – 13%.

В тот момент, когда Китнисс попадает на арену, темпоральная ось романа раздваивается, так как арена является искусственно созданным сооружением, в котором *время регулируется организаторами игр*. Это особенно ярко показано во второй части романа, где арена построена по принципу часов, и каждый час в каком-либо их секторе героев ждали определенные испытания:

(22) *A clock. I can almost see the hands **ticking** around the **twelve-sectioned** face of the arena. Each hour begins a new horror, a new Gamemaker weapon, and ends the previous* [4, с. 270].

Данный пример еще раз подтверждает, что автор произведения не стал выходить за рамки привычного читателю суточного цикла, что, на наш взгляд, уравнивает темпоральные оси за пределами арены и внутри нее. Не смотря на наличие часов на арене, трибуты не могут определить точное время, так как организаторы управляют «стрелками» часов. В целом, на протяжении всего романа, указание на точное время встречается всего 32 раза. Наиболее часто точные указания времени встречаются в третьей части романа, по сюжету которой Китнисс живет в дистрикте 13 по четкому расписанию:

(23) *You can't miss your **schedule**. Every morning, you're supposed to stick your right arm in this contraption in the wall. It tattoos the smooth inside of your forearm with your **schedule for the day** in a sickly purple ink. **7:00** — Breakfast. **7:30** — Kitchen Duties...* [6, с. 16].

Второстепенная сюжетная линия дистрикта 13 развивается параллельно с основным сюжетом. Как мы уже упоминали, в результате *the Dark Days* дистрикт 13 был уничтожен и появились Голодные игры. Но во второй части романа выясняется, что все это время дистрикт существовал и развивался, а также он стал базой для подготовки революции против действующего президента Панема:

(24) *To have a new home at all is seen as a wonder since, up until a short time ago, we hadn't even known that District 13 still existed* [6, с. 6].

В примере (24) выделенные вербализаторы отражают новый этап в жизни главной героини. Например, сочетание *a new home* используется, чтобы показать, что жители дистрикта 12 вряд ли смогут туда вернуться.

Тем не менее, несмотря на то, что данная сюжетная линия развивалась параллельно с основной, с темпоральной точки зрения данные оси существуют в рамках одного континуума, и их можно объединить в одну.

Также в романе есть имплицитные темпоральные маркеры, которые связывают первые и вторые Голодные игры:

(25) *“No, that's what they want you to think. The same way I wondered if **Glimmer's eyes were in that mutt last year. But those weren't Glimmer's eyes. And that wasn't Prim's voice. Or if it was, they took it from an interview or something and distorted the sound** [4, с. 286].*

В приведенном примере таким коннектором выступают ЛЕ *Glimmer's eyes*. Также данные ЛЕ в контексте примера (26) являются триггером, запускающим негативные воспоминания о мутантах на первых играх.

Ход времени в романе может ускоряться либо замедляться, в зависимости от восприятия главной героини:

(26) *It only **happened once. It was fast and unexpected, but it did happen.** <...> **This all flashes through** my head in an instant as President Snow's eyes **bore into me on the heels of his threat to kill Gale** [4, с. 26].*

За небольшой промежуток времени в мыслях Китнисс появляется ряд довольно продолжительных воспоминаний, которые описываются на нескольких страницах, в то время как для Президента, возможно, прошло несколько секунд. Глагол *bore* в данном примере имеет темпоральную семантику:

- bore – to **produce** (a hole) in (a material) by use of a drill, auger, or other cutting tool;
- produce – to bring (something) into **existence**; yield;
- existence – is the fact that it is **present** in the world as a real thing [3].

bore > produce > existence > present

На наш взгляд, автор предпринял попытку максимально погрузить читателя в атмосферу произведения и создать ощущение того, что все происходит где-то в реальном мире в настоящее время, с помощью следующих приемов: повествование от первого лица, использование временной формы Present Simple, упоминание реальных географических названий (North America, Appalachia), а также привычное читателю календарное время. Например, мы точно знаем, что день рождения Китнисс 8 мая, а ее отец погиб в январе:

(27) *I kept telling myself if I could **only hold out until May, just May 8th, I would turn twelve and be able to sign up for the tesserae and get that precious grain and oil to feed us** [5, с. 19].*

(28) *My father had been killed in the mine accident **three months earlier in the bitterest January anyone could remember** [5, с. 19].*

Несмотря на то, что в романе «The Hunger Games» существуют второстепенные сюжетные линии, мы считаем, что их не стоит выделять в виде второстепенных темпоральных осей, так как в основном сюжете рассматриваемого произведения не описываются катастрофы, связанные с глобальными изменениями на планете (как, например, в романе «The Maze

Runner» [8]), которые могли бы привести к изменениям в календарном или сезонном циклах и, соответственно, изменить общую темпоральную структуру романа. Проведенный анализ показал, что календарный год и сезоны года в произведении «The Hunger Games» приближены к реальности. Художественное время текста романа репрезентировано такими типичными для антиутопий чертами, как разделение темпоральной оси диворсионной точкой, замедление либо ускорение хода времени, темпоральное пространство снов и флешбэков. Таким образом, основная темпоральная ось романа имеет **линейную модель с флешбэками и элементами цикличности.**

Список литературы

1. Айрапетян Р.Р., Алимуратов О.А. Опыт кластерного анализа и семантической классификации английских глаголов (на примере группы “verbs of putting”) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2 (039). С. 96–109.
2. Раздубев А.В. Сравнительно-сопоставительный анализ семантики, структуры и динамики русского и английского подязыков сферы нанотехнологий // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 167–170.
3. Collins English Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения 01.05.2019).
4. Collins S. Catching Fire (The Hunger Games). N.Y.: Scholastic Press, 2009. 327 p.
5. Collins S. The Hunger Games. N.Y.: Scholastic Press, 2008. 228 p.
6. Collins S. The Mockingjay (The Hunger Games). N.Y.: Scholastic Press, 2010. 400 p.
7. Condie A. Matched. N.Y.: Penguin Books, 2011. 416 p.
8. Dashner D. The Maze Runner. NY: Delacorte press, 2009. 400 p.
9. GradeSaver [Электронный ресурс] URL: <https://www.gradesaver.com/the-hunger-games/study-guide/the-story-of-theseus-and-the-minotaur> (дата обращения 01.05.2019).
10. Malchukov A., Ogawa A. Towards a typology of impersonal constructions // Impersonal Constructions: cross-linguistic perspective / edited by A. Malchukov and A. Siewierska. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2011. P. 19–57.
11. Roth V. Divergent. NY: Katherine Tegen Books, 2011. 496 p.
12. Westerfeld S. Uglies. N.Y.: Simon Pulse, 2011. 432 p.
13. Wetmore A. An Introduction to Coping with Post-Traumatic Stress. London: Robinson, 2019. 2nd ed. 128 p.

УДК 811.111'367

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ ПОВТОРОВ В РЕЧИ
У. ЧЕРЧИЛЛЯ «WAR OF THE UNKNOWN WARRIORS»
В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Е.Д. Галкина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Т.Н. Синеокова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена особенностям презентации повторов в военной речи У. Черчилля “War of the Unknown Warriors” и ее переводе на русский язык. Анализируются четыре группы повторов, выполняющих фокусирующую функцию, функцию перечисления, функцию сопоставления и функцию уточнения. Рассматриваются переводческие приемы передачи структурно-функциональных и смысловых характеристик конструкций с повтором.

Ключевые слова: Уинстон Черчилль, военная речь, синтаксис, функции повтора, перевод.

**Peculiarities of Repetitions Presentation in the Translation of W. Churchill’s Speech
“War of the Unknown Warriors” into the Russian Language**

Ekaterina D. Galkina

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

Tatiana N. Sineokova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

The article is devoted to the peculiarities of repetitions presentation in the wartime speech of W. Churchill “War of the Unknown Warriors” and its translation into the Russian language. Four groups of repetitions fulfilling the focusing function, the enumerating function, the juxtaposing function and the commenting function are analyzed. The translator’s methods of conveying structural, functional and semantic features of constructions with repetition are considered.

Ключевые слова: Winston Churchill, wartime speech, syntax, functions of repetition, translation.

Речь У. Черчилля «Война неизвестных солдат» является одним из наиболее ярких и известных его выступлений военного времени. Согласно плану вторжения в Британию и подготовки к операции «Морской лев» Гитлер отдает приказ о массовых бомбардировках с целью уничтожения королевских ВВС. 10 июля 1940 года начинается так называемая «битва за Британию», а 14 июля премьер-министр выступает по радио с обращением к нации.

Синтаксические особенности военных речей У. Черчилля как маркеры риторского искусства остаются объектом пристального внимания

исследователей [1; 3; 4; и др.], в том числе изучаются многочисленные вариации конструкций с повторами [2; 5; и др.].

Предметом анализа в статье являются структурно-семантические особенности реализации повторов в речи У. Черчилля и способов их передачи в переводе на русский язык. При этом зарегистрированные в речи повторы рассматриваются в рамках выполняемых ими функций: фокусирующей функции, функции уточнения, функции перечисления, функции сопоставления [5]. В качестве иллюстраций используются фрагменты выступлений У. Черчилля, представленные на сайте “International Churchill Society” [8] и их переводы на русский язык в издании «Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля» [6].

Фокусирующая функция, заключающаяся в выделении с помощью повтора наиболее информационно и эмоционально значимых для слушателей элементов высказывания, реализуется в речи У. Черчилля с помощью синонимического повтора:

(1a) *And I proclaim my faith that some of us will live to see a fourteenth of July when a liberated France will once again rejoice **in her greatness and in her glory**, and once again stand forward as the champion of the freedom and the rights of man.*

Являющиеся синонимами лексемы *greatness* и *glory* [7] позволяют оратору усилить экспрессивность высказывания и воздействовать на эмоциональную сферу аудитории.

В переводе на русский язык конструкция с повтором синонимов сохраняется:

(1b) *Лично я глубоко верю в то, что некоторым из нас суждено дожить до того момента, когда освобожденная Франция **во всем своем величии и славе** снова будет праздновать 14 июля, восстановив свой статус гаранта прав и свобод человека.*

Кроме того, переводчик вводит дополнительный усиливающий эмоциональное воздействие компонент: *in her greatness* → *во **всем** своем величии*.

Функция перечисления состоит в перечислении фактов, обстоятельств, аргументов и т. д. Призывая сограждан к борьбе с фашизмом и помощи Франции, У. Черчилль говорит:

(2a) *The association of interest between Britain and France **remains**. The cause **remains**. Duty inescapable **remains**.*

Оратором используется принцип синтаксического параллелизма, при этом повторяющаяся лексема *remains* занимает конечную позицию, а перечисляемые в призыве аргументы — начальную.

При некоторой вариативности элементов, стоящих в начальной позиции (например, использование приема смыслового развития при передаче лексемы *cause*, которая трансформируется в *дело, за которое мы*

боремся), переводчик сохраняет принцип синтаксического параллелизма, заложенного в исходном фрагменте:

(2b) *Общность интересов Британии и Франции остается. Дело, за которое мы боремся, остается. Неизбежный долг остается.*

При этом как в тексте оригинала, так и в тексте перевода сохраняется тавтологический повтор лексемы *remains / остается*.

В представленном ниже примере принцип синтаксического параллелизма обнаруживается внутри одного высказывания, также содержащего элементы перечисления и выполняющего соответствующую функцию:

(3a) *But be the ordeal sharp or long, or both, **we shall seek no terms, we shall tolerate no parley; we may show mercy — we shall ask for none.***

В тексте оригинала элементы *we shall* повторяются оратором три раза, а отрицательное значение достигается с помощью стоящего перед существительными отрицательного местоимения *no* и отрицательного местоимения *none*.

Определенные трансформации наблюдаются в тексте перевода:

(3b) *Каким бы ни было испытание — стремительным и сокрушительным или изнурительным и затяжным, а быть может, и таким, и эдаким, — **мы не должны** идти на компромисс, **мы не должны** соглашаться ни на какие переговоры.*

В переводе сохраняется синтаксический параллелизм, однако его автор прибегает к опущению одного из трех повторов (*we shall ask for none*). В то же время удачным приемом представляется лексическая трансформация используемых в тексте оригинала конструкций *shall + verb + negative pronoun + (noun)*, когда вспомогательный глагол замещается модальным в отрицательной форме (*не должны*), поскольку в смысловом отношении конструкции с *no + noun* обладают в английском языке большей степенью категоричности, чем конструкции с *verb + not*.

Рассмотрим еще один пример использования повтора с функцией перечисления в анализируемой речи У. Черчилля:

(4a) ***He had his plans for Poland and his plans for Norway. He had his plans for Denmark. He had his plans all worked out for the doom of the peaceful, trustful Dutch; and, of course, for the Belgians.***

Переводчик сохраняет общий принцип синтаксического параллелизма:

(4b) ***У него были готовые планы в отношении Польши и готовые планы в отношении Норвегии. У него были готовые планы в отношении Дании. У него были тщательно разработанные планы, обрекавшие на гибель мирных и доверчивых голландцев, и, конечно, готовые планы для бельгийцев.***

В то же время лексема *his (plans)* подвергается лексической трансформации и замещается лексемами *готовые* и *тщательно разработанные (планы)*, конкретизирующими значение исходной единицы.

Некоторые лексико-грамматические трансформации в повторе, используемом в функции перечисления (*all our output of munitions* → *все производимое нами*), могут быть обусловлены при переводе особенностями комбинаторики используемых элементов:

(5a) *All our regular troops, all our output of munitions, and a very large part of our Air Force, had to be sent to France and maintained in action there.*

(5b) *Нам пришлось послать во Францию для боевых действий все наши регулярные войска, все производимое нами вооружение и значительную часть нашей авиации.*

В отдельных случаях переводчик полностью сохраняет особенности структурной организации исходного текста:

(6a) *We shall defend every village, every town, and every city.*

(6b) *Мы будем защищать каждую деревню, каждое селение и каждый город.*

Функция сопоставления проявляется при сравнении фактов с целью выделения их сходства или различия.

Чаще всего при акцентуализации различий используются специальные средства связи, в том числе противительный союз *but*:

(7a) *We are fighting by ourselves alone; but we are not fighting for ourselves alone.*

Эффект контраста в анализируемом фрагменте достигается также путем использования глагола в утвердительной и отрицательной формах (*are fighting, are not fighting*), а также разных предлогов (*by ourselves* и *for ourselves*).

Переводчик сохраняет повтор глагола, в то время как другие повторяющиеся в исходном тексте элементы опускаются:

(7b) *Мы сражаемся в одиночку; но сражаемся не только ради себя.*

Как видим, в переводе не сохраняется также принцип синтаксического параллелизма.

Приведенный ниже фрагмент отнесен к группе высказываний с повторами в функции сопоставления, поскольку, несмотря на присутствие элемента перечисления, основной их целью является выражение соотношенности с разными временными планами:

(8a) *Perhaps it will come tonight. Perhaps it will come next week. Perhaps it will never come.*

Автор перевода сохраняет принцип синтаксического параллелизма:

(8b) *Может быть, враг пойдет в атаку нынче вечером. Может быть, на следующей неделе. А может быть, никогда.*

При этом используются некоторые лексико-синтаксические трансформации, в том числе уточняется значение местоимения *it* (*враг*

пойдет в атаку), опускаются элементы, относящиеся к тематической части высказываний (*it will come*), во второй и третьей конструкциях с повтором.

Функция уточнения состоит в пояснении, конкретизации или дополнении значимых компонентов высказывания.

Данная функция отчетливо проявляется в речи в силу использования оратором глагола *to dwell on* в рамках модифицирующего повтора *I dwell on these elements* и *I dwell on them* с лексической трансформацией (*these elements* → *them*), а также придаточного причины, эксплицитно презентуемого с помощью союза *because*:

(9a) *I dwell on these elements in our strength, on these resources which we have mobilized and control — I dwell on them because it is right to show that the good cause can command the means of survival; and that while we toil through the dark valley we can see the sunlight on the uplands beyond.*

Переводчик воспроизводит структурные особенности текста оригинала, тем самым сохраняя заложенную в нем функцию повторов. При этом наблюдается опущение некоторых элементов (*control*), трансформация грамматических конструкций (*it is right to show* → *считаю необходимым показать*), смысловое развитие (*the good cause can command the means of survival* → *добро способно побеждать* и др.):

(9b) *Я останавливаюсь на этих факторах нашей силы, на этих ресурсах, которые мы мобилизовали — я останавливаюсь на них потому, что считаю необходимым показать, что добро способно побеждать, и что, пробиваясь сквозь мрак теснины, мы уже видим лучи солнца, озаряющие горные вершины вдали.*

Следует отметить, что в ряде случаев функции повторов в одном высказывании могут накладываться, создавая синергетический эффект. Так, например, конструкции с функцией перечисления нередко выполняют также фокусирующую функцию, а при сопоставлении могут наблюдаться элементы перечисления.

Таким образом, конструкции с повторами в рассматриваемой речи У. Черчилля выполняют четыре основные функции: фокусирующую функцию, функцию уточнения, функцию сопоставления, функцию перечисления. Наиболее частотны повторы с функцией перечисления, что, по-видимому, можно объяснить основной задачей, стоящей перед оратором: убедить нацию в необходимости борьбы с фашизмом путем приведения многочисленных фактов, воздействующих на эмоциональную и рациональную сферы аудитории. В переводе на русский язык, несмотря на некоторые трансформации, конструкции с различными функциональными типами повторов сохраняются.

Список литературы

1. Богатырева Е.Н., Бургутов Т.М., Исмагилов К.М. Стилистические особенности дискурса речевых произведений-выступлений Уинстона Черчилля эпохи

второй мировой войны // Актуальные вопросы развития науки и технологий / Сборник статей международной научно-практической конференции молодых ученых. Костромская государственная сельскохозяйственная академия. 2017. С. 3–37.

2. Петрова О.Г. Повтор как характерная особенность стиля речей У. Черчилля // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 45. С. 64–68. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24719141_86945168.pdf (дата обращения: 5.02.2021).

3. Петрова О.Г. Особенности языка У. Черчилля: использование сложных грамматических структур // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/11/17701> (дата обращения: 25.03.2020).

4. Попов Я.Г., Кузнецова Л.Э. Синтаксические особенности политического дискурса Уинстона Черчилля // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 32–34. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36288670_40066506.pdf (дата обращения 25.03.2020).

5. Синеокова Т.Н. Структурно-семантические и функциональные особенности реализации повторов в политических выступлениях У. Черчилля военного времени // Поволжский педагогический вестник. 2019. Том 7, № 4 (25). С. 103–111. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42556715_43435189.pdf (дата обращения 29.01.2021).

6. Черчилль У. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля / Пер. с англ. С. Чернин. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 644 с.

7. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/greatness> (дата обращения 8.02.2021).

8. International Churchill Society [Электронный ресурс]. URL: <http://www.winstonchurchill.org> (дата обращения 11.01.2021).

УДК 811.111

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ

О.А. Гумма

Московский педагогический государственный университет, Москва

Н.А. Лаврова

Московский педагогический государственный университет, Москва

В статье рассматриваются фразеологизмы с антропонимом в английском языке. Цель исследования – эксплицировать роль фразеологических единиц с компонентом-антропонимом в современной англоязычной периодике, а также показать, какие функции они выполняют, основываясь на их семантике.

Ключевые слова: фразеологическая единица, функции, антропоним, публицистический дискурс, периодика.

Functioning of Phraseological Units with Anthroponyms in Modern English Periodicals

Oksana A. Gumma

Moscow Pedagogical State University, Moscow

Nataliya A. Lavrova

Moscow Pedagogical State University, Moscow

The article is devoted to the analysis of phraseological units with anthroponyms in the English language. The aim of the research is to explicate the role of phraseological units with proper names in English periodicals and to demonstrate their main functions taking into account their semantics.

Key words: phraseological units, functions, anthroponym, publicistic discourse, periodicals.

Фразеологические единицы, в составе которых присутствует антропоним, являются ярким экспрессивным средством языка и представляют особый интерес для изучения. Устойчивые выражения такого типа «отражают культурное и историческое развитие английского народа, его быт и традиции, делают английский язык более выразительным» [1, с. 55]. Как справедливо подчеркивает В.И. Маркевич, имя собственное является одной из универсалий культуры и особым языковым знаком, выполняющим «функцию хранения и трансляции традиций, истории, культуры народа» [2, с. 136].

Как правило, этимология и значение фразеологизма с компонентом-антропонимом основываются на этимологии и семантике личного имени или фамилии, обладающих особой историей. По данным Н.А. Лавровой и Е.А. Никулиной, идиомы с компонентом-антропонимом требуют разной степени активации фоновых знаний реципиента в зависимости от источника устойчивых выражений [4, с. 853].

Англоязычная пресса играет значительную роль в массовом информационно-образовательном дискурсе. Тексты англоязычных СМИ представляют собой обобщенный, совокупный образ английского языка, в котором разносторонне и быстро отражаются языковые трансформации. Тематика публикаций в англоязычных газетах и журналах охватывает не только вопросы внутри определенной страны, но и сферу внешних связей и взаимодействий, и, как следствие, постоянно находится в тесном контакте с другими языками. Это способствует активному появлению и распространению новых фразеологических единиц, что обуславливает актуальность их изучения.

На основе изучения теоретической и практической литературы по теме исследования [1, 2, 3, 4] нами были выделены следующие основные функции, которые выполняют фразеологизмы с компонентом-антропонимом в текстах современных англоязычных статей:

- 1) функция выражения эмотивного потенциала и передачи образности в текстах публицистического характера;
- 2) механизм привлечения внимания к поднятой автором статьи проблеме (аттрактивная функция);
- 3) функция воздействия на читателя, манипулятивное речевое влияние на адресата (характерно для политического дискурса);
- 4) оценочно-характеризующая функция;
- 5) ироническая функция;
- 6) эвфемистическая функция.

Рассмотрим каждую из перечисленных функций подробнее. Фразеологические единицы, в состав которых входит компонент-антропоним, обладают экспрессивным характером, являясь средством выражения *эмотивности* и *образности* в текстах англоязычных статей. Как правило, идиоматические выражения, являющиеся восклицательными конструкциями и имеющие междометный характер, выполняют данную функцию. Так, фразеологизм *by Jove* употребляется в значении «Клянусь!» и является ярким примером эмоциональной репрезентации:

'By Jove, the war's coming to an end': Battle of Amiens remembered [6].

Идиома *Jeez Louise!* означает «о Боже! Неужели?!» и используется для выражения удивления и возмущения. В основе фразеологизма лежит такой стилистический прием, как консонанс, который создает определенный ритмический фон. Так, например, автор следующей статьи комментирует важность получения достоверной информации в период пандемии:

And, jeez Louise, the information! [14]

Данная идиома может также использоваться для выражения отрицания в значении «О, нет!», репрезентируя образный концепт «отрицания»:

... he denied being on Twitter at all, saying: "*Jeez Louise* I'm not on

twitter" [5].

Для выражения крайней степени удивления в ситуации неформального общения используется фразеологизм *Great Scott*, означающий «святые угодники, этого не может быть!». Принято считать, что Уинфилд Скотт – генерал армии США и кандидат в президенты от партии либералов – послужил прототипом данного выражения. В периодике идиома часто встречается в заголовках статей:

Great Scott! It's back [20].

Автор данной статьи рассуждает на тему того, что снег в Лондоне – редкое явление, и подчеркивает, что такие погодные условия повергли в шок англичан, которые не привыкли к большому количеству осадков в зимнее время года.

Фразеологизм *No way, Jose!* является экспрессивной вариацией выражения «ни за что, ни при каких обстоятельствах». В представленной статье используется такой стилистический прием, как игра слов, поскольку José – это имя футбольного тренера Жозе Моуринью. Однако в контексте данной статьи выражение с использованным именем собственным относится к образным:

No way José: Football is no soap opera, despite Amazon's efforts [13].

Следующей значимой функцией фразеологических единиц с компонентом-антропонимом является *аттрактивная*. Она заключается в том, что устойчивые выражения, в состав которых входит имя собственное, являются выразительным составным элементом заголовка или подзаголовка статьи, привлекая внимание читателей. Как правило, заголовок отражает содержание статьи, именно поэтому большое внимание уделяется его грамотному формулированию. Как отмечает К.И. Симановская, «в газете заголовок занимает самую сильную, акцентируемую позицию» [3, с. 162]. Авторы публикаций в периодических изданиях используют идиомы для того, чтобы заострить внимание читателей на определенном вопросе или проблеме.

Так, например, в следующей статье речь идет о том, что Мохаммед Нуру, директор общественных работ в Сан-Франциско, был арестован и обвинен ФБР во взяточничестве, мошенничестве с использованием электронных средств связи и коррупции:

San Francisco's "Mr. Clean" Arrested By FBI For Alleged Porta Potty Scandal As Human Waste Reports Spike To New High [4].

В данном случае фразеологическая единица "Mr. Clean" вызывает особый интерес, акцентируя внимание общественности на существующей проблеме.

Is Seattle Being Buzzed By Drone-Equipped Peeping Toms? [10]

В представленном заголовке фразеологическим компонентом является популярное выражение *Peeping Tom*, означающее «человек, подглядывающий за другими людьми, вайерист». В контексте речь идет о

том, что дроны «заполонили» Сиэтл, снимая на камеры людей без их официального согласия. Автор статьи призывает читателей ознакомиться с проблемой нарушения личных границ, которая стала очень актуальной в связи с развитием высоких технологий.

Фразеологизмы также выполняют функцию *манипулятивного* воздействия на читателя. Особенно ярко этот механизм прослеживается в политическом дискурсе.

Идиома *proper Charlie* апеллирует к периоду правления Карла II, который отправлял на «пенсию» солдат, не подходящих для службы. Сегодня фразеологизм используется, если речь идет о человеке, которому не хватает здравого смысла. В английской периодике встречается следующий пример употребления данной единицы:

If you had come to doubt Boris Johnson's competence as Foreign Secretary, you must be feeling a *proper Charlie* now [15].

Автор использует категоричную форму убеждения читателей в компетентности Бориса Джонсона, сообщая, что надо быть настоящим глупцом, чтобы сомневаться в его дипломатических методах.

Британское выражение *to take the Mickey / micky-taking* часто фигурирует в контекстах политических ситуаций и обозначает «высмеивать кого-либо, дразнить». Идиома апеллирует к рифмованному сленгу диалекта Кокни, в котором она изначально имела форму *taking the Mickey Bliss*, а впоследствии была сокращена до *taking the Mickey*. Можно привести следующий пример использования оборота в СМИ:

Shadow home secretary, who wants to be mayor of Manchester, says people fear '*micky-taking*' if they say they want to be a doctor or lawyer [7].

В статье приводится мнение британского политика Эндрю Бернема, который считает, что люди боятся насмешек и неоднозначной реакции со стороны общества, когда речь идет о профессиях доктора, адвоката и политика.

Оценочная функция фразеологизма с компонентом-антропонимом тесно связана с *характеризующей* функцией. Такие фразеологические единицы могут иметь как негативную, так и положительную коннотацию, опираясь на определенный контекст и проходя через призму авторского восприятия ситуации.

Фразеологизм *Barbie Doll* характеризует человека (женщину или мужчину), который является привлекательным внешне, но не наделен интеллектуальными способностями, глуп. Данная идиома относится к оценочным лексическим единицам. Это наглядно прослеживается в следующем газетном заголовке:

The Hunger Games' Katniss gets the *Barbie doll* treatment [8].

В контексте описываемой ситуации речь идет о сильной и независимой Китнисс Эвердин, героине фильма «Голодные игры», которая является полным антиподом куклы Барби. Актриса задается вопросом,

каким образом она стала источником вдохновения для создания новой игрушки-Барби, выпущенной фирмой *Mattel*.

Идиома *Molly Coddle* имеет негативную коннотацию и употребляется в значении «неженка», когда речь идет о человеке, требующем к себе особого внимания. В английской периодике встречаются следующие примеры использования данного оценочного фразеологизма:

As we witness a generation of youth who are being *molly-coddled* by parents fearful that their child will make a mistake... [19].

В тексте статьи подчеркивается, что современное молодое поколение находится под чрезмерной опекой родителей, из-за чего могут возникать проблемы с их дальнейшей социализацией.

Ироническая функция фразеологизма проявляется в его стилистических особенностях, позволяющих автору статьи в скрытой форме осмеять пороки человека или общества и заострить внимание на контрасте. Такие фразеологические единицы могут быть частью юмористического дискурса, а также могут являться обособленным звеном в контексте любой ситуации.

Фразеологическая единица *Lady Bountiful* (персонаж пьесы Джорджа Фаркара, ирландского драматурга XVII века) в современном английском языке употребляется в значении «благодетельница; женщина, которая любит показывать людям, как она добра и щедра»:

... but Madonna is no ordinary interviewee – and after days of controversy over the motives and manner of her *lady-bountiful* gesture, this was no ordinary interview [18].

Автор статьи подчеркивает, что популярная певица Мадонна согласилась дать эксклюзивное интервью, и это был благородный жест с ее стороны.

Идиома *Barmecide feast* – очевидная аллюзия к Арабским сказкам, героем которых является персидский принц Бармецид. Фразеологизм имеет значение «притворное гостеприимство, видимость угощения, любая привлекательная иллюзия»:

But, while the faded and shabby amusement park may work as a metaphor for our national institutions, it's *a Barmecide feast* for the eyes [11].

Как правило, слово *feast* имеет положительную коннотацию, обозначая «пир, празднество», однако, если читатель имеет фоновые знания, то он без труда распознает иронический подтекст.

Фразеологические единицы также выполняют функцию *эвфемизации* речи, заменяя резкие и нежелательные выражения, избегая прямых наименований. Данная функция является одной из самых важных в публицистическом дискурсе, поскольку существует определенный стиль, предполагающий использование эвфемизмов там, где это необходимо, с целью маскировки того или иного явления.

Так, фразеологические эвфемизмы с компонентом-антропонимом, на

первый взгляд, скрывают истинную сущность понятия за счёт создания нейтральной или положительной коннотации.

Идиомы *Nancy boy* используется в значении «гомосексуалист» и является ярким примером эвфемистического варианта лексической единицы *gay*:

Well, your husband's a sanctimonious, deal-breaking, <...> *nancy-boy* twat, who likes Cliff Richard, so there! [16].

Данное предложение обладает мощной экспрессивностью и носит оскорбительный характер, однако использование фразеологизма «сглаживает» возможные нецензурные высказывания.

Данный устойчивый оборот может не иметь негативной окраски, как, например, в следующем контексте:

My first crush, aged seven, was on Julian Clary. It had entirely escaped my notice that he was a '*nancy boy*', although my mother was a little concerned [9].

Эвфемизм *Dumb Dora*, основанный на приеме аллитерации, смягчает негативную нагрузку и заменяет грубое значение «дура, глупая девушка». Ср.:

As "Match Game" might put it, "*Dumb Dora* is so dumb she thought it was dumb to bring back old game shows and could not have foreseen that the sophisticated 21st-century viewing audience would love them even though they are kind of... [17].

Таким образом, фразеологические единицы с компонентом-антропонимом выполняют шесть основных функций в современной англоязычной периодике, делая текст статей более экспрессивным и запоминающимся для читателей. Фразеологический фонд современного английского языка непрерывно пополняется, и изучение таких лексических единиц и механизмов их функционирования в англоязычной прессе заслуживает особого внимания. Имя собственное в составе идиом усиливает эстетический характер языковых единиц, поскольку каждый фразеологизм не только передает определенный образ и является отражением существующей действительности, но и содержит специфическую информацию (о носителе антропонима), являющуюся отсылкой к культурному контексту.

Список литературы

1. Курицкая Е.В. Исторический путь развития английских антропонимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 51–55.
2. Маркевич В.И. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-антропонимом в русском, белорусском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №. 7–2. С. 136–139.

3. Симановская К.И. Аттрактивная функция заголовков в газетном дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. С. 161–165.
4. Andrzejewski A. San Francisco's "Mr. Clean" Arrested By FBI For Alleged Porta Potty Scandal As Human Waste Reports Spike To New High [Electronic resource]. URL: <https://www.forbes.com/sites/adamandrzejewski/2020/01/31/san-franciscos-mr-clean-arrested-by-fbi-for-alleged-porta-potty-scandal-as-human-waste-piles-up/?sh=48f0b9f163cc> (date of reference: 21.01.2021).
5. Bell M. The Feral Beast: Notes from the small minded, Pippa's back, and Thatcher and Powell's pow-wow [Electronic resource]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/people/diary/feral-beast-notes-small-minded-pippa-s-back-and-thatcher-and-powell-s-pow-wow-8876355.html> (date of reference: 21.01.2021).
6. Boffey D. 'By Jove, the war's coming to an end': Battle of Amiens remembered [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/aug/08/by-jove-the-wars-coming-to-an-end-battle-of-amiens-remembered#:~:text=First%20world%20war-,%20By%20Jove%2C%20the%20war's%20coming%20to%20an,end'%3A%20Battle%20of%20Amiens%20remembered&text=It%20was%20unscathed%2C%20all%20sorts,%20getting%20through.%E2%80%9D> (date of reference: 17.11.2020).
7. Burnham A. Andy Burnham: it's hard for young people in north-west to be ambitious [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/may/19/andy-burnham-its-hard-for-young-people-in-north-west-to-be-ambitious> (date of reference: 21.01.2021).
8. Child B. The Hunger Games' Katniss gets the Barbie doll treatment [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/film/2012/mar/26/hunger-games-katniss-barbie-doll> (date of reference: 21.01.2021).
9. Cross S. Queen of tarts [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/theobserver/2006/jun/04/featuresreview.review5> (date of reference: 21.01.2021).
10. Hickey M. Is Seattle Being Buzzed By Drone-Equipped Peeping Toms? [Electronic resource]. URL: <https://www.forbes.com/sites/matthickey/2013/05/28/is-seattle-being-buzzed-by-drone-equipped-peeping-toms/?sh=1111c7184537> (date of reference: 21.01.2021).
11. Koenig R. Cinderella, Lyric Hammersmith, London [Electronic resource]. URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/theatre-dance/reviews/cinderella-lyric-hammersmith-london-81730.html> (date of reference: 21.01.2021).
12. Lavrova N.A., Nikulina E.A. Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24. No 4. P. 831–857. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857.
13. Mistlin A. No way José: Football is no soap opera, despite Amazon's efforts [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/tvandradioblog/2020/aug/28/jose-mourinho-tottenham-hotspur-all-or-nothing> (date of reference: 21.01.2021).
14. Moore S. There are dark times ahead. We have only one weapon: hope [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/oct/06/there-are-dark-times-ahead-we-have-only-one-weapon-hope> (date of reference: 21.01.2021).
15. Norman M. I, for one, am glad that Boris Johnson and Michael Gove are now de facto running the country. What could possibly go wrong? [Electronic resource]. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/boris-johnson-michael-gove-brexit-letter-theresa-may-control-disaster-a8050911.html> (date of reference: 21.01.2021).

16. Pelling R. I'm with Cherie on this one (sorry, James [Electronic resource]. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/columnists/rowan-pelling-i-m-with-cherie-on-this-one-sorry-james-418243.html> (date of reference: 21.01.2021).
17. Silver M. Who could have guessed that bringing back 'Match Game' and 'The \$100,000 Pyramid' would work? [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonpost.com/express/wp/2016/08/15/who-could-have-guessed-that-bringing-back-match-game-and-the-100000-pyramid-would-work/> (date of reference: 21.01.2021).
18. Sutcliffe T. Awestruck Kirsty lets Madonna off the hook [Electronic resource]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/media/awestruck-kirsty-lets-madonna-off-the-hook-422573.html> (date of reference: 19.12.2020)
19. Vigo J. E-Cigarettes Redux: A Society In Fear Of Mistakes [Electronic resource]. URL: <https://www.forbes.com/sites/julianvigo/2019/03/01/e-cigarettes-redux-a-society-in-fear-of-mistakes/?sh=5ee25be06738> (date of reference: 21.01.2021).
20. Wainwright M. Great Scott! It's back [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/uk/the-northerner/2012/feb/10/snow-leeds-weather-ice-freeze-nationaltrust> (date of reference: 21.01.2021).

УДК 81'271.1

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

П.М. Ивлева

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород*

Данная статья посвящена исследованию лексических ошибок в речи носителей русского языка на примере отзывов сайта *irecommend.ru*. В центре внимания находятся выявленные в интернет-дискурсе нарушения норм, которые возникли в связи с активным изменением лексического строя современного русского языка. В рамках исследования были использованы корпусные методы и метод наблюдения, позволяющие получить наиболее четкое представление о развитии семантики определенных лексем и особенностях их употребления.

Ключевые слова: интернет-дискурс, норма, лексический строй, лексическая ошибка, современный русский язык.

Lexical Difficulties in Modern Russian Internet Communication

Polina M. Ivleva

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

This article is devoted to the study of lexical errors made by the native Russian speakers. The research was carried out by the example of *irecommend.ru* reviews. The focus is on the irregularities occurring in the Internet discourse due to the active change in the modern Russian lexical system. The study includes corpora methods and the method of observation in order to gain a deep insight into the development of the certain lexeme's semantics and usage.

Key words: Internet discourse, norm, lexical system, lexical error, modern Russian language.

Лексический строй современного русского языка характеризуется высокой скоростью изменения, обусловленной активным влиянием на него различных сфер жизни общества. Данное изменение прослеживается не только в пополнении лексики говорящих, но и в возникновении различных ошибок в их речи. Особенное влияние на современное состояние языка оказывает интернет и интернет-коммуникация. В настоящее время интернет-пространство, выйдя за пределы своих первоначальных функций – поиска и передачи информации, – представляет особую социокультурную среду с присущими ей отличительными чертами.

Интернет-дискурс как совокупность текстов, функционирующих в рамках глобальной информационной сети, таким образом, имеет ряд характерных признаков, среди которых выделяют психологичность, социологичность, когнитивность, интерактивность, вариативность [2] и др. Кроме того, одним из важнейших факторов, определяющих

взаимодействие в сети интернет, является высокая анонимность, которая в свою очередь дает пользователям бóльшую свободу самовыражения.

Несомненно, все вышеперечисленные черты интернет-дискурса находят отражение в языке. Наиболее заметным для говорящего результатом данного процесса является возникновение новых слов и компонентов значения или же замена существующих на более релевантные современной действительности. В свою очередь такое активное пополнение словарного состава в определенных ситуациях приводит носителей языка к непониманию и коммуникативным неудачам.

Рассмотрим основные лексико-семантические ошибки, возникающие в интернет-пространстве, и приведем наиболее вероятные причины, их обуславливающие. Для последующего анализа методом сплошной выборки были собраны тексты отзывов с сайта irecommend.ru, объединенные одним временным интервалом и сгруппированные по темам в соответствии с оригинальной тематической разбивкой сайта. Внутри каждой группы была произведена дополнительная выборка текстов на основании авторской оценки – положительной или отрицательной, что позволило также рассмотреть выявленные нарушения норм в связи с эмоциональной составляющей текста. Общий объем выборки составил 120 тыс. печатных знаков.

Методологической базой послужила классификация лексических ошибок И.Б. Голуб [1], которая впоследствии дополнялась и изменялась. Так, было решено добавить в классификацию логические ошибки, рассматриваемые В.И. Максимовым [4]. В таблице 1 приведено процентное распределение различных типов лексико-семантических ошибок, выявленных в ходе анализа материала.

Таблица 1

Частотное распределение различных типов лексико-семантических ошибок

Тип ошибки	Кол-во (%)
Лексические повторы	48,3
Плеоназм	8,0
Подмена понятия	6,5
Речевая недостаточность	6,5
Нарушение лексической сочетаемости	5,0
Тавтология	4,5
Нарушение семантической сочетаемости	4,0
Употребление слова без учета его семантики	2,5
Неоправданное употребление просторечий	2,5
Несоответствие посылки и следствия	2,0
Смешение паронимов	2,0
Неоправданное расширение понятия	2,0

Неоправданное сужение понятия	1,5
Неоправданное изменение состава фразеологизма	1,5
Неверный выбор синонима	1,0
Ошибка при употреблении заимствования	1,0
Канцелярские штампы	0,5
Неоправданное употребление устаревших слов	0,5
Ошибка в построении антитезы	0,5
Неоправданное употребление жаргонизмов	0,5

Рассмотрим детально наиболее репрезентативные примеры различных типов ошибок в их связи с особенностями интернет-дискурса.

На первом месте по частотности оказалась такая ошибка, как лексический повтор. Например, в предложении: «*В 18-м сезоне которые имеют название «России» участники Шоу путешествуют по городам России и **рассказывают** историю этих градов и **рассказывают** что-то Интересное о них*» (При цитировании авторская орфография и пунктуация сохранены). В большинстве случаев данную ошибку можно объяснить активным влиянием разговорной речи на многие жанры интернет-дискурса. Подтверждает данное предположение тот факт, что зачастую лексические повторы являются частью (как в данном случае) некоторого параллелизма синтаксических конструкций или могут им сопровождаться, что в свою очередь представляет собой одну из определяющих особенностей разговорного стиля.

Смешение паронимов стало достаточно распространенной «хрестоматийной» ошибкой, которая зачастую сопровождается другими нарушениями точности речи. Рассмотрим, например, следующее предложение: «*Остальное либо не актуально, либо **функционал** сомнителен*». Лексему *функционал* в данном случае можно назвать семантическим неологизмом. Приведем в доказательство два источника: статью из Большой Советской энциклопедии, определяющую *функционал* как «... *математическое понятие, первоначально возникшее в вариационном исчислении и означающее там переменную величину, зависящую от функции (линии) или от нескольких функций...*», и статистику употребления данного слова, взятую из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Корпусные методы позволили, во-первых, установить временной период, начиная с которого данная лексема активно использовалась говорящими (приблизительно с 2013 г.), а во-вторых, определить, что в этот промежуток времени слово *функционал* использовалось преимущественно в том же значении, что и *функциональность*. Связать этот факт можно с развитием информационных и компьютерных технологий, благодаря которому некоторые технические термины приобрели новые значения и стали более общеупотребительными. Здесь стоит оговориться, что приведенный

пример демонстрирует размытие границ нормы, происходящее в настоящий момент, и поэтому утверждать, что он содержит грубую ошибку, нельзя. Однако подобные случаи дают отличное представление об изменении языка и процессе кодификации новой нормы. А.Г. Жукова, проанализировав лексему *функционал*, отнесла ее к так называемым «ненормам», представляющим собой полезную избыточность, позволяющую выразить значение точно и экономно [3].

Также достаточно частотной ошибкой оказалась речевая недостаточность. Приведем довольно показательный пример: «*Особенность серии [о посуде] в том, что она имеет закругленную форму и соответствует всем качествам*». Интересно, что одно и то же нарушение нормы встретилось в данном предложении сразу в двух случаях. Во-первых, речевая недостаточность прослеживается в употреблении автором существительного *серии* без уточняющего объекта (в данном случае – слова *посуды*, которое с легкостью восстанавливается из контекста) по отношению к предикату, который как раз должен относиться к пропущенному объекту. В рассматриваемом примере происходит нарушение тождества понятий, которое можно попытаться объяснить такой особенностью интернет-коммуникации, как стремление к экономии речевых усилий. Во-вторых, похожее нарушение нормы прослеживается в пропуске внутри словосочетания *соответствует всем качествам* существительного *стандартам*, что хоть и не нарушает ясности высказывания, но приводит к сопутствующей ошибке – лексической несочетаемости.

Нарушение лексической сочетаемости в свою очередь может объясняться и другими факторами. Следует отметить, что данная ошибка является одной из наиболее частотных и в то же время одной из наиболее неоднозначных как при классификации, так и при попытке ее объяснить причину. Именно сложность, неоднозначность и индивидуальность ассоциативных связей, на основе которых строится и структурируется ментальный лексикон человека, позволяет взглянуть на подобные случаи с разных точек зрения. Примером может служить следующее предложение: «*В декабре 2017 года вышли 5 спецвыпусков под названием «Звезды» в них участвовали **плотные ведущие** орла и решки такие как, Коля, Мария, Жанна, и Алан*». Отчетливое нарушение сочетаемости здесь прослеживается в употреблении атрибутивного признака *плотные* по отношению к субъекту *ведущие*, что вызывает некую двусмысленность и комический эффект. Причинами могут служить, с одной стороны, контаминация словосочетаний *плотный график* и *постоянные ведущие*, которые имеют схожую грамматическую структуру и возможность употребления в семантически близких контекстах. С другой же стороны, если обратить внимание на совпадение некоторых сем у понятий *плотный* и *постоянный*, а именно тех, которые указывают на временной показатель,

некий процесс, то можно также говорить и о нарушении семантической сочетаемости или подмене понятия.

Говоря о подмене понятия более детально, следует отметить, что в некоторых случаях данная ошибка требует достаточно глубокого анализа, так как может трактоваться неоднозначно, что было видно из описания приведенного выше примера. Зачастую причинами возникновения этого нарушения являются ошибки на логическом уровне. Рассмотрим следующее предложение: *«Добавлю, что сковородка очень плохо чистится в нижней части, и в итоге она со временем превращается в подобие неотмываемых чугунных решений»*. В данном случае ошибка в употреблении качественного признака *чугунный*, которое обозначает материал, по отношению к абстрактному существительному *решение* может быть вызвана попыткой автора построить словосочетание по модели «относительное имя прилагательное + *решение*» типа *дизайнерские решения, архитектурные решения* и др. Данная ошибка может быть также обусловлена и эмоциональным фактором: в приведенной ситуации явно выражена отрицательная оценка, что подкрепляется использованием в предложении слова *подобие*, имеющего негативную эмоционально-экспрессивную коннотацию, вследствие чего высказывание приобрело ироничный характер. Можно предположить, что автору в первую очередь было важно передать именно эту интенцию, на чем и было сосредоточено его внимание. Таким образом, можно сделать вывод о связи между возникновением данной ошибки и такой чертой интернет-дискурса, как психологичность, а также подчеркнуть влияние когнитивного и вариативного фактора интернет-коммуникации, которые позволяют дать говорящим возможность строить новые речевые конструкции по имеющимся в языке моделям.

Не менее неоднозначной для трактовки ошибкой стало и нарушение семантической сочетаемости. Например: *«Попробовала владелиц кистью изобразить стрелку - тени затерялись, на кожу перенеслись плешиво и не равномерно»*. Ошибка в данном случае заключается в том, что автор употребил словосочетание *перенеслись плешиво* по отношению к существительному *тени*. Само слово *плешивый*, в значении «лишенный чего-л., покрывающего тот или иной участок», обычно относится к человеку, животному или, метафорически, к участку местности. Использование же данного признака в отношении процесса нанесения теней является нежелательным. Однако, как показывает наблюдение за речевой практикой, в речи носителей русского языка подобная сочетаемость встречается довольно часто. Обратившись к корпусным методам, можно выяснить приблизительную статистику употребления данного словосочетания. Так, по запросу в Google: *«тени перенеслись плешиво»* было найдено приблизительно 5530 результатов. Приведем для доказательности ближний контекст некоторых высказываний: *«Палетка*

тени Eye Love Shadow Palette ... на веко, осыпаются, дают грязь, теряют насыщенность, наносятся плешиво. Как не подсесть на тени от Никс, когда у них туча интересных ... Но, некоторые оттенки грешат осыпанием и плешивой тушевкой, ... Если бы нас с вами не разделял монитор, я бы вежливо попросила вас ткнуть пальчиком туда, где тени лежат плешиво. Из-за сияющего финиша ...» Данные примеры демонстрируют тот факт, что расширение семантики и, как следствие, сочетаемости слова *плешивый*, возможно, в скором времени приведут к закреплению данного употребления в качестве нормативного.

От описания наиболее частотных, «хрестоматийных» примеров перейдем к менее частотным и очевидным. Так, довольно интересной с точки зрения анализа лексических единиц является такая ошибка, как употребление слова без учета его семантики. Данное нарушение может быть обусловлено различными причинами, среди которых, например, незнание или недостаточно глубокое знание автором определенной сферы жизни и, как следствие, лексики, функционирующей внутри этой сферы. Рассмотрим в качестве примера следующее предложение: «*Программа «Орел и решка» это весьма извечное тревл-шоу...*». Здесь нарушение нормы наблюдается при использовании характеристики *извечное* применительно к существительному *тревел-шоу*. Во-первых, согласно Большому толковому словарю русского языка, слово *извечный* имеет следующую семантику: «*существующий с самого начала; существующий всегда. Извечна ли жизнь на земле? Вселенная извечна. И т. д.*». Приведенное значение уже создает препятствие для использования анализируемого слова в приведенном контексте. Во-вторых, прилагательное *извечный* имеет книжную функционально-стилевую коннотацию, в то время как *тревел-шоу* является нейтрально окрашенной лексической единицей, что еще раз подчеркивает ошибочность использования подобной сочетаемости. В доказательство можно привести статистические результаты, полученные в ходе проверки прилагательного *извечный* по НКРЯ. Так, стилистическое распределение употребления данного слова показало, что 45% найденных словоформ функционируют в публицистике, 39% – в художественной сфере. Кроме того, проанализировав коллокации, включающие данное слово, можно проследить, что наиболее частотным является достаточно устоявшееся словосочетание *извечный вопрос, извечный спор, извечная борьба* и т. д.

Такие ошибки, как неоправданное сужение или расширение понятия, зачастую могут быть обусловлены стремлением к экономии речевых усилий, порождающим нарушения на уровне логики. Приведем следующий пример: «*Теперь, когда вы занимаетесь в фитнесе можно следить за временем, количеством сожженных калорий и пульсом*». В данном высказывании возникает такая ошибка, как неоправданное расширение понятия, при употреблении понятия *фитнес* вместо более

узкого и уместного (например, *фитнес-зал*, *фитнес-центр* и т. д.). Это может быть подтверждено тем, что лексема *фитнес* обозначает «*комплекс мер, направленный на повышение уровня приспособления организма к внешним условиям*», а глагол *заниматься* с предлогом *в* подразумевает использование после себя понятия со значением места, т.е. наименования какого-либо помещения, специально оборудованного для занятия спортом. Следует отметить, что ошибка в данном случае может быть также обусловлена неверным использованием заимствованного слова *фитнес* вследствие недостаточного понимания автором его семантики, сочетаемостных ограничений и особенностей употребления.

Итак, лексический анализ текстов отзывов сайта *irecommend.ru*, позволил найти связь между особенностями такой активно развивающейся социокультурной среды, как интернет-дискурс, и ошибками, которые могут допускаться говорящими в рамках коммуникации. Кроме того, именно интернет, являясь в настоящее время одним из главных источников получения, обмена и размещения различной информации, во многом определяет развитие общества и как следствие задает определенные тенденции, происходящие в языке, и влияет на кодификацию новых норм.

Список литературы

1. Голуб И.Б. *Стилистика русского языка: учеб. пособие*. М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. 448 с.
2. Горина Е.В. Подходы к анализу дискурса Интернета // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 3–2 (57). С. 73–76.
3. Жукова А.Г. Ненормы в современной коммуникации (на примере лексемы функционал) // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*, 2017. Т. 13. С. 35–43.
4. Максимов В.И. *Стилистика и литературное редактирование: учебник / под ред. проф. В.И. Максимова*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2007. 653 с.

УДК 81'42

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА АННЫ БЕРНС «МОЛОЧНИК»

В.В. Катермина

Кубанский государственный университет, Краснодар

М.В. Балаева

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье анализируются стилистические особенности романа ирландской писательницы Анны Бернс «Молочник». Выделяются и описываются основные группы стилистических приемов и их составляющие. Целью анализа стилистических приемов, используемых автором, является определение их роли в интерпретации романа и в отражении индивидуально-авторского стиля Анны Бернс.

Ключевые слова: художественный текст, стилистические приемы, перечисление, повтор, асиндетон, градация.

Stylistic Peculiarities of Anna Burns' Novel "Milkman"

Veronika V. Katermina

Kuban State University, Krasnodar

Maria V. Balaeva

Kuban State University, Krasnodar

Stylistic peculiarities of Anna Burns' novel "Milkman" are analyzed in the article. The main groups of stylistic devices and their components are distinguished and described. The aim of the analysis of stylistic devices used by the author is to determine their role in the novel interpretation and reflecting of Anna Burns' individual author's style.

Key words: literary text, stylistic devices, enumeration, repetition, asyndeton, climax.

Художественные тексты всегда представляли огромный интерес не только для литературоведов, но и для всего человечества в целом, так как они являются отражением и вместилищем культуры и менталитета народа, воплощенными и объективизированными в языке. Каждое произведение является уникальным, неповторимым продуктом мыслительно-творческой деятельности автора, что возможно благодаря стилистическому потенциалу языка как системы фонетических, лексических и грамматических средств, умелое использование которых создает разнообразные стилистические приемы, наделяющие текст образностью и выразительностью.

При анализе художественного текста необходимо, прежде всего, обратить особое внимание на языковую ткань произведения, а именно на языковые средства, служащие не только способом отображения внеязыковой действительности, но и формой языковых образов [1].

Стилистические особенности художественных текстов выявляются в процессе стилистического анализа, являющегося одним из компонентов

комплексного филологического анализа и нацеленного не только на выявление отклонений от привычных дистрибуций и синтаксических норм, лежащих в основе большинства стилистических приемов, но также и на определение их роли в выражении авторского замысла и оказании эстетического и психологического воздействия на сознание реципиента-читателя.

Ярким примером искусного владения стилистическим потенциалом английского языка, а также иллюстрацией того, какую роль играют стилистические приемы в понимании и интерпретации художественного текста, является роман современной ирландской писательницы Анны Бернс «Молочник», повествуемый от лица восемнадцатилетней девушки, преследуемой одним из самых влиятельных оппозиционеров. Целью автора является показать общество Северной Ирландии 1970-х годов, где любое поведение, даже никак не относящееся к политическим проблемам, политизируется.

Наиболее яркой стилистической особенностью данного романа является его синтаксическая организация, заключающаяся в использовании автором преимущественно длинных распространенных предложений с многочисленными рядами однородных членов, лежащих в основе таких стилистических приемов как перечисление, градация, асиндетон, полисиндетон, повторы.

Одним из примеров, ярко отражающих данную особенность, а также взгляды главной героини-повествовательницы, является следующая цитата: “So ‘I don’t know’ was my three-syllable defence in response to the questions. With it successfully I refused to be evoked, drawn out, shocked into revelation. Instead I minimalised, withheld, subverted thinking, dropped all interaction surplus to requirement which meant they got no public content, no symbolic content, no full-bodiedness, no bloodedness, no passion of the moment, no turn of plot, no sad shade, no angry shade, no panicked shade, no location of anything” [2, с. 216]. Первым стилистическим приемом анализируемого отрывка является фразовый эпитет “three-syllable defence”, безобразная природа которого отражает приземленность, практичность и рационализм главной героини, которой, несмотря на ее увлечение литературой 18 и 19 вв., чужды романтизм, поэтичность и образность в восприятии окружающего мира. Нарушение привычного порядка слов и перемещение обстоятельства образа действия “successfully” в начало в следующем предложении образует инверсию, служащую для переноса смыслового ударения и концентрации внимания читателя на успешности попыток героини дистанцироваться от общества. За инверсией следует ряд однородных дополнений, усиление эмоциональной окраски и семантического компонента «воздействие» которых образует восходящую градацию: to evoke – to make someone remember something or feel an emotion [20], to draw out – to encourage or persuade someone to express his or her

thoughts and feelings [3], to shock – to offend or upset someone by doing or saying something that they consider is immoral or unacceptable [3]. Данный стилистический прием показывает то, каким образом общество воздействовало на его членов – начиная с безобидных разговоров об интересующем вопросе, оно всегда добивалось своего, в случае несговорчивости усиливая психологическое, а иногда и физическое давление на объект своих преследований. Кроме того, взаимодействие семантики рассмотренных глаголов и семантической структуры лексемы “revelation” (the act of making known something that was secret [3]) образует глагольную метафору. За ней следует еще одна восходящая градация, отражающая меры противостояния главной героини неумолимому аппарату общества – от минимизации взаимодействия и удержания информации до изменения образа мышления. Еще одним синтаксическим стилистическим приемом в анализируемом отрывке является перечисление, сопоставляющее разнородные понятия и показывающее стремление главной героини предусмотреть все нюансы, которые могут возникнуть в процессе ее взаимодействия с другими членами общества. Отсутствие соединительных союзов между однородными дополнениями образует асиндетон, ускоряющий темп повествования и отражающий эмоциональное состояние главной героини – ее раздражение и постоянное напряжение, а повтор лексемы “но” служит усилению идеи и образованию более крепкой связи между компонентами перечисления. Кроме того, данное предложение содержит такой морфологический стилистический прием как расширение морфологической валентности (full-bodiedness, no bloodedness), позволяющий автору включить представленные характеристики в ряд однородных членов предложения.

Большое количество стилистических приемов содержит следующий отрывок, объясняющий отношение изображаемого общества к проблеме брака: “Marriage wasn’t meant to be a bed of roses. It was a divine decree, a communal duty, a responsibility, it was acting your age, having right-religion babies and obligations and limitations and restrictions and hindrances. It was not failing to be proposed to then ending up, yellowed and desiccated, dying some timid but determined spinster on some long-forgotten, dusty, spidery shelf” [2, с. 66]. Нельзя не отметить явный антиклаймакс в семантически однородном ряду «директива, долг, обязанность» (decree – an official statement that something must happen, duty – a responsibility to do something because it is legally or morally right to do it, responsibility – something that it is your job or duty to deal with [3]), и в относящихся к ним определениях «божественный» и «общественный», что создает стилистический прием убывающей градации, отражающей иерархию системы ценностей описываемого общества – на первое место ставились религиозные директивы, за которыми следовали общественные установки, в то время как желания отдельных индивидов играли наименее значимую роль в их

собственных жизнях. Далее следует перечисление, сопоставляющее понятия, не входящие в ассоциативное поле привычного понятия «брак», что говорит об искаженности ценностей и привычных общественных установок в Ирландии 1970-х годов. Повтор соединительного союза “and” образует полисиндетон, замедляющий темп повествования и концентрирующий, заостряющий внимание читателя на каждой лексеме, входящей в ряд однородных членов предложения. Анализируемый отрывок также содержит обособленную конструкцию, представленную метафоричными эпитетами “yellowed and desiccated”, сопоставляющими женщину в возрасте с пожелтелым и высушенным фруктом. Изолированные с помощью пунктуации и помещенные в позицию внешней семантической и синтаксической независимости, данные эпитеты получают дополнительное смысловое ударение, призванное привлечь внимание читателя. Идея старости, заброшенности и увядания подчеркивается также цепочкой эпитетов “long-forgotten, dusty, spidery”, образующих градацию и являющихся частью метафоры, сравнивающей старых дев с книгами на давно забытых, покрытых пылью и населенных пауками полках.

Проблема брака находит отражение и в эпизоде, когда главная героиня, основываясь на собственном опыте, представляет знакомство своего молодого человека с матерью: “There was no way, ever, I was going to give her him. She’d have done a process, had him through the system, one assessment question after another assessment question – hurrying things, hurrying things, trying to complete on things, complete on things, end things (which meant dating), begin things (which meant marriage), tie things up (which meant babies), to make me, for the love of God, get a move on like the rest” [2, с. 61]. Использование таких языковых единиц, как “system, process, assessment” создает впечатление, что речь идет не об обычной встрече-знакомстве, а о судебном процессе или встрече с аттестационной комиссией, задачей которых является оценить пригодность индивида к вступлению в рамки общественных догм. Последовательный повтор целых фраз и отдельных лексем в совокупности с асиндетоном превращает речь главной героини в нечто, подобное речи людей с психическими отклонениями, такими как шизофрения, при которой люди страдают от палилалии – болезненной потребности повторять некоторые слова и предложения, ускоряя темп речи и снижая громкость голоса. Подобный прием помогает автору показать, какое влияние на главную героиню оказали преследования Молочника, постоянные проблемы и давление со стороны матери, пытающейся как можно скорее выдать ее замуж, и стремительно распространяющиеся в обществе слухи, лишаящие девушку возможности жить привычной, относительно нормальной и устоявшейся жизнью. Автор также использует обособленные конструкции (“(which meant dating), (which meant marriage), (which meant babies)”), выделяя три

ступени, обеспечивающие, по мнению матери героини, успешную и социально приемлемую жизнь, исключая при этом все остальные факты, играющие важную роль в вопросе брака. Это еще раз подчеркивает заикленность членов изображаемого общества на социальных нормах и на том, чтобы угодить обществу, в котором они живут, даже если при этом придется пренебречь собственным счастьем. Они настолько привыкли к данному укладу, что уже и не задумываются о его верности и адекватности.

Давление, оказываемое на главную героиню ее матерью, и мотивы этого давления представлены в следующем отрывке: “Which was why she was still coming to see me. My mother. To upbraid me. To harangue me. To command me to cease being – even though I wasn’t – one of those women” [2, с. 152]. Прибегая к парцелляции, автор замедляет темп повествования, давая читателю возможность прочувствовать и проанализировать каждый изолированный фрагмент. Кроме того, цепочка глаголов образует некую возрастающую градацию – от укоров и увещаний до приказов – отражающую усиление мер, принимаемых героиней в связи с ухудшением репутации ее дочери. Последнее предложение также содержит обособленную конструкцию, подчеркивающую нежелание героини верить в невиновность собственного ребенка.

Автор не обходит стороной и описание жизни военизированных группировок оппозиционеров, вкладывая в уста матери главной героини следующие строки: “You’ll regret it, daughter, finding yourself ensnared in the underbelly of all that alluring, mind-altering, unruly paramilitary nightlife. It’s not all it seems. It’s on the run. It’s war. It’s killing people. It’s being killed. It’s being put in charge. It’s being beaten. It’s being tortured. It’s being on hunger strike. It’s having yourself made over into an entirely different person” [2, с. 65]. Взаимодействие семантики глагола “ensnare” (to catch or get control of something or someone [4]) и цепочки безобразных эпитетов “alluring, mind-altering, unruly” создает негативный образ, далекий от часто присущей в литературе и кинематографе подобного рода образу жизни романтизации. Центральной идеей данного образа становится обман и неспособность человека адекватно воспринимать реальность – внешняя привлекательность и буйность жизни оппозиционеров сопоставляется с воздействием психотропных веществ, так как сложная лексема “mind-altering” является атрибутивом наркотических веществ: a mind-altering drug has a strong influence on a person's mental state, causing feelings of extreme happiness and making people consider things in an unusual way [3]. Перечисляя все составляющие подобного образа жизни, автор использует анафору и параллельные конструкции, тем самым давая понять, что убийства, пытки, обвинения, участие в забастовках, потеря собственного «я» – все это неотъемлемые и неизбежные компоненты жизни противников Англии, которые рано или поздно настигнут каждого члена оппозиции.

Отсутствие каких-либо соединительных союзов в цепочке однородных предложений образует асиндетон, придающий речи героини большую эмоциональную окраску и отражающий ее эмоциональное возбуждение.

Опасность положения оппозиционеров заключалась также и в том, что за ними велась беспрестанная слежка, не дающая спокойно жить даже тем, кто не имел никакого отношения к военизированным группировкам: “On each occasion when I did hear them, the camera would snap as I passed and so, yes, it seemed I’d fallen into some grid, maybe the central grid, as part of the disease, the rebel-infection” [2, с. 85]. В рамках сравнения, скрывающиеся в самых неожиданных местах шпионы с фотокамерами представляются главной героине сетью электроснабжения (grid – a system of wires through which electricity is connected to different power stations across a region [3]), в центре которой находится она сама, своими действиями и поступками производя электричество, запуская работу шпионских камер. Метафора “the rebel-disease” показывает отношение государства к оппозиционерам, считающего их нездоровыми элементами общества, а саму идею бунта рассматривающего как нечто заразное, распространяющееся, словно инфекция, по воздуху и заполняющее сознание все большего количества людей.

Однако меры борьбы с иноверцами не ограничивались слежкой – города регулярно наводнялись солдатами, вершившими произвол: “It wasn’t agreeable to go out your door otherwise, and to be stopped on the street and, outnumbered and at gunpoint, ordered to answer questions, to spread against a wall, to be searched against that wall – beside the entries, the tops of those entries – to stay put in that exact search position for as long as those soldiers thought appropriate; not agreeable either, to be smirked at by these grown men with their guns, should you – the wife, the sister, the mother, the daughter – come out your door to bear witness to what was being done to your son, your brother, your husband or your father” [2, с. 119]. Перечисление и асиндетон в данном отрывке служат для создания более реалистичной картины, отражающей стремительность описываемой процедуры обыска. Выделение некоторых синтаксических элементов в обособленные конструкции помогает автору обратить внимание читателя на наиболее значимые, по ее мнению, факты: количественное превосходство солдат и приставленный к голове обыскиваемого пистолет, места обыска и роль женщины и отношение к ней со стороны правительственных военных сил. Ряды однородных членов предложения, включающие лексемы, обозначающие практически всех членов семьи, и образующие перечисление, подчеркивают тот факт, что никто не был застрахован от подобных случаев, вне зависимости от пола, возраста и социального положения. Кроме того, выделение лексем, обозначающих индивидов женского пола, в обособленную конструкцию создает некоторого рода

отсылку на четкое разделение ролей между мужчиной и женщиной в описываемом обществе.

Из проанализированного отрывка видно, что жизнь в Ирландии 1970-х годов была трудной и небезопасной, что еще раз подтверждается метафорой, вложенной в уста главной героини: “in those days, those extreme, awful crowd days <...> those streets <...> were the battlefield” [2, с. 140]. Сопоставляя улицы города с полем боя, автор ссылается не только на конфликт Ирландии и Англии, но и на войну, которая велась внутри Ирландского общества – войну между военизированными оппозиционерами и людьми, пытающимися абстрагироваться от политических проблем и вести нормальную жизнь, что и пыталась сделать главная героиня романа, на своем примере доказав, что в то время и в том обществе это было невозможно.

Еще одним ярким примером, иллюстрирующим насыщенность анализируемого романа стилистическими приемами, является описание лучшего друга молодого человека главной героини: “This was chef – truly a man of nerves. Here I mean pure nerves, total nerves, dramatic nerves, nerves up to high doh, a hundred per cent not average. He was driven, unsmiling, sunken-eyed, also perpetually exhausted and he’d been these things even before the idea to become a chef had ever entered his head” [2, с. 42]. Первым стилистическим приемом данного отрывка является обратный эпитет, представленный существительным “nerves”, связанным с определяемой лексемой предлогом “of”. Задача данного эпитета – выделить отличительное качество описываемого человека и раскрыть субъективно-оценочное отношение к нему говорящего. В совокупности с метафорическими эпитетами следующего предложения он образует возрастающую градацию (total – including everything; dramatic – very sudden or noticeable, or full of action and excitement; be up to high doh – to be in a very nervous or excited state [3]), создающую образ человека, находящегося в постоянном нервном напряжении, остро реагирующего на каждое, даже незначительное, событие. Анализируемый отрывок также содержит цепочку безобразных эпитетов (“driven, unsmiling, sunken-eyed”), гиперболизацию (“perpetually exhausted”, perpetually – in a way that never ends or changes; constantly [4]) и глагольную метафору, персонифицирующую преследовавшую героя несбывшуюся мечту стать шеф-поваром (“idea entered”, to enter – to come or go into a particular place [3]).

Описание охватывавших главную героиню чувств при приближении преследовавшего ее Молочника выражено еще одной яркой метафорой: “Of course the urge to panic was upon me also. I could feel it stirring in the air, as well as sense it coming in ripples, then in wave upon wave”; “This had been a movement unnatural, an omen of warning, originating in the coccyx, with its vibration then setting off ripples – ugly, rapid, threatening ripples” [2, с. 100]. В

обоих случаях автор сравнивает овладевавшую героиней панику с водной стихией, тем самым подчеркивая неспособность героини контролировать свои чувства и передавая ее эмоциональное состояние через образ человека, задыхающегося под накатывающимися одна за другой волнами, не позволяющими ему вынырнуть, чтобы вдохнуть спасительный воздух (wave – a raised line of water that moves across the surface of an area of water, especially the sea; ripples - a small wave or series of waves on the surface of water, especially as caused by a slight breeze or an object dropping into it [4]).

Таким образом, роман Анны Бернс «Молочник» является ярким представителем романа 21 в., основная стилистическая особенность которого – употребление преимущественно синтаксических стилистических приемов, таких как перечисления, повторы, парцелляция, асиндетон, полисиндетон, параллельные конструкции, обособленные конструкции, позволяющих автору менять темп повествования и контролировать внимание читателя, более ярко и реалистично передавать особенности мышления и речи главной героини. Подобная манера письма формирует характерный стиль повествования, напоминающий «поток сознания». Важную роль в интерпретации романа играют метафоры, возникающие в моменты сильного эмоционального напряжения главной героини и служащие намеком на то, что за ее внешними рационализмом и приземленностью скрывается поэтичная душа. В тексте также присутствует большое количество безобразных лексических стилистических приемов, таких как сравнения и эпитеты.

Список литературы

1. Борисова Е.Б., Стройков С.А. Использование электронного гипертекста при сопоставительном лингвопоэтическом анализе художественного произведения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3. С. 146–150.
2. Burns, A. Milkman. London: Faber and Faber, 2018. 368 p.
3. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 05.10.20).
4. Merriam-Webster Dictionary Online. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 10.10.2020).

УДК 811.111:378.147

КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОСКАРА УАЙЛЬДА

В.В. Катермина

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар

А.С. Комогорцева

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар

Статья посвящена анализу функций колоративной лексики в произведениях Оскара Уайльда. В статье выделяются и описываются характерные особенности и типы цветообозначений. На основании анализа художественных произведений приводятся виды цветообозначений и их символизм.

Ключевые слова: колоративная лексика, художественное произведение, цвет, символика, Оскар Уайльд.

THE ANALYSIS OF COLOR WORDS IN OSCAR WILDE'S WORKS

Veronika V. Katermina

Kuban State University, Krasnodar

Alyona S. Komogortseva

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the analysis of functions of color words in Oscar Wilde's works. The article distinguishes and describes characteristic peculiarities and types of color words. Based on the analysis of Oscar Wilde's works, the authors point out main types of color words and their symbolism.

Key words: color words, symbolism, Oscar Wilde, color, literary works.

Художественные произведения всегда представляли большой интерес для филологов и лингвистов. В них скрыт внутренний мир автора – его представления о жизни, вере и убеждениях. В литературные произведения отражают дух определенного времени. Каждый автор посредством различных стилистических приемов раскрывает основные проблемы поколения.

Оскар Уайльд был известным драматургом Викторианского периода. Ему принадлежит идея «искусство для искусства». В предисловии к роману «Портрет Дориана Грея» Уайльд пишет: «Художник – тот, кто создает прекрасное <...> Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо <...> Художник не моралист <...> В сущности, искусство – вовсе не жизнь <...> Всякое искусство совершенно бесполезно» [6], подразумевая, что искусство не может быть безнравственным.

Произведения Оскара Уайльда наполнены яркими образами, красочными, роскошными описаниями. Однако за всеми этими красками прячется мораль произведения.

Цвет – это особенность восприятия человеческим глазом окружающего пространства. Цвета являются важной составляющей человеческой жизни. Цвет можно рассматривать как культурную константу, так как символика цвета отличается от культуры к культуре. Когда человек создает предмет, он придает ему определенную форму и наделяет цветом, вкладывая определенный смысл. Цвета также находят свое отражение в художественной литературе. Благодаря колоративам в литературных произведениях, читатель понимает эмоциональное состояние писателя, его мысли и чувства. Они также выполняют ряд важных функций, которые мы рассмотрим в этой статье на примерах работ Оскара Уайльда “The Nightingale and the Rose” и “Salome”.

Колоративы – это слова, имеющие значение цвета. Колоратив – это языковая или речевая единица, чей корневой морф семантически или этимологически связан с цветоименованием [1].

Колоративная лексика описывает разные оттенки цвета и выполняет разные функции в художественном тексте: наделяет символикой отдельные языковые и речевые средства [3, с. 193].

Согласно М.В. Вороновой и Н.И. Ершовой, существуют разные типы колоративов. К первому типу относятся «первичные» колоративы – прилагательные, которые имеют значение цвета. Это самый распространённый тип цветообозначений. Второй тип колоративов содержит в себе цветоименования, образованные в результате метафорического переноса. Для обозначения цвета используются лексемы следующих тематических групп: «драгоценные камни и металлы», «явления природы», «еда», «животный мир», «растения». К третьему типу колоративов можно отнести цветообозначения, образованные морфологическими средствами (аффиксация, словосложение) [2].

В работах Оскара Уайльда встречаются все три типа колоративов. Первичные колоративы, например, “red”, “yellow”, “green”, “white”, “blue”, “purple”, “scarlet”, встречаются, чтобы передать сильные, искренние эмоции, описать явления природы. Помимо колоративов с прямым значением, Оскар Уайльд использует также цветообозначения, образованные в результате метафорического переноса: “emerald”, “opal”, “coral”, “ruby”, “gold”, “silver”, “amber”, “ivory”, “gilded”, чтобы придать особую атмосферу и эстетику тексту. Большинство из них относятся к тематической группе «драгоценные камни и минералы», что создает величие, роскошь и пышность текста.

Анализируя сказку “The Nightingale and the Rose” мы видим, как создается цветовой контраст и различные ассоциации. Красный цвет встречается в тексте чаще всего, символизируя настоящую любовь и предательство, самопожертвование и кровь, страсть и смерть: “Death is a great price to pay for a red rose,” [4, с. 4]. “Surely love is a wonderful thing. It is more precious than emeralds and dearer than fine opals” [4, с. 2] – сравнивая любовь с драгоценными камнями, Уайльд выделяет это прекрасное истинное чувство. Однако, наделяя красный цвет такими противоречивыми эмоциями и явлениями, Уайльд создает нарастающее напряжение в тексте, скрытую иронию и подчеркивает абсурд ситуации. Главные герои текста, студент и его возлюбленная, достаточно поверхностны – для девушки важно материальное состояние, а для студента – внешняя красота. И только соловей знает, что такое истинная любовь, поэтому жертвует собой: “Yet Love is better than Life, and what is the heart of a bird compared to the heart of a man?” [4, с. 4]. К сожалению, его жертва не оправдывает себя.

Одной из характерных особенностей стиля Оскара Уайльда является использование развернутых сравнений, в состав которых входит колоратив «белый»: “as white as the foam of the sea” [4, с. 3], “whiter than the snow upon the mountain” [4, с. 3]; колоратив «желтый»: “as yellow as the hair of the mermaid”, “yellower than the daffodil that blooms in the meadow” [4, с. 3]; «красный»: “as red as the feet of the dove”, “redder than the great fans of coral” [4, с. 3]. Помимо красного цвета, в сказке можно найти его различные оттенки: “great fans of coral” [4, с. 3], “flush of pink” [4, с. 5], “crimson” [4, с. 5], “ruby” [4, с. 5]. Колоратив «зеленый» используется для описания природы и животного мира: “Green Lizard” [4, с. 2], “green wood” [4, с. 4].

В вышеприведенных примерах можно выделить множество слов, которые придают разный оттенок цветам: “pale ivory”, “delicate flush of pink”, “dark as hyacinth-blossom” [4, с. 2], “crimson as a ruby”, а также цветообозначения, образованные в результате деривации: “whiter”, “redder”, “the reddest”.

В отличие от текста “The Nightingale and the Rose”, где присутствуют яркие цвета и оттенки, в тексте “Salome” наоборот используются холодные, бледные тона, чтобы подчеркнуть присутствие смерти: “silver”, “white”, “pale”, “ivory”.

Серебряный цвет имеет значение мистики и таинства, которые так полно ощущаются в пьесе. Колоратив «серебряный» используется для обозначения: ног – “silver feet” [5, с. 2]; предметов – “mirror of silver” [5, с. 3], “an image of silver” [5, с. 10], “silver charger” [5, с. 25]; природных явлений – “rays of silver” [5, с. 28], “silver flower” [5, с. 5], “silver robe” [5, с. 9], “silver helmet” [5, с. 10]. Белым описываются части тела “white

doves for feet” [5, с. 2], “pale” [5, с. 3], “hands like white butterflies” [5, с. 4], “thy body is white like the lilies of a field” [5, с. 10].

Красный цвет здесь используется для передачи страсти: “There is nothing in the world so red as thy mouth... Suffer me to kiss thy mouth” [5, с. 12], сравнения с пролитой кровью: “that wine is as red as blood” [5, с. 3], “moon shall become like blood” [5, с. 20]; сравнения с ядом: “thy tongue that was like a red snake darting poison” [5, с. 30].

Уайльд использует колоративы «золотой» и «желтый», чтобы показать богатство: “wine as yellow as gold” [5, с. 3], “gold beaks” [5, с. 27], “yellow veil” [5, с. 2]. Желтый также часто символизирует опасность, предательство и обман: “amber eyes” [5, с. 9], “golden eyes” [5, с. 10].

Уайльд часто прибегает к использованию сравнений для передачи цвета: “I have topazes yellow as are the eyes of tigers, and topazes that are pink as the eyes of a wood-pigeon, and green topazes that are as the eyes of cats.” [5, с. 28]. Благодаря подобным сравнениям, у читателя появляется яркая картина перед глазами, а также приятное чувство погружения в эстетику Уайльда. Кроме того, употребление таких изысканных сравнений, ярких образов и цветов в данных произведениях создает ироничное настроение, отражает отношение автора к проблеме текста.

На страницах пьесы можно также встретить частое упоминание черного цвета, которым описываются: пространство и время “black hole” [5, с. 8], “black caverns” [5, с. 10], “black lake” [5, с. 10], “black nights” [5, с. 11]; природные явления: “black grapes” [5, с. 11], “black sun” [5, с. 20], “black wine” [5, с. 28]. Черный цвет символизирует смерть, подстерегающую опасность.

В рассмотренных произведениях колоративы играют важную роль. Они создают настроение текста, описывают героев, выражая их характер, обращают наше внимание на скрытые мотивы текста. Однако колоративы служат не только для вышеперечисленных функций.

Рассмотрим функции колоративов по отношению к сюжету произведений [7, р. 58].

1. Создание тона, настроения произведения.

В художественных произведениях часто используются цветообозначения для создания настроения, тона текста, образа главных героев, а также для подчеркивания темы. В текстах “The Nightingale and the Rose” и “Salome” доминирующими цветами являются красный и белый. Именно благодаря цветам создается особая атмосфера текста.

2. Развитие сюжета.

Постепенное изменение цвета в ходе сюжета произведения помогает Уайльду создать необычный мир. Изменение цвета используется как путь от начала произведения до кульминации. Например, в произведении “The

Nightingale and the Rose”, пока соловей искал розу, ему пришлось столкнуться с трудностями. Ему встречались розы разных цветов, сначала белая, затем желтая и, в конце концов, красная: “My roses are white, as white as the foam of the sea, and whiter than the snow upon the mountain”; “My roses are yellow, as yellow as the hair of the mermaid, and yellower than the daffodil that blooms in the meadow”; “My roses are red, as red as the feet of the doves, and redder than the great fans of coral. But the winter has chilled my veins, and frost has nipped my buds, and the storm has broken my branches, and I shall have no roses at all this year” [4, с. 3]. От белой розы к желтой, от желтой к красной – сюжет развивается благодаря смене цветов, которая также добавляет трагедии особую красоту. В тексте “Salome” сюжет строится на контрасте цветов. В начале произведения нас окружает белый цвет. Герои постоянно подчеркивают, как бледна принцесса и Луна. В воздухе висит напряжение и ожидание смерти. Когда сюжет достигает своей кульминации, Луна становится красной как кровь.

3. Выражение замысла через символику цвета.

Во многих художественных произведениях колоративы являются средством передачи эмоций персонажей, в то время как выбор цвета определяется авторским намерением. Цвета обладают метафорической функцией, которая побуждает читать между строк, смотреть глубже, чтобы понять все неявные значения экспрессивных выражений.

Таким образом, в статье была выявлена и описана типология колоративной лексики, основанная на метафорическом переносе и ассоциациях: драгоценные камни и металлы, природные явления, продукты, животный мир, растения. В своих работах Уайльд часто использует колоративы, принадлежащие к группе драгоценных камней и металлов. Сравнивая различные предметы и явления с цветом драгоценных камней, Уайльд придает особую эстетику образам.

На основе анализа произведений, в статье были представлены основные цвета, встречающиеся в работах Оскара Уайльда. Каждый цвет обладает своей символикой и значением, что заставляет читателя обратить внимание на имплицитные идеи текста. Уайльд искусно использует цвета и различные стилистические приемы для выражения иронии и своего отношения к главным героям, несмотря на то, что иногда он пытается это скрыть и всячески «обмануть» читателя: “That does not matter. It is not wise to find symbols in everything that one sees. It makes life too full of terrors” [5, с. 24]. Были также выделены основные функции колоративной лексики в художественных текстах: создание настроения, формирование сюжета, выражение замысла через метафоры.

Автор отдает предпочтение красному, белому, черному и желтому. В проанализированных произведениях эти цвета обладают негативной

символикой: красный связан с кровью, обманом; белый – со смертью; черный – с опасностью; желтый – с предательством.

Выбор автором тех или иных колоративов может быть обусловлен тематикой произведений, а также символизмом цвета.

В заключение отметим, что значение цвета в художественных произведениях нельзя недооценивать. Обладая культурной символикой, создавая атмосферу текста и даже формируя сюжет произведения, цвета занимают важное место в сказках и произведениях Оскара Уайльда. В рассмотренных произведениях “The Nightingale and the Rose” и “Salome” цвета создают контраст, растущее напряжение, в котором демонстрируются любовь и ненависть, красота и безобразие, истинная любовь и лицемерие.

Список литературы

1. Зубарева А. В. Проблематика колоративной лексики в современной лингвистике // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/zubareva.html> (дата обращения: 15.01.21).
2. Воронова М. В., Ершова Н. И. Типы колоративов в рекламных текстах [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-kolorativov-v-reklamnyh-tekstah/viewer> (дата обращения: 17.01.2021).
3. Сапига Е. В. Цветообозначение в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2/2. С.192–194.
4. Wilde, O. The Nightingale and the Rose [Электронный ресурс]. URL: <http://pinkmonkey.com/dl/library1/rose.pdf> (дата обращения: 14.01.21).
5. Wilde, O. Salome [Электронный ресурс]. URL: <http://pinkmonkey.com/dl/library1/salome.pdf> (дата обращения: 15.01.21).
6. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/174/174-h/174-h.htm> (Дата обращения: 21.01.21).
7. Yanfang HOU. The Analysis on the Color Intention of Oscar Wilde’s “Nightingale and the Rose” // CSCCanada: Studies in Literature and Language. 2017. Vol. 14. No. 4. Pp. 57–59.

УДК 81'23

НАМЕРЕННЫЕ И НЕНАМЕРЕННЫЕ ОШИБКИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

В.А. Кондакова

*Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород*

В статье рассматриваются два вида орфографических ошибок: намеренные и ненамеренные. На примерах сообщений форумов nn.ru, yaaplakal.com, e1.com исследуются основные орфографические трудности, с которыми сталкивается носитель языка. Описываются основные функции намеренных ошибок; выявляются и классифицируются частотные ошибки случайного характера. Приводятся данные социолингвистического опроса о восприятии намеренно неправильных написаний.

Ключевые слова: орфография, орфографическая ошибка, эрратив, функции эрративов.

Intentional and Unintentional Spelling Mistakes in Modern Russian Internet Discourse

Veronika A. Kondakova

National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod

The article discusses two types of spelling errors: intentional and unintentional. The main difficulties faced by a native speaker are investigated using the messages from the forums nn.ru, yaaplakal.com, e1.com. The main functions of intentional errors are described; the errors of a random nature are identified and classified. This article also provides data from a sociolinguistic survey about the perception of deliberately misspelled spellings.

Key words: orthography, spelling, spelling mistakes, errative, functions of erratives.

Для исследования орфографических явлений необходимо понимать, что подразумевает понятие орфографии. По Е.В. Бешенковой, в современной лингвистике под *орфографией* понимают две науки: предписывающую (прескриптивную) и описательную (дескриптивную). При рассмотрении орфографии как дескриптивной науки, можно отметить, что объектом ее изучения является реальное письмо (узус), в то время как в прескриптивной орфографии объектом изучения является не все письмо, а только устоявшаяся его часть, то есть норма [1]. В рамках дескриптивной орфографии выделяются два главных понятия: намеренные и ненамеренные орфографические ошибки. Ненамеренные орфографические ошибки совершаются пишущим в случае незнания правила, вследствие чего возникает написание, не соответствующее орфографическим нормам. На выбор неверного написания влияют лингвистические и психолингвистические факторы [5].

В рамках исследования намеренно неверных написаний Г. Гусейнов первым ввел понятие эрратива и определил некоторые функции эрративов. По определению Г. Гусейнова, эрратив – слово или выражение,

подвергнутое нарочитому искажению носителем языка, владеющим литературной нормой [2]. Г. Гусейнов выделяет две категории эрративов:

1) Первичные эрративы искажают письменную норму, воспроизводя и искажая устную форму слова. Данный тип исторически испытан в передаче иноязычных слов (от немецкого слова *Laubsage* в русский язык перешло слово *лобзик*).

2) Вторичные эрративы представляют собой трудно произносимую коррекцию предполагаемого первичного эрратива. Эрратив *красавчег* восходит к предполагаемому эрративу *красафчик*, образованному от нормативного *красавчик*.

Интересно отметить, что при искажении орфографической нормы пишущие соблюдают так называемую норму искажения [3]. Это значит, что в системе эрративов существуют свои правила написания. В частности, традиционный для русского языка морфологический принцип письма активно используется и при написании эрративов. Например, суффикс *-ег*, который является эрративом от суффикса *-ик*, сохраняется как особый показатель интернет-жаргона во многих эрративных единицах (*красавчег, стульчег, пэтэушнег*). Другими словами, эрратив – иная система правильности, существующая параллельно обычной [3].

По мнению Л.В. Зубовой, основной функцией эрративов в письменной устной речи являются снижение пафоса и смягчение категоричности [4]. В то же время с помощью шутливой формы эрративов происходит рефлексия над банальными для участников коммуникации словами. Г. Гусейнов дополняет эту классификацию функцией обозначения экспрессивной оценки [2].

Исследование основных категорий ненамеренных ошибок и функций эрративов, описываемое в настоящей статье, проводилось на материалах сообщений с форумов *nn.ru, uaplakal.com, e1.com* в период с октября 2018 г. по январь 2019 г., так как форумы моделируют ситуацию живого общения непосредственно в Интернете. Формат диалога и полилога, характерный для форумов, подразумевает использование письменной разговорной речи, которую и представляется интересным исследовать.

При выявлении ненамеренных неправильных написаний были найдены орфографические ошибки разных типов. Из всех сделанных орфографических ошибок ненамеренные занимают примерно одну третью часть (32%), что говорит о превалировании принципа намеренного неправильного написания. Все ненамеренные ошибки были классифицированы следующим образом [5]:

1. Ошибки в написании морфем.
2. Ошибки в сфере слитного, отдельного и дефисного написания.
3. Ошибки в написании строчных и прописных букв.
4. Ошибки в правописании заимствованных слов.

Написания, не соответствующие норме, встречаются в текстах довольно часто как в виде обычных орфографических ошибок, так и в виде эрративных единиц. В число самых затруднительных областей для носителя языка входит сфера слитного, дефисного и раздельного написания (*во-время, пол-дня, от куда, на последок*). Ошибки в этой области составляют 68% от общего числа ненамеренных ошибок. Проблемной областью также является написание различных частей речи с частицей *не* (20% от общего числа ненамеренных ошибок): *шансов **небыло** никаких, **не** понятно за что под пули лезть, ну и **не** посвященным обратите внимание на красный замок*.

Ошибки могут быть вызваны, во-первых, незнанием правила, а во-вторых, его вариативностью. В некоторых случаях правило предполагает опору на пишущего: если он хочет подчеркнуть отрицание признака, то слова следует написать раздельно.

В число часто совершаемых ошибок по материалам исследования входит написание частей речи с частицами *-то, -нибудь* (26% от общего числа ненамеренных ошибок), а также правописание наречий (*вовремя, откуда, напоследок*) и наречий с приставкой *по-* (всего 10%). Ошибки в написании морфем и ошибки в правописании заимствованных слов также были найдены в материалах исследования, но в незначительном количестве.

Авторами сообщений совершались и ошибки в употреблении строчной и прописной буквы: *Ибо это **Нуль** Эволюции, чт собственно противоречит мирозданию; А американцами че не присыпали, для **Ужасу**; Господи.. вы серьезно считаете что **Я** в своем собственном положении нуждаюсь в каких то советах*.

Приведенные выше примеры эксплицируют сопоставление имен собственных с нарицательными для привлечения к ним большего внимания. Эти написания не соответствуют правилам орфографии, но в то же время могут быть рассмотрены как намеренные написания.

Здесь мы встречаемся с проблемой разграничения намеренных, ненамеренных орфографических ошибок и опечаток. Отличить опечатку от намеренной ошибки достаточно сложно, так как оба типа орфографических ошибок базируются на произвольном изменении слова. Распознавание опечатки происходит через контекст, но и распознавание намеренного неправильного написания тоже выясняется через контекстную информацию. М.Ф. Панина, А.В. Байтин и Е.И. Галинская на примере запросов в поисковой системе «Яндекс» предлагают различать опечатки при помощи взаимного контекста, то есть учитывать взаимозаменяемость слов в одних и тех же контекстах [6]. Не всегда можно уверенно различить эрративы и опечатки, так как истинная степень намеренности искажения слова известна только автору. Именно поэтому

отбор эрративов для исследования их функций базировался на принципе, описанном выше.

Перейдем к рассмотрению намеренных ошибок и выделим их основные функции.

Намеренное использование/неиспользование верхнего регистра может подчеркивать неуважение к лицу, о котором идет речь (*от захаровой, завтра помет от соловьева и все забыли, про хохлов и трампа*), но может и подчеркивать важность определенных слов или предполагаемый акцент в интонации (**ПРОСТО** *не надо было их строить на деньги пенсионеров!*).

В сфере намеренного слитного, дефисного и раздельного написания фигурирует понятие сращения. Сращение – намеренное слитное написание некоторого ряда слов. Основной функцией сращения является иконическая: *какая связь **нидогоняю, чагобишо** запретить в масть народному желанью, пишут на билборде около **какогонить** села*. В приведенных примерах подчеркивается неразрывность элементов, написанных слитно. Эти маркеры могут указывать на простоту элементов, которую замечают и автор, и читатель.

При намеренном искажении морфем авторы сообщений используют разные методы гиперкоррекции, исходя из чего возникают разные функции эрративов. Гиперкоррекция – это намеренное использование правил за пределами их применимости. Она может означать презрение, неуважение к теме разговора или собеседнику, например: *голупчег, омерика, ыыыдиот, хацкер, иксперд*. Фонетическая запись какой-либо лексической единицы может быть либо характеристикой самого автора высказывания, либо эксплицитировать манеру его речи, либо описывать объект разговора: *масковский, нраища, понимайт и одобряйт*.

Для получения взгляда на эрративы со стороны воспринимающего сознания и определения функций эрративов был составлен социалингвистический опрос, в котором респондентам было предложено ответить на несколько вопросов, касающихся функций эрративов в определенных предложениях и приемлемости восприятия и использования подобных лексических единиц. В качестве испытуемой была выбрана молодежная возрастная группа, так как именно она преимущественно пользуется письменной разговорной речью и чаще всего сталкивается с намеренно неправильными написаниями. В опросе приняло участие 100 человек. Респондентам были предложены следующие типы вопросов:

1. *Оцените приемлемость нижеприведенного высказывания по шкале от 1 до 5 (где 1 – абсолютно не приемлемый для Вас вариант написания, 5 – очень приемлемый):*

"Всегда относился и буду относиться с недоверием к людям кто пишет свои разговоры" - "Таладна!!"

- Оцените приемлемость написания.

- Оцените приемлемость для собственного употребления.

2. Прочитайте следующие отрывки из предложений:

1. Еще одного внешнего врага помимо Америки, НАТО, Европы и Китая...

2. Еще одного внешнего врага помимо америки, нато, гейропы и китая...

Отметьте те варианты, которые считаете верными: «При выборе второго варианта написания...»:

- ✓ Стиль и категоричность высказывания снизились
- ✓ Выражается нежелание продолжать разговор
- ✓ Выражается неодобрение написанного ранее
- ✓ Выражается безразличие к теме разговора
- ✓ Выражается презрение к теме разговора или собеседнику
- ✓ Происходит передразнивание иностранного акцента
- ✓ Подчеркивается важность сообщения
- ✓ Подчеркивается банальность слов за счет их шутливой формы»

Одним из результатов данного опроса стал тот факт, что эрративные написания являются привычными для большинства пишущих (50%). Основными функциями эрративов, которые выделили участники опроса, стали следующие: выражение презрения, неуважения, подчеркивание банальности словоформы, снижение стиля и категоричности.

При ответе на вопрос об оправданности использования эрративов в Интернет-дискурсе, четко прослеживается мысль о том, что намеренно некорректные написания несут в себе определенные функции, делают письменную разговорную речь менее официальной. Несмотря на это, 21% опрошенных отметил абсолютную ненужность подобных единиц, т.к. они препятствуют пониманию текстов. Очевидной кажется мысль, что употребление эрративов во всех типах текстов невозможно. Использование таких единиц письменной речи должно быть уместным в какой-либо ситуации. За счет них может происходить процесс социализации автора, так как эрративы, во-первых, выделяются на фоне грамотной речи, а значит, сам автор будет замечен, а во-вторых, привлекают внимание за счет шутливой формы, которая может как расположить к продолжению разговора, так и вызвать недовольство и желание прекратить беседу.

В ходе данного исследования удалось выявить трудности в орфографии современного русского языка и определить основные функции эрративов. В перспективах исследования – создание корпуса текстов, являющихся примерами коммуникации на форумах, и выявление особенностей использования эрративов на этом материале, а также определение особенностей форума как жанра Интернет-коммуникации.

Список литературы

1. Бешенкова Е. В. Ортология и политика нормирования современной русской орфографии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 5. С. 33–47.
2. Гусейнов Г. Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику // Архивы форума «Говорим по-русски». 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения: 01.03. 2019).
3. Дедова, О. В. Антиорфография в Рунете // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: МГУ, 2007. С. 342–343.
4. Зубова Л. В. Орфографическая стилистика // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. № 13. С. 407–417.
5. Литневская Е. И. Русский язык: краткий теоретический курс для школьников // М.: Изд-во МГУ. 2006. 240 с.
6. Нечаева И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований // Азбуковник, 2011. 168 с.
7. Панина М. Ф., Байтин А. В., Галинская И. Е. Автоматическое исправление опечаток в поисковых запросах без учета контекста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции «Диалог». 2013. С. 568–579.

УДК 811.111.1'373

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНТАМИНАЦИИ

Н.А. Лаврова

Московский педагогический государственный университет, Москва

Е.Ф. Ботова

Московский педагогический государственный университет, Москва

В статье рассматриваются различные типы контаминации и анализируются причины ее продуктивности в английском языке и относительной непродуктивности в русском. В ходе анализа были выявлены наиболее многочисленные смысловые группы контаминантов, проанализированы их функции и обозначены пути дальнейшего изучения контаминации как отдельной словообразовательной модели.

Ключевые слова: контаминация, контаминант, бленд, морфологический осколок, словообразование.

On Structural, Sematic, Functional and Typological Specifics of Contamination as a Word-Building Pattern

Nataliya A. Lavrova

Moscow State Pedagogical University, Moscow

Elizaveta F. Botova

Moscow State Pedagogical University, Moscow

The main aim of the research is to explicate the main types and subtypes of contamination, the reasons for its productivity in English and relative non-productivity in Russian. The research highlights the most numerous thematic and semantic groups of blends, their typical functions and outlines the avenues for further research on contamination as a discrete word-building pattern.

Key words: contamination, blending, blend, morphemic splinter, word-building.

На рубеже XX-XXI веков контаминация становится одним из наиболее продуктивных способов словообразования в английском языке. Продуктивность контаминации обусловлена тем, что при объединении морфологических осколков исходных слов в новое сохраняется не только семантика слов-доноров, но также и благозвучие, что позволяет контаминантам войти в широкое употребление.

Последние пять лет основными направлениями исследования в области контаминации являются следующие: 1) продуктивность контаминации в английском языке и заимствование контаминантов в русский язык; 2) контаминация как один из способов игрового словотворчества; 3) проблема статуса и классификации морфологических осколков контаминантов¹.

¹ Как известно, существует большое количество терминов для обозначения анализируемого явления, среди которых наиболее распространёнными являются

Среди последних англоязычных публикаций, посвященных контаминации, следует особо отметить 14 выпуск электронного научного журнала *Lexis* [9] (декабрь 2019). Поскольку научное издание сравнительно редко посвящает отдельный выпуск какой-то словообразовательной модели, можно говорить о том, что контаминация как словообразовательная модель привлекает внимание ученых все чаще и чаще, становясь все более продуктивной и обнаруживая все большее разнообразие структурных и семантических моделей. В журнале *Lexis* особого внимания заслуживают следующие статьи: *A corpus-based analysis of new English blends* М. Элизы [8] и *Blending creativity and productivity: on the issue of delimiting the boundaries of blends as a type of word formation* Н. Беляевой [7]. В своей статье М. Элиза проводит исследование продуктивности контаминации, делая вывод о том, что существуют как уникальные контаминанты (*glamma* ← *glamour* + *grandma*), так и ряд контаминантов, образованных от одного исходного слова, по аналогии с ним (*eatertainment*, *irritainment*, *shoppertainment*). Н. Беляева рассматривает контаминацию не только как способ словообразования, но и как способ словотворчества. Исследование автора показало, что, несмотря на то, что некоторые контаминанты образованы достаточно нетипично, образование большинства контаминированных слов предсказуемо. По мнению Н. Беляевой, продуктивные морфологические осколки контаминантов следует рассматривать как аффиксы.

Русскоязычное исследование контаминации Н.В. Перфильевой и И.И. Галанкиной [4] «Деривационная контаминация в английском языке и ее влияние на русское словообразование (на основе коммерческих наименований)» показало, что контаминация в английском языке является более продуктивной, чем в русском. В русском языке контаминанты встречаются преимущественно в коммерческих названиях и представляют собой языковую игру или в речи детей, являясь окказионализмами. В то же время авторы отмечают, что в последние годы многие контаминанты заимствуются русским языком. Е.В. Муругова в работе «Лингвокогнитивные механизмы интеграции контаминантов в современном английском языке» [3] рассматривает основные когнитивные модели, отражающие, каким образом в структуре контаминированного слова реализуется процесс сжатия, развертывания и детализации информации. В ходе исследования было обнаружено, что наиболее продуктивными моделями образования контаминантов-существительных являются N+N (существительное + существительное) и Adj+N

термины «бленд» и «контаминант». В настоящем исследовании мы не ставим цели разграничить данные термины, поэтому используем их как синонимичные и взаимозаменяемые. Заметим, однако, что термины «контаминант» и «контаминация» получили распространение в отечественном языковедении, тогда как термины «бленд» и «блендинг» чаще используется зарубежными лингвистами.

(прилагательное + существительное), для прилагательных – Adj+Adj (прилагательное + прилагательное) и N+Adj (существительное + прилагательное), а для глаголов – V+V (глагол + глагол). М.Ю. Гетманская и А.В. Киселева в статье «Когнитивно-коммуникативный аспект анализа семантической структуры контаминантов в современном словообразовательном пространстве русского и английского языков» [1] проводят анализ семантической структуры контаминантов в русском и английском языках. Исследование обнаружило, что процесс создания контаминантов носит когнитивно-коммуникативный характер, а наиболее продуктивной моделью контаминации является частичное наложение.

Проведенное нами исследование показало, что, как правило, контаминация используется для наименования гибридных предметов или явлений и в этом смысле является оптимальной моделью номинации нового понятия, более оптимальной, чем, например, словосложение, в котором участвуют полные основы.

По сферам употребления контаминанты можно условно разделить на следующие группы:

- **Реклама:** pawdicure (paw + pedicure), aussome (Australia + awesome);
- **Торговые марки:** charmaternity (charming + maternity), hairdorables (hair + adorable), fantola (Fanta + Cola);
- **Неологизмы:** chemistree (chemistry + tree), Smonday (Sunday + Monday), trashion (trash + fashion);
- **Окказиональные образования в периодике:** eggstraordinary story – заголовок статьи о выброшенных на свалку яйцах, из которых вылупились цыплята (eggs + extraordinary) [10], millionaire – обанкротившийся миллионер (nil + millionaire) [12], adpocalypse (ad + apocalypse) – приостановка рекламы на платформе YouTube [6].

Отдельную группу составляют контаминанты, образованные за время пандемии COVID-19:

- Coronapocalypse – конец света из-за COVID-19;
- Coronial – человек, который родился в период COVID-19 и самоизоляции.
- Covidivorce – развод из-за того, что супруги оказались в замкнутом пространстве на карантине и переосмыслили свои отношения.
- Covexit – выход из карантина и изоляции.
- Zumping – расставание с любимым человеком по видеосвязи.
- Quaranteen – тинейджер в изоляции или изоляция с тинейджерами.
- Zoombie – человек, проводящий слишком много времени за видеоконференциями в программе Zoom.
- Coronacation – оплачиваемый отпуск во время карантина.

- Coronacoster – эмоционально нестабильное состояние из-за чтения новостей о COVID-19 [12].

Широкое распространение контаминации обусловлено ее основными функциями, среди которых оценочная, экспрессивная, апеллятивная, лудическая (игровая).

Начиная с 20 в. под влиянием английского языка контаминация стала проникать и в русский язык. Некоторые контаминанты заимствуются из английского языка и адаптируются в русском: «джеггинсы» (jeggings), «бранч» (brunch) и т.д. По аналогии с коммерческими названиями в английском языке в последнее время контаминанты все чаще используются и в русском: ср. «Чепупели» (чепуреки + пельмени), «Чепупицца» (чепуреки + пицца), «Круггетсы» (круг + наггетсы), «Колбасыры» (колбасы + сыры) и т.д. «Несерьезные», шуточные контаминанты в русском языке реализует все свои функции, обозначенные выше: ср. «филолух» (филолог + олух), «самомучитель» (самоучитель + мучитель) и «пропагандаторы» (пропагандисты + агитаторы).

В стилистическом отношении многие контаминанты, особенно те, которые используются журналистами, носят аллюзивный характер: их правильная интерпретация зависит от знания того явления, на которое «намекают» авторы статьи. В этом случае один и тот же контаминант может использоваться как англоязычными, так и русскими изданиями:

(1) «TWEXIT: зачем американские правые покидают социальные сети?» [11].

(2) «Однако обвинения в сторону Трампа небезосновательны: с конца мая среди республиканцев проходит кампания «Twexit», означающая «исход» партии из Twitter в новую соцсеть Parler, которая позиционирует себя как площадку, где отсутствует какая-либо цензура» [5].

Используя контаминант Twexit, автор статьи рассчитывает на активизацию у читателей фоновых знаний о «брексите» – выходе Великобритании из Евросоюза.

В целом, сравнивая контаминацию в английском и русском языках, можно сделать вывод о том, что в русском языке (пока еще) контаминация не является продуктивным способом словообразования. Это обусловлено тем, что русский язык относится к синтетическим языкам, обладающим развитой морфологией и системой флексий. Для русского языка наиболее продуктивны такие способы словообразования, как аффиксация и словосложение. Английский язык, напротив, относится к группе аналитических языков и в процессе исторического развития утратил систему склонения и падежей. Продуктивность контаминации в английском языке можно объяснить еще и тем, что «на основании минимального по объёму дифференцированного знания человеку предоставляется возможность познакомиться с результатами познания

действительности» [2, с. 41], то есть при объединении морфологических осколков исходных слов значение контаминанта остается (относительно) прозрачным.

Другим фактором, влияющим на степень продуктивности контаминации, является благозвучие. При образовании контаминированных слов в английском языке сохраняется благозвучие, однако при переводе контаминантов на русский язык возникают трудности с подбором слова, способного отразить семантику исходных слов и сохранить благозвучие. Так, «удачное» английское слово *frenemy* (friend + enemy) калькируется на русский язык либо как «драг», либо как «вруг». Оба слова не только семантически непрозрачны, но и неблагозвучны. По этой причине английский контаминант *frenemy* в русском языке требует описательного, прозрачного перевода – «заклятый друг».

Таким образом, в русском языке на распространение контаминации оказывают влияние как центробежные, так и центростремительные силы: глобализация и популярность английского языка как иностранного способствуют заимствованию некоторых английских контаминантов из английского языка или образованию блендов по аналогии с английскими словами. С другой стороны, синтетический характер русского языка, негативное отношение многих носителей русского языка к таким «несерьёзным» образованиям, а также непрозрачность внутренней формы контаминантов в русском языке препятствуют их продуктивности.

Будучи динамичной, постоянно развивающейся системой, язык фиксирует элементы экстралингвистического знания. Для наименования новых гибридных предметов и явлений в языке используются наиболее экономичные способы словообразования, способные максимально точно отразить суть предмета или явления и подчеркнуть его новизну. Именно такой моделью словообразования является контаминация. Постоянное появление новых смысловых и структурных групп и типов контаминантов требует более углубленного их изучения для того чтобы понять, какие факторы играют ведущую роль при выборе именно этой модели для наименования новых реалий. Перспективным направлением дальнейшего изучения контаминации представляется сопоставительный анализ продуктивности данной модели словообразования в разных языках мира, а также психолингвистическое исследование отношения носителей разных языков к контаминации как модели словообразования и выделение критериев, отграничивающих контаминированные образования от сложносокращенных слов, которые нередко ошибочно относят к разновидности контаминантов.

Список литературы

1. Гетманская М.Ю., Киселева А.В. Когнитивно-коммуникативный аспект анализа семантической структуры контаминантов в современном

словообразовательном пространстве русского и английского языков // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 1 (18) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-kommunikativnyy-aspekt-analiza-semanticheskoy-struktury-kontaminantov-v-sovremennom-slovoobrazovatelnom-prostranstve> (дата обращения: 13.11.2020).

2. Манерко Л.А. Сложноструктурные субстантивные словосочетания: когнитивно-дискурсивный аспект. (На материале технической литературы современного английского языка): Дис.... док. филол. наук. М., 2000. 425 с.

3. Муругова Е.В. Лингвокогнитивные механизмы интеграции контаминантов в современном английском языке // Вестник Курганского государственного университета. 2019. №1 (52) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokognitivnye-mehanizmy-integratsii-kontaminantov-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 13.11.2020).

4. Перфильева Н.В., Галанкина И.И. Деривационная контаминация в английском языке и ее влияние на русское словообразование (на примере коммерческих наименований) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (820) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/derivatsionnaya-kontaminatsiya-v-angliyskom-yazyke-i-ee-vliyanie-na-russkoe-slovoobrazovanie-na-primere-kommercheskih-naimenovaniy> (дата обращения: 13.11.2020).

5. РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5f10259b9a7947bbd0b64b9d?from=main> (дата обращения: 16.07.2020).

6. Alexander, J. (20.02.2019) YouTubers fear looming 'adpocalypse' after child exploitation controversy. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theverge.com/2019/2/20/18231561/youtube-child-exploitation-predators-controversy-creators-adpocalypse> (дата обращения: 13.11.2020).

7. Beliaeva, N. (2019, December) Blending creativity and productivity: on the issue of delimiting the boundaries of blends as a type of word formation // Lexis. 2019. Vol. 14, 1–22. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.4000/lexis.4004> (дата обращения: 13.11.2020).

8. Elisa, M. (2019, December) A corpus-based analysis of new English blends / M. Elisa // Lexis. 2019. Vol. 14, 1–28. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.4000/lexis.3660> (дата обращения: 13.11.2020).

9. Lexis. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/lexis/1249> (дата обращения: 13.11.2020).

10. Parrington, J., Arnoult, C., Fissore, R.A. The Eggstraordinary Story of How Life Begins. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6352315/> (дата обращения: 13.11.2020).

11. Republic. [Электронный ресурс]. URL: <https://republic.ru/posts/97220>

12. Urban Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 13.11.2020).

УДК 81-13

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭВФЕМИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

С.А. Логвина

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь*

В статье изложены основные этапы структурной организации эвфемистического текста, которые определяются горизонтальной и вертикальной дифференциацией, а также интеграцией, формирующей функциональное, смысловое и содержательное единство эвфемизма.

Ключевые слова: эвфемизм, однословный эвфемизм, сверхсловный эвфемизм, эвфемистический текст, структура.

Structural Organization of the Euphemistic Text

Svetlana A. Logvina

Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

The article describes the main stages of the structural organization of the euphemistic text, which are determined by horizontal and vertical differentiation, as well as integration, which forms the functional, semantic and content unity of the euphemism.

Key words: euphemism, one-word euphemism, super-word euphemism, euphemistic text, structure.

Эвфемизм как сложный системный объект лингвистического анализа привлекает внимание исследователей разных направлений науки о языке (прагматики, когнитивной и социолингвистики, психолингвистики и т.д.). Согласно современной научной картине мира все объекты, на которые направлена практическая и познавательная деятельность субъекта, также представляют собой упорядоченные, структурированные, иерархически организованные системы. Эвфемизм не является исключением, и, как любой объект с динамической структурой, может быть изучен с позиции трех основных подходов: целостного подхода, иерархической структуры и определения последовательности. Если некоторые аспекты последовательности (генеза и развития эвфемизма) как логично обусловленной совокупности идущих один за одним процессов (причины возникновения, способы образования и выражения, функционально-прагматическая организация и т. д.) подвергались структурно-функциональному рассмотрению, то эвфемистический текст (где текст понимается нами в широком варианте его интерпретации как последовательность знаковых единиц, объединённая смысловой связью) как иерархическая структура, состоящая из различных по сложности элементов, изучена недостаточно. В практике лингвистических,

психолингвистических и лингвокогнитивных исследований (Ю.В. Алексикова (когнитивные основы формирования), А.М. Кацев (признаки и условия употребления), М.Л. Ковшова (лингвокультурная характеристика), В.П. Москвин (системная семантика), И.Н. Никитина (стигматичный денотат), Е.П. Сеничкина (семантическая редукция), Л.В. Порохницкая (классификация по способам образования) и др.) утверждаются некоторые подходы к проблематике соотношения когнитивного, смыслодержательного, коммуникативно-прагматического и лингвопсихологического компонентов в структуре эвфемизма. Внимание ученых акцентируется преимущественно на тех аспектах и их компонентах, которые, как представляется исследователям, оказывают влияние на содержательную сторону эвфемизма. Форма же эвфемизма как проявление содержания от простого к сложному считается малосущественной и поэтому является малоизученной. Форма предполагается заведомо диалектически соотносенной с содержательными компонентами целого, поэтому факт наличия у формы эвфемизма собственной (обусловленной целями и причинами) специфики как структурного, так и содержательного порядка в лингвистических работах мало обсуждается.

При анализе структурной специфики формы выражения эвфемистического текста ее структура может быть охарактеризована двумя основными параметрами — сложностью и степенью формализации. Возможности формализации как отображения содержательного знания в теории исчисления, где формализуемое эвфемистическое знание должно представлять собой каким-то образом фиксированную совокупность утверждений, представлены нами в разработке реляционной модели эвфемистического потенциала лексической единицы [6]. В рамках этой статьи рассмотрим сложность организации внутреннего устройства эвфемистического текста, которая считается одним из основных параметров структуры. Ученые убеждены, что более сложное по форме выражение является также более сложным семантически, что соответствует принципу иконичности [4] и способствует семантической неопределенности. Так, «эвфемизмы, состоящие из двух и более компонентов, семантически сложнее, чем однословные эвфемизмы, с их помощью создаётся бóльшая дистанция между негативным денотатом и его обозначением [4, с. 39]. Ср.:

Бродяга – искатель приключений – антисоциальный тип – без определенного места жительства – люди с пониженной социальной ответственностью – социально уязвимый слой населения;

Инвалид – человек на коляске – маломобильный гражданин – социально незащищенная категория граждан – люди, которые нуждаются в социальной поддержке и защите со стороны общества;

Суицид – суицидальное поведение – антисоциальное поведение – насилие, направленное против собственной жизни;

Мат (ругань) – матерное слово – не эфирное выражение – непарламентская лексика – разновидность ненормативной (обценной) лексики.

Чем пространнее структура эвфемизма, тем неопределённее описание негативного денотата; такая «речевая избыточность всегда ведёт к семантическому усложнению, даже если оно оказывается ложным» [4]. Расширение формы даёт «наращение» содержания, таким образом создается семантическая неопределённость.

Структурные уровни организации эвфемистического текста в свою очередь могут определяться двумя параметрами – дифференциацией (горизонтальной и вертикальной) и интеграцией. Интеграция как общность процессов в случае с эвфемистической номинацией кодов, нацеленных на реализацию конкретной цели – интеллектуальной защиты, – обуславливает кодирование эвфемизма семиотически разнородными средствами, где вербальные и невербальные (просодические, кинетические, проксемические, а также визуальные) средства являют собой функциональное, смысловое и содержательное единство. Комплементарность кодов такого единства является неравноправной и реализуется по принципу аддитивности с доминирующей, а иногда и замещающей, активностью одного из компонентов.

Дифференциация – наиболее важный показатель сложности организации пространственного разделения структурных единиц – характеризует разнородность организации, ее многофункциональность и различия в достигаемых целях, как например: дифференциация по целям, по функциям, по числу единиц, участвующих в номинации.

Вертикальная дифференциация говорит о глубине организационной иерархии и в аспекте эвфемистического текста характеризуется количеством и уровнями сложности когнитивных, психологических, лингвистических процессов, вовлеченных в создание смысла эвфемизма. Высокая степень вертикальной дифференциации свидетельствует об объеме элемента эвфемистического текста – совокупности процессов, понятий и интенций, транслируемых в рамках интеллектуального объекта – эвфемизма. Например: интеллектуальный объект минимальной сложности – это *эвфемизм-автоматизм*, поскольку он использует готовую, часто употребляемую и хорошо известную всем участникам коммуникации форму с низким уровнем абстракции; сложный интеллектуальный объект – *эвфемизм-окказионализм*, при кодировании которого индивид всегда идет на преодоление автоматизма в выборе средств из числа уже готовых, опираясь на принцип гуманности и принцип здесь и сейчас. Такой эвфемизм имеет средний уровень абстракции

(достаточный для понимания первоначального значения), а также сознательную вовлеченность индивида (контроля) в его формирование. *Эвфемистические симулякры* представляют собой интеллектуальные объекты сверхсложной степени абстрактности, поскольку наряду с коннотативной амелиорацией происходит подмена информации, для чего необходима реализация сложных манипулятивных техник подмены понятия, обеспечивающих социальное воздействие на восприятие или поведение других людей при помощи скрытой и обманной тактик в интересах манипулятора.

Горизонтальная дифференциация элементов эвфемистического текста включают в себя разные по размеру и сложности синтаксических отношений комбинации. В нашей работе, в контексте усложняющейся структуры эвфемизма, речь идет не столько о способах передачи смысла, сколько о структурных изменениях (количество слов, которое входит в состав эвфемистического текста). Прежде чем привести следующую классификацию горизонтальной дифференциации эвфемистического текста, необходимо уточнить, что при осмыслении понятия «текст» мы опираемся на классический вариант его интерпретации – объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [5, 7]. Таким образом, текст может выступать как в роли референта, так и в роли знака [1, с. 21].

В рамках данной статьи мы бы хотели сделать акцент на синтаксической экспликации эвфемистического текста и его единиц. Для более наглядной демонстрации усложняющейся структурной организации проанализируем разнообразие форм выражения эвфемистического текста в зависимости от количества содержащихся в них слов и классов слов.

Однословный эвфемизм (эвфемистическая единица)

Однословный эвфемизм может быть представлен следующими классами слов:

а) *существительное*: эвфемизм может иметь форму одного слова (существительное), как указано в примерах ниже: «дефект», «особенность» об инвалидности; «лукавый», «нечистая» о «дьяволе»;

б) *прилагательное*: «покойный», «усопший» являются прилагательными используются в качестве эвфемизмов для замены «мертвый», «loaded» используется вместо «беременная»;

в) *глагол*: «понесла» можно сказать о «беременной», «упокоился» часто используется вместо «умер»;

г) *дескрипция*: слова широкой семантики [8], допускающие некоторое множество объектов, удовлетворяющих одной дескрипции в разное время, в числе которых нет такого, который бы нес запрещенный семантический признак, как например, знаки как «этот», «том», «такой», «всякий», «любой», «много», «все», «кто-либо» и т.д. [3], «thing»,

«*action*» позволяют замещать различные знаки, относящиеся к разным по своей природе объектам [9].

Эвфемизм из двух и более слов (эвфемистическое выражение)

Будучи минимальной относительно целостной единицей речевого общения (речевым отрезком, условно законченным по интонации и по смыслу), эвфемистическое выражение представляет собой речевой знак, в состав которого могут входить два и более слова; интерпретация смысла в таком случае не соответствует классическому постулату семантики, а это значит, что интерпретация осуществляется в соответствии с правилами эвфемизации конкретного языка, культурного сообщества и т.д.:

а) состоит из двух существительных или **существительное + существительное**: словосочетание «*час икс*» – так можно выразиться о времени смерти, «*место действия*» – об убийстве;

б) состоит из существительного и прилагательного или **существительное + прилагательное**, например: «*прикованный к постели*» используется для обозначения «больной»;

в) состоит из глагола и существительного или **глагол + существительное**: словосочетание «*покинуть этот мир*», «*быть на небесах*» используется вместо «умер»;

г) состоит из глагола и предложной фразы/наречия или **глагол + предложное словосочетание/наречие**, например: «*lie peacefully*» или «*мирно лежать*», «*уснуть навек*» также используется вместо «умереть»;

д) состоит из предлога и существительного или **предлог + существительное**, например: «*в раю*», «*на небесах*» используется вместо «умер».

Эвфемизм, состоящий более чем из двух слов (эвфемистическое предложение)

Для выражения эвфемистического значения активно используется такая синтаксическая форма как предложение (способное выступать в качестве текста минимальной длины), например, простое предложение: «*Душа покинула тело*» – «умер», «*Удача не была на его стороне*» – «потерпел поражение».

Сверхсловный эвфемизм (фраземы, идиомы, клише, тропы и т. п.)

В этом разделе важно отметить такие выражения, смысл которых не определяется значением отдельно взятых слов, входящих в их состав, имеющие вид законченного предложения. Согласно эмпирическим исследованиям «в сверхсловных эвфемизмах, как и в идиомах, именная часть, как правило, не изменяется; глагольная более подвижна» [4]. В грамматическом плане для таких эвфемизмов характерны: атрибутивный предикат; неактивный глагол; результативное прошедшее и делящееся (вневременное) настоящее и т. п. При формировании таких высказываний часто используются такие стилистические приемы, как:

а) метафора, например: «Он уснул вечным сном», «Ураган унес жизни 64 человек», «Он сделал свой финальный выход почти в 93» – все эти метафорические выражения обозначают «смерть»;

б) метонимия, образные перифразы, образованные посредством метонимического переноса, например: «Он пошел туда, куда царь (король, президент) пешком ходит» – в русском; «He went where even the emperor must go on foot» («пойти туда, куда даже император должен ходить пешком») – в английском; в данном примере речь идет о туалете;

в) литота, понимаемая как прием выразительности, основанный на двойном отрицании («небесспорный», «не без умысла») или на смещении отрицания из утвердительной части высказывания в модусную («Не думаю, что вы правы», – ср.: «думаю, что вы не правы») (цит. по [8]);

г) мейозис, понимаемый как прием выразительности, основанный на намеренном преуменьшении интенсивности свойств предмета речи, действий, процессов и т.п. («Он вполне прилично плавает» – о хорошем пловце; «Ее трудно назвать красавицей» – об уродливой женщине) (цит. по [7]);

д) аллюзия на мифологические, исторические и литературные факты, например, не решаясь сказать, что у Форсайта злой взгляд, употреблено выражение «he has a Quilpish Look» (цит. по [8]);

е) гипербола: «I thought heroes fight for glory» – в значении «Герои не сражались во славу к победе»;

ж) ирония: «Она потеряла 100 кг лишнего веса» – такое высказывание обозначает «развод».

В рамках этой работы нами представлены лишь некоторые стилистические приемы, где иерархические отношения между референтом и денотатом вторичной номинации детерминируют более обобщенную, недетализированную структуру вербализации эвфемистического текста. Нейтрализация негативных сем достигается благодаря использованию формы, не отражающей конкретной характеристики. В результате использования слов с широким семантическим спектром формируется множество ассоциаций, что позволяет недосказать, приукрасить действительность и даже исказить денотат. Подчеркнем, что «в основе данных ассоциаций находятся процессы, обусловленные особенностями функционирования перцептивной системы человека» [2, с. 237], что и является отправной точкой для будущего структурирования эвфемистического текста или высказывания. Процессы метафоризации способствуют объективации интеллектуальной и эмоциональной индивидуальности носителя языка и формируют его отношение к объекту общения. В эвфемистическом тексте прагматический потенциал всегда поддерживается выразительными средствами (не только языковыми),

оформляя референт интонационно, мелодически, в потоке и определённом ритме речи.

Резюмируя наши наблюдения, приходим к логическому заключению, что вербализация эвфемистического текста обладает структурно подвижной, неопредельной, недискретной формой, которая имеет определенные ограничения на трансформируемость при учете особенностей коммуникации, что обнаруживается при воспроизведении всех ее основных функциональных параметров (объем, иерархия, а также соотношение дискретных компонентов целого) в момент решения прагматических задач коммуникативной ситуации. Структура эвфемистического текста эксплицируется через аспекты размера и сложности элементов относительно целей коммуникативной ситуации. Плотность и сложность эвфемистического текста зависит от протекания коммуникативной ситуации, текст будет уплотняться до тех пор, пока поставленная прагматическая задача не будет решена.

Список литературы

1. Бразговская Е. Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста). Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006. 191 с.
2. Зубкова О.С. Метафорическая категоризация пространства профессиональных языков как рефлексия характера восприятия // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 237–245.
3. Иванова Л.А. Типы референции и определенные дескрипции // Вестник МИТХТ им. М.В. Ломоносова. 2008. Т. 3. № 2. С. 91–97.
4. Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 35–48.
5. Лингвистический энциклопедический словарь – текст. [Электронный ресурс] URL: <http://www.вокабула.рф/словари/лингвистический-энциклопедический-словарь/текст> (дата обращения: 18.12.2020).
6. Логвина С.А. Реализация эвфемистического потенциала лексической единицы в рамках реляционной модели. // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2020. № 4 (67). С. 31–43.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 252 с.
8. Наздрачева О.В. Эвфемизмы // Вестник ПГЛУ. 2008. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docme.ru/doc/352931/o.v.-nazdracheva-e-vfemiz> (дата обращения: 20.12.2020).
9. Holder, R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. New York: Oxford University Press Inc., 2003. 410 p.

УДК 81'276.5

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ КИБЕРСПОРТИВНОГО КОММЕНТАТОРА И ГЕЙМЕРА DOTA 2

А.Д. Микулинский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород*

В статье рассматривается и сравнивается лексика языка профессиональных киберспортивных комментаторов и геймеров, выступающих в роли непрофессиональных комментаторов. В отличие от спортивной сферы, в киберспорте граница между статусом игрока и комментатора довольно расплывчата, что оправдывает возможность приглашения геймеров в студию в роли ведущих во время трансляций. При этом потребность зрителя в качественном комментарии удовлетворяется не всегда, что приводит к конфликту в коммуникации. Настоящая работа нацелена на выявление различий между лексикой любительского и профессионального комментария, с использованием количественного и качественного контент-анализа как основных методов. Сравнительный анализ подтверждает наличие разницы в употреблении геймерами и комментаторами спортивных и молодежных наименований, а также дискурсивных маркеров и тропов. Результаты исследования могут привлечь людей, связанных с комментаторским искусством, практикующих публичные речевые выступления или заинтересованных в анализе киберспортивного дискурса.

Ключевые слова: киберспорт, комментатор, геймер, лексика, сленг, Dota 2.

Comparative Analysis of Vocabulary of a Gamer and an eSports Commentator in Dota 2

Artyom D. Mikulinskiy

National Research University «Higher School of Economics», Nizhny Novgorod

The article examines and compares the vocabulary of eSports commentators and gamers, performing the role of commentators. In contrast to the sports sphere, in eSports the border between the status of a player and a commentator is quite vague, and gamers have the opportunity to perform as commentators during broadcasts. As a result, the audience need in qualitative commentary is not always met and communication conflicts inevitably emerge. The present study is focused on the identification of differences between the vocabularies of amateur and professional commentary applying qualitative and quantitative content analysis. The comparative analysis confirmed the difference in gamers and commentators usage of sport and youth lexical units as well as discourse markers and figurative lexis. Study results may interest people connected with commentary art and practicing public speech.

Key words: eSports, commentator, gamer, vocabulary, slang, Dota 2.

1. Введение

На сегодняшний день киберспорт является высокопопулярной спортивной дисциплиной, включенной во Всероссийский реестр видов спорта, что оправдывается стремительным развитием информационных технологий и сближением человека с виртуальным пространством

[9, с. 10]. С точки зрения лингвистики киберспортивный дискурс – малоизученный феномен, о чем свидетельствует, прежде всего, немногочисленность научных работ по тематикам языков профессиональных сообществ, входящих в него. К числу таких сообществ относится также и социальная группа киберспортивных комментаторов – основных посредников между зрителями и игроками во время трансляций киберспортивных турниров [7, с. 2]. При проведении данных трансляций в ряде случаев в студию приглашаются игроки, которые комментируют киберспортивные матчи наряду с профессиональными ведущими.

В отличие от традиционного, спортивного комментария, основная проблема изучения речи киберспортивных комментаторов заключается в стертости границ между их сообществом и группой игроков. Как правило, ведущий имеет хороший игровой опыт, то есть сам является геймером, часто бывшим. Более того, комментатор должен постоянно оттачивать свои познания и следить за обновлениями в сфере игры, иначе говоря, обладать киберспортивной ориентированностью и вовлеченностью в игровой процесс [9, с. 31]. Мы полагаем, что главное отличие профессионального комментария от любительского заключается именно в умении осуществлять правильный отбор единиц языка с точки зрения их функциональных качеств (выражение экспрессии, передача информации и др.). Очевидно, данный навык формируется у комментаторов с опытом, а затем, с течением времени, в сознании зрителей киберспортивных трансляций складывается определенное мнение о том, какими речевыми качествами должен обладать искусный ведущий. Следовательно, когда в роли комментатора выступает менее опытный человек – например, геймер – требования зрителей к комментарию с точки зрения языка могут не соблюдаться или соблюдаться не в полной мере, ввиду чего интерес к просмотру может снизиться. Свои пожелания и жалобы относительно речевых качеств комментаторов аудитория часто излагает на тематических форумах (например: <https://dota2.ru/forum/threads/kommentatory.13979-75/page-2>).

Цель данной статьи – провести сравнительный анализ лексического уровня языка киберспортивного комментатора и языка геймера в роли комментатора, а затем сделать предположения о возможных сходствах и различиях между речью представителей этих социальных групп.

Актуальность и практическая значимость такого исследования объясняются тем, что его результаты будут полезны не только опытным ведущим, обучающим своей профессии других личностей, но и любому человеку, практикующему комментаторское искусство или публичные речевые выступления. Поскольку киберспортивный комментарий – речь публичная и достаточно официальная, сравнительный анализ его лексических (и, в перспективе, других) особенностей, поможет оценить

уместность и важность употребления тех или иных языковых средств в комментаторской речи в целом.

Данное исследование проводилось на материале комментариев к турнирам игры Dota 2, а именно, комментариев ведущих Виталия Волочая (v1lat) и Андрея Голубева (Dread), а также геймеров Ильи Ильюка (Lil) и Владимира Миненко (No[o]ne) к двум киберспортивным турнирам: Pain Gaming против Virtus Pro (соревнование Epicenter XL; третья игра в серии) и Winstrike против Espada (финал СНГ квалификаций). Письменные расшифровки этих турниров составили 24776 и 26651 знака соответственно (без пробелов, включая разметку интонации). По очевидным причинам геймеры, как правило, моложе профессиональных комментаторов, и наш случай не является исключением: Илья младше Виталия на 10 лет, в то время как Владимир на 7 лет младше Андрея.

В качестве методов в работе были использованы количественный и качественный контент-анализ лексических средств, метод сплошной выборки для отбора материала и некоторые количественные статистические методы. Для подсчета слов в расшифровках использовались несколько вспомогательных программ на языке Python версии 3.7.

2. Сфера исследования

Dota 2 является многопользовательской онлайн-игрой жанра Multiplayer Online Battle Arena (МОБА). Игровой процесс устроен следующим образом: игроки из двух команд выбирают героев из списка доступных, а затем сражаются на общей карте (одна команда против другой), имея возможность общаться посредством чата и преследуя цель уничтожить вражескую крепость [9, с. 8–9].

Выбор данной игры обусловлен, прежде всего, ее популярностью – 12 миллионов уникальных пользователей ежемесячно [3, с. 11–12]. Помимо того, что Dota 2 является онлайн-игрой с развитым игровым сообществом, она также представляет собой профессиональную киберспортивную дисциплину, по которой ежегодно проводятся соревнования международного уровня. Эти чемпионаты обычно транслируются на специальных видеостриминговых сервисах и сопровождаются комментарием – при этом трансляции по Dota 2 могут набирать свыше миллиона зрителей одновременно.

3. Специфика лексики киберспортивного комментария

Под киберспортивным комментарием мы будем понимать устный, спонтанный и творческий коммуникативный процесс, главная цель которого – дать наглядное представление о происходящем на игровом поле [8, с. 461–462; 6, с. 7]. Процесс комментирования осуществляется во время живой трансляции, другими словами, у комментатора нет возможности

подготовить речь заранее. По этой причине она характеризуется повышенной эмоциональностью и экспрессивностью [2, с. 1]. Стиль речи любого ведущего во многом определяется характером его произношения, а также спецификой употребляемых им конструкций и лексических единиц [6, с. 33]. Далее следует краткое описание некоторых групп лексики, которые, как показало исследование, имеют важное место в речи киберспортивного комментатора.

Ранее нами уже упоминалось, что большинство киберспортивных ведущих являются (бывшими) геймерами. Этот опыт необходим им для освоения вокабуляра, необходимого для корректного освещения происходящего на игровом поле. Другими словами, в речи представителей обеих групп имеет место специальная игровая терминология, которая представлена (преимущественно) транслитерированными с английского языка наименованиями, без знания которых адекватное понимание такой речи часто не может быть обеспечено. Данные наименования можно разделить на две группы: специальная терминология (напр. *мидлейн*; англ. *mid lane*; средняя линия) и специфические – неофициальные и часто стилистически сниженные – единицы (напр. *некрачи* – прошедшее некоторые преобразования слово *некрономикон*; англ. *nesronomicon*) [9, с. 30–31].

Помимо геймерской лексики в речи комментаторов встречаются также и спортивные наименования. В научной статье А.Р. Зарипова, посвященной лексическому аспекту киберспортивного дискурса, представлены результаты исследования интердискурсивной природы данного типа текстов, которые подтверждают наличие в них спортивной и компьютерно-игровой лексики (напр. *плей офф* / *play off*; *хилить* / англ. *to heal*). При этом исследователь утверждает, что большая часть таких наименований является заимствованиями из чужих языков, что обусловлено, в том числе, языковыми контактами, многонациональностью сообщества и его мультикультурностью [4, с. 100; 3, с. 13].

Также в своей речи комментаторы Dota 2 могут использовать молодежный жаргон. Употребление таких единиц объясняется тем фактом, что их речь во многом нацелена на молодое поколение, составляющее большую часть данного игрового сообщества [3, с. 13]. Более того, многие комментаторы сами относятся к группе молодежи, что также способствует использованию ими подобного рода сленга во время трансляций.

Невозможность ведущих заранее запланировать текст комментария становится одной из причин появления в их речи дискурсивных маркеров. Чрезмерное употребление некоторых типов маркеров позволяет квалифицировать их как слова-паразиты, которые помимо выполнения своих первичных функций (планирование, контроль и др.) могут «загрязнять» речь ведущих, усложняя ее восприятие и уменьшая ее информативность. В связи с особенностями игры, ведущему Dota 2 часто

необходимо быстро описать происходящее на игровом поле, что оказывается сложной задачей без использования слов-паразитов, занимающих время на обдумывание. Типы и особенности функционирования таких единиц в речи комментаторов подробно разбираются в работе А.Ю. Антипиной [1].

Обладая достаточным уровнем мастерства, комментатор может использовать в своей речи разнообразные тропы. Данный тип средств помогает ведущему увеличивать выразительность и экспрессивность речи, делать ее более насыщенной и привлекательной на слух, разбавляя обилие игровой терминологии. Как утверждает в своей работе Э.К. Зиянгиров, к числу наиболее частотных тропов, употребляемых комментаторами, можно отнести метафору, эпитет, метонимию, гиперболу (литоту), сравнение и некоторые другие [5, с. 2].

Таким образом, на лексическом уровне киберспортивный комментарий может быть охарактеризован как в аспекте функционирующих в нем различных сленговых наименований и терминов, так и в аспекте его наполненности дискурсивными маркерами и тропами.

4. Результаты сравнительного анализа лексики

Первое, что было сделано на подступах к анализу текстов расшифровок – подсчет общего количества слов, произнесенных каждым комментатором за время игры. В то время как киберспортивный ведущий Дред и геймер Ноуван поделили речь во время трансляции примерно пополам (2625 и 2385 слов соответственно), в игре, которую комментировали Вилат и Лил, инициативу взял на себя профессиональный комментатор – за игру Вилат произнес 3348 слов, а Лил – всего 1272 слова. Возможно, такое распределение в последнем случае объясняется тем, что игрок чувствовал себя неуверенно во время трансляции.

Сравнительный анализ показал, что на лексическом уровне речи ведущих помимо описанных в предыдущем пункте особенностей встречаются и другие явления: книжная и разговорная лексика, устойчивые сочетания единиц и фразеологизмы. Обнаруженные лексические единицы было решено распределить в группы. При этом, по очевидным причинам, одна единица могла быть отнесена сразу к нескольким типам особенностей. Как результат, нами было составлено несколько отдельных групп и две классификации лексики. В отдельные группы были вынесены фразеологизмы, дискурсивные маркеры и тропы.

4.1 Классификация по функционально-стилистической принадлежности. В число относящихся к данной группе единиц, обнаруженных в анализируемой речи, входят разговорные единицы минимальной и умеренной степени сниженности, а также книжная лексика [8, с. 464].

Разговорные лексемы составляют в среднем около 1% от общего числа слов как у геймеров, так и у профессиональных ведущих. Публичность и официальность комментария становятся основной причиной отсутствия грубо и предельно-сниженных слов. Данный результат оказывается достаточно очевидным и объясняется отнесенностью изучаемого жанра к одной из разновидностей разговорной речи: *Ноуван продолжает расстреливать ↑ под Роджером у него просто-напросто все шикарно ↑* (Вилат).

В отношении книжных единиц наблюдается похожая ситуация. Процент таких единиц от общего числа слов у всех комментаторов достаточно мал – среднее значение находится в пределах 0.5%. Максимум наблюдается в речи Лила и равен 0.707%. Другими словами, можно говорить о схожести использования всеми ведущими данного типа слов. Тем не менее, следует отметить: книжная лексика при ее умелом употреблении обогащает комментаторскую речь, однако слишком частое ее появление может говорить о неумелом использовании средств языка: *Да одна и та же концепция ↑ <...> просто куча саммонов ↑/ мили герои ↑ там на пуш потенциал ↑* (Лил).

4.2 Классификация по принадлежности к группам сленга. К данной группе мы отнесли обнаруженные в комментаторской речи единицы специальной геймерской и спортивной терминологии, а также молодежные образования.

Количество геймерских наименований в речи всех представителей, как выяснилось, ожидаемо внушительное. Статистика по данному типу лексики представлена в таблице ниже – в качестве примеров взяты только названия героев и способностей, а также их аббревиации и усечения. Вся терминология представлена на двух языках; под каждым русским наименованием находится соответствующее ему английское. Внизу таблицы находятся пример фразы из речи Дреда, который также иллюстрирует значимость места игровой терминологии в языке киберспортивных комментаторов.

Таблица 1

Геймерская терминология

--	Вилат	Лил	Дред	Ноуван
% в речи	7.7%	7.4%	15.5%	13.7%
Названия героев	<i>магнус</i>	<i>висп</i>	<i>бистмастер</i>	<i>дизрантор</i>
	<i>magnus</i>	<i>wisp</i>	<i>beastmaster</i>	<i>disruptor</i>
Названия	<i>релокейт</i>	<i>тизер</i>	<i>берстфаер</i>	<i>глейвы</i>

способностей	<i>relocate</i>	<i>teaser</i>	<i>burstfire</i>	<i>glaives</i>
Аббревиации	<i>бкб</i>	<i>па</i>	<i>хп</i>	<i>мп</i>
	<i>bkb (black king bar)</i>	<i>pa (phantom assassin)</i>	<i>hp (healing points)</i>	<i>tp (town portal scroll)</i>
Усечения	<i>вейл</i>	<i>трент</i>	<i>армлет</i>	<i>бист</i>
	<i>veil of discord</i>	<i>treant protector</i>	<i>armlet of mordiggian</i>	<i>beastmaster</i>
Фраза	<i>Забирают <u>масика</u> ↑/ попытка забрать <u>бистмастера</u> ↑/ <u>голем</u> ↑/ <u>залетаем</u> ↑/ <u>неплохой</u> ↑/ <u>дум на луну</u> ↑/ <u>есть инфернал блейд</u> ↑// (Дред).</i>			

Число неофициальных и стилистически сниженных геймерских единиц в речи комментаторов Dota 2 оказалось достаточно малым по сравнению официальной терминологией. В эту группу вошли уменьшительно-ласкательные наименования, некоторые глаголы с переносным значением, усечения (не являющиеся терминами) и некоторые другие единицы. В речи каждого из комментаторов процент таких наименований от общего числа слов не превысил 0.71%. Зависимости от ведущего в данном случае также не наблюдается – такие слова используют как профессиональные комментаторы, так и геймеры: *Тысяча четыреста критиуля вылетает* ↑/ (Вилат); *Оставьте рампажку* ↑ // (Лил).

Спортивные наименования, в свою очередь, являются той группой лексики, которая отличает профессиональный киберспортивный комментарий от любительского. Геймеры данные единицы в своей речи совершенно не употребляют, тогда как профессиональные комментаторы ими владеют и в отдельных случаях используют: *Решил я* ↓/ *забить* ↓/ *на квалификации* ↓/ *на* ↓/ *на внимательный просмотр их* ↑ *скажем так* ↓// (Вилат); *Всю групповую стадию* ↑/ *весь плей-офф* ↑ *отдавали по какой-то причине* ↑/ (Дред). Сравнивая объем геймерской и спортивной терминологии в комментаторской речи, можно смело утверждать, что процент последней достаточно низкий – в комментариях Вилата таких слов нашлось всего 8 (0.24% речи), а в комментариях Дреда – 13 (0.5% речи).

Образования, относящиеся к группе молодежного жаргона, были обнаружены в речи всех представителей. В комментариях Вилата, Дреда и Ноувана процент таких единиц от общего числа слов составил от 0.3% до 0.4%. Речь Лила, в свою очередь, выделяется на фоне остальных: в ней процент молодежных жаргонизмов гораздо выше – 1.55%. Хотя использование таких наименований и приобщает комментатора к аудитории, неумелое и очень частое их употребление может

способствовать вытеснению более выразительных единиц с конкретным значением: *Это было вери эпично ↓//; это классика как бы ↑/; ну все жестко ↓//* (Лил). Как результат, речь комментатора становится менее красочной, менее официальной и более однообразной.

4.3.1. Дискурсивные маркеры, как уже отмечалось нами ранее, занимают очень важное место в киберспортивном комментарии. Задача ведущего заключается в том, чтобы использовать их в умеренном количестве, лишней раз «не засоряя» свою речь. Результат анализа показал, что геймеры используют дискурсивные маркеры чаще профессиональных ведущих – у Ильи и Ноувана они составляют 2,786% и 1,718% от общего числа единиц соответственно, тогда как у Вилата и Дреда 1,2% и 0,8% соответственно. Самое частоупотребляемое слово-паразит среди всех комментаторов – слово *просто*; за время трансляции Ноуван использовал его 28 раз, а Вилат – 19 раз: *Просто хорошие деньги ↑/ бесплатно вообще ↑/* (Ноуван); *Таво ↑ сейчас может просто умереть на ровном месте ↑/* (Вилат). Объяснить полученный результат можно тем, что игрокам, по всей видимости, во многих ситуациях не хватает опыта, чтобы заполнять свою речь чем-то более информативным и выразительным, что приводит к обострению в употреблении слов-паразитов.

4.3.2. Фразеологизмы и устойчивые сочетания слов встречаются в речи всех ведущих примерно в одинаковой мере. Их процент от общего числа единиц составляет от 0.4% до 1%, при этом зависимости от типа комментатора не наблюдается. Особой частотностью характеризуются сочетания с семантикой «время» и «битва» – они встречаются в речи всех ведущих. Частотность первого типа объясняется особенностями игры, поскольку динамика происходящих событий в ней играет ключевую роль: *Он пытается еще выиграть еще каких-то ↓/ доли секунды ↑/ но ↓//* (Вилат); *Да-да ↓/ выиграл время ↓/* (Лил). Частое использование комментаторами второго типа сочетаний, очевидно, имеет место, поскольку в игре постоянно происходят сражения: *У них там есть только одна команда ↑ которая более менее дает им бой ↑/* (Вилат).

4.3.3. Тропы и глаголы в переносном значении имеют место в речи каждого из рассматриваемых комментаторов. Самое большое их количество встречается в речи Вилата (1.4 % от общего числа): *Дастер пытается как-то ↓/ отспамяться фамильярами ↑ но по Ноувану это не имеет никакого смысла ↑ на автобусе его Паша подвозит обратно (сравнение со способностью персонажа) ↑ *Ноуван мегакилл ↑ тут вкатились (быстро переместились в точку) ↑/* (Вилат). Проценты тропов в речи остальных трех ведущих оказались близки друг к другу – около 0.7% от общего числа единиц. При этом среди тропов, использованных Ноуваном, примерно половину составляют эпитеты, в то время как запас тропов у Дреда более разнообразен: *Тим файт у них очень сильный ↑/**

(Ноуван); *В итоге лопается (умирает) ↑/ два героя команды Эспада ↑/ (Дред).*

5. Выводы

Итак, сравнительный анализ лексики профессиональных киберспортивных комментаторов и геймеров в их роли позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Разговорные и книжные единицы, а также фразеологизмы встречаются в речи представителей обеих групп примерно в одинаковой мере. Среди последних широко преобладают сочетания с семантикой «время» и «битва».

2. Речь игроков и киберспортивных комментаторов сходна в аспекте наполненности геймерской терминологией различного рода – данные единицы помогают им освещать происходящее в игре.

3. Любительский комментарий может оказаться более насыщенным с точки зрения молодежных образований, снижающих его официальность и повышающих его однообразность, и слов-паразитов, снижающих его информативность и выразительность.

4. Спортивные наименования используются исключительно профессиональными комментаторами – данные единицы помогают им рассказывать об особенностях трансляции и освещать события за рамками текущей игры.

5. Профессиональный ведущий либо использует тропы чаще, чем геймер, либо обладает более широким запасом средств выразительности. При умелом употреблении, данный тип средств делает речь комментатора яркой и красочной.

Подводя итоги, следует напомнить, что результаты данного анализа не могут быть представлены как полное описание социолектов комментатора и геймера, поскольку настоящую выборку нельзя назвать репрезентативной. Тем не менее, они позволяют осуществить отбор явлений для более масштабного исследования и для оценки искусности речи отдельных личностей – ведь любое мастерство, в том числе и мастерство комментария, познается в сравнении.

Список литературы

1. Антипина Ю.И. Функционирование слов-«паразитов» в речи киберспортивных комментаторов // Термины в коммуникативном пространстве: материалы научно-практической конференции с международным участием. Астрахань, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29134495> (дата обращения: 13.11.20).

2. Борытко А.В. Нарушения логико-синтаксической ясности в речи спортивного комментатора // Известия ВГПУ. 2013. № 6 (81). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narusheniya-logiko-sintaksicheskoy-yasnosti-v-rechi-sportivnogo-kommentatora> (дата обращения: 13.11.20).

3. Вдовиченко С.С. Речевой портрет языковой личности игрока в Dota2 // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 9–20.
4. Зарипов А.Р. Лексический аспект киберспортивного дискурса. Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 99–101.
5. Зиянгиров Э.К. Тропы и стилистические фигуры в речи спортивных комментаторов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (2). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.science-education.ru/pdf/2015/2-2/407.pdf> (дата обращения: 13.11.20).
6. Малышева М.Г. Речевые особенности спортивного репортажа (на примере трансляций Чемпионата мира по биатлону): выпускная квалификационная работа. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2016. 118 с.
7. Суходимцева А.П., Суходимцев П.А. Профессия киберспортивного комментатора как социальное явление // International scientific review. 2016. № 11 (21). С. 93–95.
8. Химик В.В. Русская разговорная речь: общее понятие, обучение и вопросы терминологии // XLIII Международная филологическая конференция, 11-16 марта 2014. Санкт-Петербург, 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://mfk.spbu.ru/sites/default/files/himik_0.pdf (дата обращения: 13.11.20).
9. Яскевич Я.В. Киберспортивные трансляции как журналистский продукт (на примере трансляций League of Legends в России): выпускная квалификационная работа. Красноярск, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/34249/yaskevich.pdf?sequence> (дата обращения: 13.11.20).

УДК 81'42

СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ И САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ТЕКСТАХ АНГЛО- И РУССКОГОВОРЯЩИХ РЭП-ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

И.В. Муфазалова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород*

В статье рассматриваются и сопоставляются речевые стратегии дискредитации и самопрезентации, выявленные в текстах рэп-баттлов следующих хип-хоп-исполнителей: Мирон «Oxxxymiron» Федоров и Башир «Dizaster» Ягами. Для анализа были выбраны две линии сравнения: сравнение тактик исполнителя в баттле с оппонентом, имеющим тот же родной язык, и с иноязычным оппонентом.

Ключевые слова: речевые тактики, стратегия дискредитации, стратегия самопрезентации, рэп дискурс, современный русский язык, речевая агрессия.

The Strategies of Discreditation and Self-Presentation in the Texts of English and Russian-Speaking Rappers

Irina V. Mufazalova

National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

The article discusses and compares the speech strategies of discreditation and self-presentation identified in the texts of rap battles of the following hip hop artists: Miron "Oxxxymiron" Fyodorov and Bachir "Dizaster" Yagami. Two lines of comparison were chosen for the analysis: comparison of the performer's tactics in the battle against an opponent who has the same native language and an opponent who is a foreigner.

Key words: speech tactics, discreditation strategy, self-presentation strategy, rap discourse, modern Russian language, verbal aggression.

С каждым годом жанр рэп-баттлов набирает все большую популярность в медийном пространстве, становясь неотъемлемой частью массовой культуры. Рэп-баттлы (от англ. «battle rap» – рэп-битва) являются частью субкультуры, именуемой хип-хопом, зародившейся в афро- и латиноамериканской среде в Нью-Йорке в 70-е годы XX века и включающей в себя не только музыкальные жанры, но также и танцевальные практики, «уличное» изобразительное искусство, моду и даже собственную философию.

Рэп-баттлы стали объектом рассмотрения в академической среде благодаря своей уникальности. Специфика жанра заключается в том, что в нем имеет место актуальный для современного русского языка феномен речевой агрессии, которая в наше время пронизывает все сферы жизни социума и выражается как в бытовых взаимоотношениях между людьми, так и в средствах массовой информации. В настоящее время вокруг данного явления много споров: многие исследователи-лингвисты считают

речевую агрессию отрицательным языковым феноменом, в то время как другие видят в ее существовании и положительную роль [1].

Двойственная природа рэп-баттлов также заслуживает внимания. С одной стороны, баттлы представляют собой словесный поединок между двумя участниками. Именно это объясняет то, что исполнители отдают предпочтение таким языковым средствам речевой агрессии, как обценная и сниженная лексика, иноязычные обращения и ругательства и др. Вместе с этим данные тексты начинают активно интеллектуализироваться, принимая более художественный вид, а рэп-исполнители охотнее позиционируют себя как творцов, поэтов и деятелей искусства.

Целью настоящего исследования было выявить и сравнить наборы стратегий и тактик, которые использовали в своих выступлениях два рэп-исполнителя – Мирон «Oxxxumiron» Федоров и Башир «Dizaster» Ягами.

Материалом для исследования послужили три видеоролика, размещенных на видеохостинге YouTube. Первый представляет собой запись рэп-баттла на русском языке между исполнителями Oxxxumiron и Слава КПСС (размещена на канале Versus Battle 13 августа 2017), остальные – записи рэп-баттлов на английском языке между исполнителями Oxxxumiron и Dizaster и между Dizaster и Serious Jones, размещенные на канале «King Of The Dot» 16 ноября и 8 июля того же года соответственно. Объем расшифровки, взятой с сайта genius.com, упомянутых видеороликов составляет 85 тыс. знаков.

Участники такого речевого события, как рэп-баттл, имеют определенные интенции. Под термином «интенция» мы понимаем «коммуникативное намерение говорящего» [5]. Под термином «речевая стратегия» – совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего. Речевые стратегии состоят из тактик, посредством которых находит свое выражение вербальная агрессия. Тактика сопоставляется с конкретным этапом в осуществлении стратегии, направлена на реализацию отдельной коммуникативной задачи.

Основные интенции рэп-исполнителей – самопредставление и компрометирование своего оппонента – помогают исполнителю «победить в баттле» и определяют используемые им коммуникативные стратегии самопрезентации и дискредитации соответственно. Стратегия самопрезентации может осуществляться через три тактики: отождествления, дистанцирования, а также создания позитивного образа [4]. Для реализации стратегии дискредитации используются такие тактики, как оскорбление, издевка, насмешка, нанесение обиды, обвинение и др.

Изначально рэп существовал как «средство самовыражения афроамериканцев, которые писали тексты о своей жизни в неблагоприятных социально-политических условиях» [8]. Именно поэтому в его текстах в большей степени присутствуют концептуальные поля таких слов, как «наркотики», «криминал» и пр., отражающих актуальные для

авторов атрибуты и реалии. Тексты американского рэпа являются политизированными и остросоциальными.

Русский рэп «нацелен на привлечение внимания, сопротивление, протест и критику» [2], как и его предшественник. Однако в настоящее время русский рэп имеет ряд собственных особенностей, а хип-хоп культура адаптировалась к российским реалиям. В отличие от американского варианта, русский рэп более лиричен [2]. Данную тенденцию к литературному осмыслению текстов, содержащих вместе с тем феномен речевой агрессии, можно связать с традициями отечественной лингвокультуры и в первую очередь с русским литературным наследием. Наконец, для русского рэпа значительно меньше, чем для афроамериканского, свойственны «мотивы исключительности, избранности, лидерства и превосходства» [2], а также менее характерна мизогиния, т. е. «ненависть, неприязнь либо укоренившееся предубеждение против женщин» [3].

Все тексты, представленные рэп-дискурсом (совокупность всех текстов рэпа, в т. ч. текстов рэп-баттлов как одного из их подвидов), имеют ряд отличительных особенностей, таких как, например, широкое употребление сниженной лексики и выразительных средств языка (тропов и фигур речи) на лексическом уровне, а также эллипсиса (т. е. «пропуска в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурной «неполноты» синтаксической конструкции» [6]) на синтаксическом уровне.

Чтобы ответить на вопрос, имеет ли разделение рэп текстов на русский рэп (исполняемый на русском языке) и американский рэп (исполняемый на английском языке) какое-либо влияние на то, какой набор тактик рэп-исполнитель манифестирует в своем тексте, необходимо выявить наиболее употребляемые тактики стратегий дискредитации и самопрезентации для англо- и русскоязычных текстов.

Стратегия дискредитации репрезентирует одну из целей участника данного речевого события (рэп-баттла) – скомпрометировать своего оппонента и его слова в глазах публики. В текстах, отобранных для исследования, стратегия дискредитации представлена весьма разнообразно.

Так, русскоязычный исполнитель, выступающий, однако, на английском (поскольку баттл проводился в Лос-Анджелесе в октябре 2017 г.), использует следующие тактики:

1. Тактика прямого оскорбления выражается лексикой с негативной коннотацией (*I got a license to kill this Arab-American pig; You parasite*), а также разнообразными ругательствами типа *faggot, bitch, idiot* и т.д.

2. Тактика обвинения предполагает под собой основание для этого. Так, исполнитель снижает образ своего оппонента, серьезно обвиняя

того в приверженности к терроризму: *We know you joke, but you're promoting the Taliban; But all you ever talk is terrorism.* В примере *This guy had a battle in Berlin against the guy called Tierstar who is both African and Russian So he did the same old racial shit instead of an intelligent discussion* исполнитель отсылает слушателя к предыдущим баттлам оппонента, обвиняя того в расизме.

3. Тактика подначивания может быть разнообразно представлена посредством риторических вопросов, вопросов-провокаций и т.д. Так, в примере *Here's the real question, my bro. Where's your music? Bro, you have over a hundred battles and like three tracks?* исполнитель намекает на «несостоятельность» оппонента как музыканта, используя два риторических вопроса-насмешки и фамильярные обращения, а в отрывке *All you do is battle guys for half the price of my slippers. But you know what? Fuck my album sales! And fuck my accolades! And fuck every single fake fan for his lack of faith! I do bring in the numbers, you can't relate* мы видим, что подначивание начинается с насмешки о низкопробности оппонента, его неспособности «соответствовать» автору, то есть автор говорит о том, что он сам более авторитетный исполнитель, чем оппонент.

4. Тактика насмешки обычно подразумевает использование шуток, уязвляющей оппонента. Так, в примере *And his battle vs Dumbfoundead - kind of random The rings around his eyes, the dress... He was the Kung Fu Panda* исполнитель сравнивает оппонента с популярным героем мультипликационного фильма. В следующем отрывке говорящий высмеивает неспособность оппонента запомнить его ник: *this genius couldn't even say my name right! Oxxxymiron, not Oxxxumoron.*

5. Тактика издевки похожа на тактику насмешки, однако отличается особой речевой изощренностью. *All you learned in life, is how to fight and rhyme insults. But you praise yourself online like you're some high divine princess: "I'm inspiring the young!" What are you, Lady Diana? Quit this!* Исполнитель высмеивает поведение оппонента в сети, его притворство и самовлюбленность с помощью глагола *praise*, имеющего значение «восхвалять, возносить». Также происходит нивелирование образа оппонента посредством обращения к прецедентному имени *Lady Diana*. Оно отсылает слушателя к качествам, принадлежащим его носителю, – «благодетель, доброта», и невозможности, по мнению говорящего, сравнивать его оппонента с «*high divine princess*». В другом примере исполнитель глумится над предполагаемой родиной своего противника и вызывает в сознании аудитории стереотипы об арабах: *All you ever learned in Lebanon was cooking a sheep.*

6. Тактика обличения может реализоваться путем огласки нелицеприятного факта, ставящего оппонента в неловкое положение перед аудиторией. Так, в отрывке *Look, he was a Trump supporter on Twitter. More than that, he's faithful minion But as soon as Eminem disses Trump, he changes*

his opinion есть намек на «переменчивость» мнения, которое зависит от взглядов третьей стороны, в данном случае рэпера Eminem, имеющего большой авторитет в хип-хоп среде. Таким образом, исполнитель говорит о слишком частом изменении воззрений своего оппонента, используя при этом два прецедентных имени.

7. Тактика развенчания притязаний реализуется утверждением необоснованности претензий оппонента на обладание статусом или определенными качествами. В примере *But you never got big. That is why you battling, bitch. You've been rapping all your life and you got no shows, Diz* исполнитель развенчает притязания оппонента на звание известного исполнителя.

В свою очередь, англоговорящий исполнитель использует в своем выступлении следующие тактики стратегии дискредитации:

1. Тактика прямого оскорбления реализуется так же, как и у русскоговорящего, посредством обценной, сниженной лексики: *this Bosnian-Slavic peon, bitch, faggot* и т. д.

2. Тактика издевки обнаруживается в высмеивании интеллектуальных, нравственных, профессиональных, физических качеств оппонента. Так, в примере *Leukemia patient with a lack of vitamins* отсылает зрителя баттла к внешности оппонента – бледный, худой, наголо бритый мужчина. Другим примером может стать отрывок: *See, in Russia, the hip-hop scene's strong, But that's 'cause your fanbase consists of underage pussies rockin' their fists to the house music, rockin' their mama's jeans on. That's why Oxxxymiron's Concerts look like little awkward teen proms*, где можно наблюдать высмеивание исполнителем российской целевой аудитории в целом, так и слушателей его оппонента в частности: *But that's 'cause your fanbase consists of underage pussies*.

3. Тактика насмешки вызывает обычно смех у аудитории, так как она подразумевает обидную для оппонента шутку, как, например, в отрывках *I got nightmares cause I realized I was gonna have to hear him rap again* и *Then his dad looked over at his mum and said: "You know, this is probably last time we're going to see him."*

4. Тактика угрозы (запугивания) встречается только у англоговорящего, отсутствуя в тексте его русскоязычного оппонента, что, наиболее вероятно, связано с тем, что американский рэп неотделим от реалий гетто-кварталов. Данная тактика реализуется посредством использования будущего времени глаголов, глаголов лексико-семантической группы «нанесение физического вреда», а также специфической лексики, например, названий оружия, человеческих органов, костей и т. д.: *And bust his face open wide, I pull the shank out and fish fillet both his eyes, So there's a big enough space between them both to let the blade go inside, I will cave in your skull from the side, I will fucking... I will*

fucking... Break your nose bone like Kano causing your whole face to divide, Yeah, blame the outside, I will send you to visit the angels.

Стратегия самопрезентации выражает стремление участников коммуникативной ситуации представить себя в наиболее выгодном свете, т.е. самопрезентация понимается как «самопредставление оратора публике для формирования положительного впечатления и мнения о нем» [7]. Самопрезентация, наравне с дискредитацией оппонента, является ключевым критерием победы в баттле, следовательно, исполнители используют разнообразные средства ее выражения.

Так, русскоговорящий исполнитель использовал следующие тактики стратегии самопрезентации:

1. С помощью тактики создания позитивного образа исполнитель старается сформировать в мышлении слушателей подходящий имидж, то есть показать присвоенную себе роль. Например, в отрывке *Cause I know more about your culture, than Ali Baba and Sindbad, I read about Hodja Nasreddin and Saladin, I heard the Mu'adhin, I know about the Hashisheen, About Ibn Sina and Islam in Iran, I read poetry by Ferdowsi and Omar Hayam* исполнитель показывает аудитории свою эрудированность, обращаясь к прецедентным именам. В другом примере он создает себе образ миротворца, пацифиста, который выступает резко против насилия в среде рэп-культуры: *I'd rather every Arab told every Jew "your mother" ... And vice-versa every day, than let them shoot each other.*

2. Тактика демонстрации силы подразумевает под собой то, что исполнитель каким-либо образом показывает свою значимость, влияние, большее значение, чем его оппонент. Так, в следующем фрагменте *Because of me, you are bigger in Russia than here [in the USA]* исполнитель подчеркивает свою роль в популяризации оппонента в России. Также можно привести в пример отрывок *No one can build a rap career just out of multis and flow, You need the X Factor: DMX and Xzibit agree, That's why your name doesn't have an "X", And mine's got three [oXXXymiron]*, где исполнитель ассоциирует в сознании аудитории свое имя с именами других рэперов-легенд хип-хопа.

3. Тактика дистанцирования позволяет исполнителю отстраниться в глазах аудитории от каких-либо реалий действительности, группы людей или своего оппонента путем построения оппозиции «свои – чужие». Так, исполнитель, обращаясь к противнику, насмешливо замечает: *I'm the baba in Arabic, you're the Баба in Russian*, где данные фонетические омонимы имеют противоположное значение: «baba» (араб.) – «уважаемый человек, лидер, отец», «баба» (рус.) – с пренебрежением о женщине либо о робком, слабохарактерном мужчине. Более того, следующие слова исполнителя подчёркивают, что его взгляды не навязаны проправительственными СМИ, что у него есть собственное мнение: *I'm not paid by fucking Russia Today, Mr. Vladimir and FSB for sounding this way!*

I don't like the Russian government, that's powerplay. Отрицательные формы глаголов способствуют дистанцированию от оппонента.

4. Тактика прогнозирования чрезвычайно важна в контексте стратегии самопрезентации, поскольку позволяет исполнителю продемонстрировать аудитории свою силу предсказания хода баттла. Так, в отрывке *I'll digest this faggot's hype like a **phagocyte*** русскоговорящий исполнитель говорит о том, что победит в баттле, сравнивая себя с фагоцитом, клеткой, которая способна поглощать даже самые вредные для организма бактерии, таким образом, заставляя аудиторию ожидать именно такого исхода баттла.

Интересно, что англоговорящий исполнитель использует лишь две из четырех тактик:

1. Тактика демонстрации силы выражена у него с помощью обращения к прецедентному тексту: *I'm a **Rap God**, been out here for 17 years strong, And still **haven't managed to fall***, где он обращается к факту из своего прошлого – длительной и успешной карьере баттл-рэпера. Примеры *I'm a fucking **veteran**, they fed me a **rookie*** и *Everybody in this country knew **I was gonna beat him*** лишь подтверждают уверенность исполнителя в своей непобедимости и убеждают в этом публику, присутствующую на баттле.

2. Тактика дистанцирования реализуется у англоговорящего рэпера посредством коммуникативных ходов ребрендинга и навешивания ярлыков. Так, исполнитель изменяет имя своего оппонента с помощью игры слов: *Oxycotin*, *Oxicotton* и *Oxycodone* – названия наркотиков, *Oxiclean* – название стирального порошка, что делается с целью также нивелирования статуса противника, насмешки над его именем.

Таким образом, были рассмотрены основные интенции участников рэп-баттлов и способы реализации речевой агрессии посредством коммуникативных тактик. Набор используемых тактик в обеих стратегиях у разноязычных авторов различен. В рамках стратегии дискредитации оба используют тактики прямого оскорбления, насмешки и издевки. Помимо них, русскоговорящий прибегает к таким тактикам, как тактика обвинения, тактика подначивания, тактика обличения и тактика развенчания притязаний, англоговорящий – к тактике угрозы. В рамках стратегии самопрезентации последний использует тактики дистанцирования и создания позитивного образа, к этому набору русскоговорящий добавляет тактики создания позитивного образа и прогнозирования.

В рамках исследования было также проведено сравнение наборов, использованных исполнителями тактик, когда они выступали против оппонентов, имеющих тот же родной язык.

Для русскоговорящего исполнителя обычными тактиками, входящими в стратегию дискредитации, являются тактики прямого оскорбления (*Я баттлю **контуженного**, Дико тусклого **пасюка***), подначивания (*А я из принципа ни разу не выступил на корпоративе,*

Потому что мне плохо слышно, когда люди жуют, Не был на радио, на телике всего один раз, Хотя запросов каждый день, будто в личке от лолей, **Был бы ты на моем месте, ты бы точно сейчас пел в Золотом Огоньке**), насмешки (Ты читал про макак, но **ты тоже примат**; Ты лишь мода, как клауд-рэп, На пару сезонов. Где твой чокер? А че, Ты же не хочешь выйти из моды, словно шмотки «Волчок»), издевки (Рядом с тобой даже *Johnyboу* был трушный пацан; **Ты жалкий лакей**, Что ты сам не сумел подняться, на дне **остался никем**), обличения (Ты, как и я, изменился? Хотя **продажи как были**. Ты, как и я, извинился – но тебя даже не били. Ты стал, как я, **коммерсант**, но на словах **комиссар**, Как я, был против рэп-стада, но **фитовать с ними – за**. У тебя идея одна – **Как можно больше лайков**), развенчания притязаний (Ты **не антигерой**, ты вообще не герой, **Вызываешь соперничества ноль**, И толпы, увы, не пойдут за тобой - Ты для них в Инстаграме **подписка**), а из стратегии самопрезентации он предпочитал тактики демонстрации силы (Подумай, **икет**, — тебе светит лишь форс в MDK. **Сколько лямов я сделал за год, спорят Forbes, РБК**), дистанцирования (Мисс России – Оксана Федорова, **Соня здесь в роли страшной подруги**), прогнозирования (Итого у тебя есть две линии атаки: **Либо обвини меня в чём ты, как минимум, хуже – это клиника, Либо, как киники, собакой будь, и Выдумав гнили про меня, оборись тут же**).

Для англоговорящего исполнителя обычными реализациями стратегии дискредитации являлись тактики оскорбления (*Fucking faggot gay MC standing over here with his fucking anal beads*), насмешки (*If anything I'm afraid to get too close... He might, you know, take off his clothes and try to hug me*), издевки (*Yeah you caught a fucking disease from one of the hoodrats you were grimy with. Yeah you went to the doctors and asked what it was he said, "I can't even describe the shit." Yo, you living proof that even the newest Mac(k)'s can get viruses*) и угрозы (*I'll take a **knife** and write my lyrics inside **face** like hieroglyphics on the pyramid stones, you **faggot***).

Итак, каждый исполнитель использует один и тот же набор тактик против разных оппонентов, совершенно независимо от их родного языка. Также общими тактиками для обоих рэп-исполнителей в случае стратегии дискредитации являлись тактики прямого оскорбления, насмешки и издевки, а в случае стратегии самопрезентации – дистанцирования и создания позитивного образа.

Подводя итог, можно сказать, что исполнители реализовали в своих текстах разные наборы коммуникативных тактик стратегий дискредитации и самопрезентации. Общими являлись тактики прямого оскорбления, насмешки, издевки, дистанцирования и создания позитивного образа, т.е. число общих тактик сравнительно невелико. Так как коммуникативное событие – участие в рэп-баттле – остается одинаковым и на родном, и на чужом языке, исполнители не изменяют набор привычных для себя тактик

стратегий дискредитации и самопрезентации, то есть они не изменяют кардинальным образом свою стратегию движения к победе в баттле, что может быть вызвано тем, что данные исполнители представляют два разных направления – русский и американский рэп, черты которых были выделены выше и определяются в основном самим языком, на котором написан текст.

Исследование может быть продолжено на более объемном корпусе рэп-текстов, принадлежащих большему количеству исполнителей как российского, так и зарубежного происхождения.

Список литературы

1. Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 7. С. 257–263.
2. Гриценко Е.С., Дуняшева Л.Г. Языковые особенности рэпа в аспекте глобализации // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 141–147.
3. Дуняшева Л.Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе (на материале жанров «блюз» и «рэп»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012. 24 с.
4. Заикина Ю.А. Речевые средства реализации стратегии самопрезентации в современных политических текстах // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2011. № 9. С. 10–12.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. 288 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
7. Паршина, О.Н. Приемы реализации стратегии самопрезентации в речи административно-политической элиты // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Вып. 4. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 25–34.
8. Фролова Е.В. Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре (2009-2013 гг.) // М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 52 с.

УДК 82-6

**ПЕРЕПИСКА Г.Р. ДЕРЖАВИНА НОЯБРЯ 1788 – ИЮНЯ 1789 ГГ.
И ОДА «НА СЧАСТИЕ» КАК МЕТАТЕКСТ**

А.В. Петров

*Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова, Магнитогорск*

В статье переписка Г.Р. Державина «московского периода» и ода «На Счастье» рассмотрены как единый метатекст. Обнаружено, что ряд идей и мотивов оды (непредсказуемость счастья и несчастья в человеческой судьбе; воля земных и неземных сил как их источник; поиски блаженства и покоя) неоднократно встречается в письмах Державина и его корреспондентов.

Ключевые слова: переписка Г.Р. Державина 1788–1789 гг., ода «На Счастье», метатекст, темы счастья и судьбы, формула «блажен, кто...», литература и действительность.

**Correspondence of G.R. Derzhavin in November 1788 – June 1789
and ode «On Happiness» as Metatext**

Aleksey V. Petrov

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk

The article considers the correspondence of G.R. Derzhavin of the «Moscow period» and the ode «On Happiness» as a metatext. It is found that a number of ideas and motives of the ode (surprise in the human fate of happiness and misfortune; the will of earthly and unearthly forces as their source; the search for bliss and peace) are repeatedly found in the letters of Derzhavin and his correspondents.

Key words: correspondence of G. R. Derzhavin 1788-1789, ode «On Happiness», metatext, themes of happiness and fate, the formula «blessed who...», literature and reality.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект «Феноменология счастья в русской литературе
XVIII–XX вв.», № 20-512-23007.

С марта 1786 г. по декабрь 1788 г. Г.Р. Державин занимал должность тамбовского губернатора. С лета 1788 г. у него обострились трения с генерал-губернатором И.В. Гудовичем, которые завершились жалобами последнего в Сенат с обвинениями в оскорблении «от подчиненного», представлением Екатерине II в ноябре доклада об отрешении Державина от должности и предании его суду. 18 декабря вышел именной указ об отдаче Державина под суд; подсудимый под подпиской обязался до окончания своего дела безвыездно оставаться в Москве (см.: [11, т. VIII, с. 513–524]). Туда он прибыл из Тамбова либо в конце декабря 1788 г., либо в начале января 1789 г.; слушания по его делу в Сенате начались 16 апреля 1789 г. По-видимому, благодаря заступничеству Г.А. Потемкина и не без желания самой императрицы, Державин был оправдан по всем пунктам

24 мая; приговор был подписан и утвержден 4 июня; в Петербург поэт приехал во второй половине июня 1789 г. (см.: [11, т. VIII, с. 555–577]).

Таким образом, условными границами «московского» периода в жизни Державина можно считать ноябрь 1788 г. и июнь 1789-го. Важнейшие перипетии этого дела содержатся в его «Записках» и в переписке и хорошо изучены державиноведами; корпус писем этого времени, опубликованный Я. К. Гротом в 5-м томе державинских сочинений, составляет 47 единиц (№№ 627–673) [11, т. V, 717–761].

В плане творческом эти полгода для Державина были скудны. Как пишет его биограф, «при тех обстоятельствах» нельзя было «ожидать от его музы за это время обильных даров» [11, т. VIII, с. 575]. «Самым замечательным» произведением Державина за время его пребывания в Москве Я. К. Грот справедливо считал оду «На Счастье», «написанную будто бы, как он означил в первом ее издании, на масленице» [11, т. VIII, с. 576]. Авторитетный современный ученый называет эту оду «самой необычной» у Державина [9, с. 203]. «На Счастье» – достаточно изученное произведение (см.: [2; 9, с. 200–247]), и потому в данной небольшой статье я ограничусь изложением устоявшихся представлений о нем. Их можно свести в несколько пунктов:

1) Ода развивает литературную традицию обращения к божествам, олицетворяющим Счастье (Гораций; И. Х. Гюнтер; Ж.-Б. Руссо и его русские переводчики; барковиана), и одновременно тесно связана с обстоятельствами жизни автора, находившегося тогда под судом и в полной зависимости от сильных мира сего. Стихотворение было попыткой апеллировать к справедливости непосредственно в лице императрицы – Фелицы.

2) В оде дан «широкий обзор международной обстановки, выполненный Державиным в форме сатирических аллегорий и намеков» [3, с. 195]. События эти совершаются, как показывает поэт, «по слепой воле коварного и даже злого бога Фортуны» [9, с. 213].

3) В стихотворении нарисован «идеальный портрет» Екатерины II; в преддверии Французской революции «лишь в русской царице поэт увидел надежный оплот разумного, рационального начала, противостоящего тотальному безумию окружающего мира» [9, с. 203].

4) Державин рисует травестийную картину мира, в котором царит Случай, и использует для ее создания «карнавальная» и «галантная» типы смеха.

5) «Забавный слог» оды развивает стилистические находки Державина в «Фелице», отсылает к литературному творчеству Екатерины II (комедии, «Были и Небылицы») и преемственно связан с барковианой.

Но если ода «На Счастье», а также цикл стихов 1782–1789 гг., связанных с Екатериной II и объединенных «забавным слогом» [9, с. 202],

изучены хорошо, то биографический фон оды, а именно переписка Державина «московского» периода его жизни, детально никогда не рассматривался. 47 писем этого периода составляют вместе с одой и с державинскими «объяснениями» на нее *метатекст* – «составное текстовое образование» [4, с. 6]. Реконструкция его, точнее эпистолярной его части, и составляет задачу данной статьи.

Нижеследующий анализ представляет собой выдержки из писем, содержащие размышления Державина и его корреспондентов о несчастье, обрушившемся на него, и о «пременах» в человеческих судьбах; пожелания ему счастья и удачи; суждения об участии в этом Высших и вполне земных сил, а также упоминания о карточной игре и о денежных делах и долгах. Самые значимые и знаковые слова и фразы в цитатах выделены курсивом. В оде «На Счастье» и в «объяснениях» на нее им легко находятся параллели и соответствия – образы, мотивы, сцены, примеры. Цитировать их здесь нет необходимости.

Итак, 30 октября 1788 г. хороший знакомый Державина О.П. Козодавлев – писатель, просветитель, академик – высказывает глубокое сожаление по поводу «дурного положения» нынешних державинских «дел», пеняет ему, что тот не во всем следовал «должному благоразумию», и высказывает надежду, что «*Бог, видя ваше сердце, исторгнет вас конечно из бездны беспокойствий*» [11, т. V, с. 717].

7 ноября Державин в письме к приятелю А.И. Васильеву объясняет свое долгое молчание «небезызвестными *хлопотами*»; затем в связи с поведением некоего г. Осипова говорит, что тот «*езде ищет занимать денег большими количествами*»; обсуждает поведение своего шурина, который якобы, «*выиграв у него в карты более ста рублей, не захотел продолжать игры*» [11, т. V, с. 718].

4 декабря придворный банкир барон Р. Сутерланд напоминает Державину о том, что «30-го минувшего октября минул срок вашему векселю в 2 000 р.», и предупреждает, что если к новому году «*деньги с интересами*» не будут ему переведены, то он «за неплатежем» опротестует державинский вексель [11, т. V, с. 718]. 8 января 1789 г. барон, получив от Державина 23 декабря только 1 000 руб. «без процентов», выражает свое неудовольствие, просит «немедленно мне все деньги и с процентами на срок переслать», в противном случае угрожает вексель «протестовать» [11, т. V, с. 731].

11 декабря Державин в длинном письме жалуется бывшему своему сослуживцу, а теперь покровителю, А.И. Терскому на то, что из-за тамбовского генерал-губернатора и сенатских решений все узнали о его «*несчастии*», и это оттолкнуло от него «самых близких людей» и некогда преданных подчиненных. Себя Державин явно, а быть может невольно, изображает страдотерпцем: «я <...> как *чрезвычайно угнетенный человек* <...>. Теперь же так: когда меня в Петербург для объяснения не

отпускают, то *власть моего Бога*. Я помню Его словеса, которые мимо нейдут: “*Претерпевый до конца, той спасен будет*”» [11, т. V, с. 720]; «<...> до того *загнан и презрен*, что весь город до последнего офицера приглашается в дом генерал-губернатора на обеда, на маскарады и на балы, бываемые при случае выборов; но я и Катерина Яковлевна ни в какое публичное собрание не призываемся <...> вот какия творит *чудеса*. <...> Иногда не безнужно *иметь и врагов*, чтобы лучше не сбиваться с пути законов» [11, т. V, с. 724]. Ту же тему Державин продолжает в просительном письме к князю Потемкину от 14 января 1789 г., где называет себя «*вечно несчастливым*» и находящимся в «*бездне злключения*» [11, т. V, с. 732].

А.И. Терской в кратком ответном письме от 18 декабря дружески советует Державину «все забыть» и терпеть, «сколько можно». Затем поздравляет его «с наступающим праздником и новым годом» и желает, «чтоб старое в старом так, как ныне, и осталось, а новый *с удовольствием начав окончить*» [11, т. V, с. 727].

Политические события в стране идут своим чередом, и в тот же день, 18 декабря 1788 г., М. Титов, моршанский знакомый Державина, живущий в Петербурге, поздравляет его со взятием русскими войсками под командованием князя Г.А. Потемкина-Таврического города Очакова. Многим, говорит он, посланы туда «*монаршаго благоволения милости*» [11, т. V, с. 725].

18 декабря Державин получает и третье письмо – от одного из ближайших своих друзей – Н.А. Львова. Тот тоже уведомляет его о взятии турецкой крепости, советует «на Очаков-то» написать что-нибудь «без имени» и желает Катерине Яковлевне и Державину «при новом годе *лучшаго счастья*».

Beatus ille qui procul negotiis ... Horat» [11, т. V, с. 727].

Процитированное Львовым начало II Эпада Горация – не случайная цитата; по сути, это одна из «кодовых» максим эпохи и, в более узком смысле, часть поэтического узуса XVIII столетия. Историю этой формулы («Блажен, кто...») подробно исследовала Т.Е. Абрамзон; ученый справедливо считает ее знаком «дискурса счастья» – поисков европейскими просветителями «земного счастья» и способов его достижения [1, с. 370] (см. также: [8; 10]). На тот момент сам Державин использовал данную формулу как минимум два раза – в «Невесте» (1778) и «Видении Мурзы» (1884). В оде «На счастье» он не без иронии русифицирует ее в 21-й строфе: «Беатус брат мой...» – и прокомментирует в «Объяснениях». В 1790-е гг., после успешного разрешения тамбовского казуса, число стихотворений с «беатусом» у него возрастет в несколько раз – в основном поэт включает его в комплиментарные стихи, адресованные вельможам «в случае» и друзьям. В поисках собственного счастья в эти годы Державин обходится без этой формулы (см.: [7]), а в

программной оде «На Счастье» его представления о Фортуне, несмотря на присутствие «беатуса», – отнюдь не горацианские.

Примечательный пример употребления формулы «блажен, кто...» находим в письме (от 10 мая 1789 г.) еще одного близкого друга Державина, тоже поэта, – В.В. Капниста. Сохранив горацианские корни, она проявляется у него и второй древнейший свой источник – Псалтирь (см.: [1, 370–371]): «<...> Вы знаете, любезнейший друг, что скорби, наносимыя нам миром, суть тщета, равно как и удовольствия и прелести. Скорбы (sic) же, Богом посылаемыя на нас, благи нам по многому по слову: *блажен, его же аще накажеш, Господи!* В сих мыслях, любезнейший друг, принимайте (sic) судьбу вашу и не преклоняйтесь на роптание противу воли Всевишняго лишним скорбением. <...>» [11, т. V, с. 758]. Через несколько лет Капнист напишет свою оду «На счастье», во многом ориентируясь на державинскую.

В «московской» переписке обнаруживаем также пример бытового горацианства. В письме от 22 января 1789 г. упоминавшийся А.И. Терской, сожалея, что предыдущее письмо его огорчило Державина, вопрошает: «но что делать?» и здесь же отвечает: «мы сотворены на то, что преходя поприще жизни нашей, должно встречаться нам *хорошее и худое*; надо все сносить *с терпением*; *довольно счастливы мы тем, когда совесть нас не тревожит, а питание надежды покоит*; так и слава Богу <...>» [11, т. V, с. 738]. Выделенные курсивом слова – типичные «общие места» горацианства, которые легко можно обнаружить в стихах Державина, например в 4-й строфе («Мое желание: предаться...» etc.) оды «На Новый год» (1781).

В цитировавшихся письмах Терского (от 18 декабря) и Львова обнаруживает себя еще один источник представлений Державина и его современников о счастье – праздник новолетия с его «мифологией» (см.: [6; 8]). Терской, напомню, формулирует это представление в расхожей фразе «*чтоб старое в старом так, как ныне, и осталось, а новый с удовольствием начав окончить*»; Львов в своих благопожеланиях более краток – «при новом годе *лучшаго счастья*». Восемь лет назад в той самой энически-горацианской оде «На Новый год» Державин уже декларировал свои взгляды на счастье. Новые жизненные обстоятельства существенно скорректировали державинские идиллические иллюзии.

Далее, 21 декабря Львов извещает друга о внезапном ухудшении его дел в Сенате, удивляясь тому, «каким *странным оборотом* в два дни дела такой вид взяли» [11, т. V, с. 728]. И в этот же день от петербургского вице-губернатора П.И. Новосильцова Державин получает письмо, начало которого является своего рода прозаическим конспектом основных идей будущей оды «На Счастье»: «М. г. мой, Г.Р. *Непостоянство счастья, играющего нашею участью, изменяя в надежде*, которую имели мы из

продолжения по данному об вас от Сената докладу, наконец, к сердечному соболезнованию моему, определяет вам явиться в 6-й департамент для отчету в принесенных жалобах от генерала губернатора <...>. Я не в состоянии изъяснить безмерного оскорбления, которое причиняет сия *неожиданная превратность* мне и другим, вас любящим. *Но что делать, когда все в свете подвержено переменам и когда истина почасту представляется в ложном виде?»* [11, V, 728].

Завершением «московского» периода в судьбе Державина, поистине достойным самой Фортуны с ее «оборотами счастья» [5, 24], является письмо Н. Свечина, державинского свойственника. Написано оно в Тамбове 24 июня 1789 г., когда поэт был уже оправдан. С этим «радостным случаем» семья Свечина и поздравляет Державина и Катерину Яковлевну. Причем радость эта была тем «несравненнее», насколько «велика была печаль», ибо в начале июня «пронесшийся слух <...> *о кончине вашей* столь нас поразил, что не можем изъяснить онаго» [11, V, 761].

Подытожу. Сочетание биографического и метатекстуального анализа в данном конкретном случае дало интересные результаты. У поэта XVIII века, не так давно осознавшего, что его жизнь может стать предметом стихотворства, связь между действительностью и литературой оказывается отнюдь не прямой, хотя и очевидной. В оде осмысляются и остраиваются те же, по сути, темы и вопросы, которые, в виде реальных событий и ситуаций, происходят в политической жизни Европы и окружают в ноябре 1788 – июне 1789 гг. Державина. Медиатором между жизнью и поэзией становится некий феномен сознания автора и его современников, известный под разными именами – Судьбы, Случая, Бога, Промысла, Счастья и др. В поэтическом произведении он обретает воплощение в виде привычного для словесности той эпохи эмблематического образа – Фортуны. При этом поэтический текст, написанный с вполне прагматической установкой и под влиянием конкретных жизненных обстоятельств, внешне выглядит намного богаче и разнообразнее, нежели жизнь, проживаемая в то время поэтом.

Список литературы

1. Абрамзон Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII–XIX вв.: из истории формулы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 368–377.
2. Абрамзон Т. Е. О «забавной» Фортуне в русской поэзии XVIII века // Юмор и сатира в координатах XXI века. Сб. науч. ст. по мат-лам I Междунар. научно-практ. конф. Варна: Център за научни изследвания и информация «Парадигма», 2015. С. 5–9.
3. Западов А. В. Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 312 с.
4. Киселев В. С. Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). Томск: ТГУ, 2004. 122 с.

5. Объяснения на сочинения Державина. СПб.: В типографии Александра Смирдина, 1834. 253 с.

6. Петров А. В. «Письмо к супругу в новый 1780 год» Г. Р. Державина и «Письмо Татьяны к Онегину» А. С. Пушкина // Г. Р. Державин и диалектика культур: материалы Международной научной конференции, Казань 11–13 декабря 2014 г. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2014. С. 105–108.

7. Петров А. В. Поэтика эпиталамических циклов Г. Р. Державина 1790-х годов // *Libri Magistri*. 2015. Вып. 1. С. 25–41.

8. Петров А. В., Молнар А. Одическая топика и тема «нового счастья» в оде М. В. Ломоносова «На новый 1762 год» // *Libri Magistri*. 2020. № 4 (14). С. 76–92.

9. Проскурина В. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.

10. Рудакова С. В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

11. Сочинения Державина / с объясн. прим. [и предисл.] Я. Грота. Т. 1–9. СПб.: Имп. Акад. наук, 1864–1883.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'25

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ И АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НАЗВАНИЯ НА ГОРОДСКИХ УКАЗАТЕЛЯХ: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ОБЪЕКТОВ НИЖНЕГО НОВГОРОДА)

Е.О. Кан

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

С.Е. Рахманкулова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье на материале, собранном в г. Нижний Новгород, рассматривается проблема передачи на английский язык названий различных объектов (улиц, площадей, сооружений, организаций и др.), размещаемых на городских указателях: определяется лингвистический статус данных единиц с точки зрения ономастики, устанавливаются способы их передачи на английский язык, обсуждаются возникающие при этом проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: топонимы, урбанонимы, эргонимы, перевод, транскрипция, транслитерация, калькирование.

Russian and English Names on City Signs: Translation Issues (Looking into Names of Objects on Nizhny Novgorod's Signposts)

Evgenia O. Kan

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod

Svetlana Y. Rakhmankulova

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod

The article examines a material collected in Nizhny Novgorod to deal with the problem of translating names on city signs (such as names of streets, squares, buildings, organizations, etc.) into English. The article determines the linguistic status of these names as viewed by onomastics, the methods of translating them into English, the problems that arise and ways to solve them.

Key words: toponyms, urban onyms, ergonyms, translation, transcription, transliteration, loan translation.

В последнее десятилетие все более актуальной становится проблема перевода названий объектов в городах России на английский язык. Ежегодно, до введения ограничений в связи с эпидемиологической обстановкой, российские города посещали миллионы туристов. Многие города становились площадками для крупных международных мероприятий, таких как, например, саммит АТЭС во Владивостоке в 2012 г., саммит «Большой двадцатки» 2013 года в Санкт-Петербурге, Универсиада 2013 г. в Казани, XXII зимние олимпийские игры в Сочи, чемпионат мира по футболу 2018

года в Москве, Калининграде, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Волгограде, Казани, Сочи, Екатеринбурге и других городах. После стабилизации ситуации, можно надеяться, количество гостей в российских городах только увеличится, а значит, будет необходимо продолжать поддерживать комфортность городской среды. Не последнюю роль в создании благоприятной обстановки для гостей города играет система городской навигации, с названиями объектов на английском языке как языке международного общения.

Несмотря на то что необходимость адекватного перевода названий, привлечения к этой работе лингвистов и переводчиков – экспертов и носителей английского языка очевидна, существующая практика перевода названий, как отмечают специалисты и те, кто не занимается переводом профессионально, но хорошо владеет английским языком, далека от идеальной. Известны даже курьезные случаи, когда под давлением общественности указатели с некачественно переведенными названиями были удалены с улиц российских городов. Например, летом и осенью 2014 года были заменены таблички на московских домах, так как в переводе названий улиц на этих табличках была крайне неудачно применена транслитерация (*Mohovaya ulicza* – «Моховая улица», *Myasniczkaya ulicza* – «Мясницкая улица» и под.). Также, например, были заменены уличные указатели в Санкт-Петербурге, установленные накануне саммита «Большой двадцатки» и содержащие грубые языковые ошибки и нелепости (*Dom Youth* – «Дом молодежи», *Clinic them. Pirogov* – Клиника им. Пирогова»). В Нижнем Новгороде, после обращений в департамент транспорта и связи и редакции СМИ, заменили указатель перед площадью Советской, на котором название площади представляло собой не вполне удачный пословный перевод *Soviet Square*, указатель, на котором название «Сквер им. Белинского» было ошибочно передано как *Square them. Belinsky*, указатель на Казанское шоссе с надписью, содержащей опечатку (*Kazanskoye higway*) и др.

Иными словами, проблема остается актуальной. В последнее время появляются работы, исследующие эту проблему на материале перевода названий объектов в таких городах, как Казань, Екатеринбург, Красноярск и других [1; 2; 3; 4]. В настоящей статье данная проблема рассматривается на материале названий городских объектов, размещенных на уличных указателях (уличных табличках и дорожных указателях) в г. Нижнем Новгороде. Рассматриваемые названия датируются 2019 – 2020 гг. и непосредственно зафиксированы в процессе осмотра указателей на улицах города, а также получены с помощью сервисов «Яндекс. Картинки» и «Яндекс. Карты» (фото городских объектов в режиме панорамы).

Необходимо сначала сделать несколько замечаний по поводу лингвистического статуса рассматриваемых единиц.

Названия элементов городской среды как объект лингвистического исследования стоит рассматривать как совокупность «онимов» с

соответствующими им характеристиками. Из известных в ономастике типов наименований, к объектам городской среды, очевидно, могут быть отнесены топонимы и эргонимы.

Изучение городских **топонимов** основывается на уже устоявшейся лингвистической традиции, в соответствии с которой названия топографических объектов городской среды известны как особый вид топонимов – **урбанонимы** [4; 9; 10]. В «Словаре русской ономастической терминологии» урбаноним определяется следующим образом: «имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [4. С. 139]. Данное определение отражает тот факт, что урбанонимы далее подразделяются в зависимости от типа обозначаемого объекта на целый ряд подвидов: названия площадей (агоронимы), названия улиц (годонимы), имена территорий города, например, городских районов, кварталов (хоронимы), названия храмов, церквей, монастырей (экклезионимы) и названия отдельных зданий, а также жилых комплексов (ойкодомонимы). Классификация может быть продолжена и быть еще более дробной для конкретных целей исследования. Так, Т.В. Шмелева в работе «Современная годонимия: семантика и семиотика» далее выделяет два основных типа годонимов: ориентирующие (внутренние и внешние) и характеризующие [13]. Ко внутренним ориентирующим годонимам относятся наименования объектов ориентации, являющихся какими-либо сооружениями или продуктами человеческого труда (например, Привокзальная площадь, Заводской проезд, Университетский переулок), и наименования, ориентирующие на какой-либо природный объект (метро «Воробьевы горы», остановка «Черный пруд»). Ко внешним ориентирующим годонимам относятся названия объектов ориентации, не принадлежащих городу, но связанных с другими городами (например, в Москве: Ленинградский проспект, Варшавское шоссе; в Нижнем Новгороде: Казанское шоссе, Московское шоссе). О проблеме классификации урбанонимов см. также: [6; 8; 11].

Помимо названий топографических объектов, на уличных указателях также можно встретить наименования музеев, театров, организаций, заведений, предприятий, то есть не физических объектов, а тех или иных организаций, деловых или культурных объединений людей. В ономастике такие наименования принято называть **эргонимами**. Нельзя не согласиться с А.В. Суперанской в том, что для названных типов объектов необходимо самостоятельное наименование, поскольку к топонимам и их подвиду урбанонимам они отнесены быть не могут (хотя отчасти и могут с ними пересекаться). Место, топографический, физический объект – это урбаноним, а учреждение, располагающееся в таком объекте – эргоним [10. С. 75]. А.В. Суперанская далее подразделяет эргонимы на два типа: наименования реальные, отражающие специфику деятельности организации, характер

производимых товаров и предлагаемых услуг, и символические – косвенно указывающие на характер деятельности организации [9].

Н.В. Шимкевич классифицирует эргонимы по типу воздействия на адресата и выделяет информирующие эргонимы, сообщающие информацию о роде деятельности фирмы, и неинформирующие, дающие сведения, напрямую не относящиеся к роду деятельности и ничего о нем не сообщающие (например, фамилию владельца). Также существуют незначимые эргонимы, не несущие информации, понятной для потенциального клиента [12].

В работе Т.П. Романовой эргонимы классифицируются по функциональному критерию. Выделяются информативные, рекламно-информативные, рекламные и номинативные эргонимы, среди которых основным признается рекламно-информативный тип единиц. В названии информативных эргонимов представлена информация об объекте или его владельце, а к номинативным относятся описательные названия [7].

Урбанонимы и эргонимы представляют собой единицы, которые чаще можно встретить на городских указателях – в их исконной русскоязычной версии и в переводе на английский язык. Используя материал системы навигации г. Нижнего Новгорода, рассмотрим подробнее специфику передачи данных единиц на язык перевода, а также проблемы, которые могут возникнуть в процессе работы, и пути их решения.

Следует отметить, что англоязычные эквиваленты урбанонимов не распространены в городской среде Нижнего Новгорода: на зданиях, даже в туристических местах города, в его центральной части, прикреплены только таблички с русскими названиями улиц, переулков и площадей. Их англоязычные эквиваленты зафиксированы в основном в электронных картах мобильных приложений (например, *Google Maps*). Англоязычные эквиваленты урбанонимов (улиц, площадей, микрорайонов) встречаются на табличках (табло) новых остановок общественного транспорта (которые, однако, установлены не во всех частях города), на электронных табло некоторых автобусов, троллейбусов и трамваев и на некоторых дорожных указателях в черте города. На туристических указателях, особенно в центральной части города, эпизодически представлены англоязычные варианты урбанонимов – названий некоторых улиц, площадей и станций метрополитена. На указателях пешеходной навигации в большом количестве представлены названия музеев, театров, храмов, различных учреждений – то есть те или иные эргонимы. Англоязычные эргонимы также можно встретить на дорожных указателях (в рекламных целях внизу дорожного указателя на желтом фоне размещается название организации и расстояние до нее).

Рассмотрение специфики передачи урбанонимов и эргонимов на английский язык на указателях в черте Нижнего Новгорода позволяет сделать следующие выводы.

Случаи ошибочной передачи названий на указателях редки. Однако выявляются отдельные примеры, ошибочность которых связана с нарушением норм переводящего языка (Памятник Максиму Горькому – *Monument of Maxim Gorky*, вместо *a monument to smb.*) и / или с существенным искажением (неполной передачей) исходного смысла русскоязычного наименования. Например, на одном из указателей наименование «Туристическо-сервисный центр» передано как *Tourist and service center*. В отличие от правильного *Tourist service center* предложенное наименование создает впечатление, что организация занимается двумя разными видами деятельности – помощью туристам и оказанием кому-либо различных услуг, а не именно обслуживанием туристов. Музей истории художественных промыслов обозначен на указателе как *History Museum*. Англоязычная версия названия гораздо шире по объему значения; история художественных промыслов и история края – разные вещи, хотя частично и пересекающиеся.

Типичная проблема в передаче урбанонимов – названий улиц связана с недостаточно адекватным, на наш взгляд, комбинированием приема калькирования и транслитерации / транскрипции. Так, названия улиц наподобие *улица Героя Рябцева*, *ул. Героя Шапошникова* на указателях переданы как *Geroy Ryabtsev st.*, *Geroy Shaposhnikov st.* При распространенности в городской среде наименований типа *Belinsky st.*, *Vaneev st.* и под., такой перевод создает впечатление, что улица названа в честь некоего человека с именем *Geroy Ryabtsev* или *Geroy Shaposhnikov*. Возможно, с языковой точки зрения, именно в данных случаях более уместным было бы либо воспользоваться транслитерацией *Ulitsa Geroya Ryabtseva*, либо калькированием: *The Hero Ryabtsev st.* Аналогичным образом, вопросы вызывают наименования типа *Gagarina ave.* и *Moskovskoye highway*. Опять же, в связи с большим количеством наименований типа *Vaneev st.* более адекватным видится вариант типа *Gagarin ave.*, либо полностью транслитерированный вариант *Prospekt Gagarina*, но не некий промежуточный вариант. Кроме того, наименования типа *avenue* и *highway* имеют стойкие культурные ассоциации; можно предположить, что образ явления, ассоциируемого с этими понятиями у носителя, например, американской культуры, будет разительно отличаться от того, что он увидит в действительности. Возможно, вместо комбинированного способа в этой связи более уместным оказался бы способ транскрибирования / транслитерирования. В некотором роде «гибридные» варианты оформления наименований, с иноязычными вкраплениями, встречаются также среди эргонимов, размещенных на указателях: *Kamaz центр*, *СТО MAN* (СТО = станция технического обслуживания) и др.

Поскольку подобные примеры немногочисленны, и основная причина, обуславливающая их существование, вероятно, заключается, в недостаточном уровне владения языком и некомпетентности исполнителей

перевода, в несоблюдении единого стандарта передачи наименований для всех указателей в пределах города или страны, эта проблема имеет простое решение (вне зависимости от того, применимо ли оно на практике). Более сложным представляется вопрос о поиске оптимальных путей передачи названий среди возможных. Рассмотрим способы передачи названий, отвечающие нормам переводящего языка и не ведущие к смысловым ошибкам.

Для передачи названий городских объектов в г. Нижнем Новгороде используются два основных способа: калькирование и транскрипция / транслитерация.

Приведем примеры калькирования:

Нижегородский Кремль – *Nizhniy Novgorod Kremlin*; Центр города – *City centre*; Храм Рождества Иоанна Предтечи – *Nativity of Saint John the Baptist Church*; Художественный музей (Дом Д.В. Сироткина) – *Art Museum (Sirotkin's House)*; Музей «Усадьба Рукавишниковых» – *The Rukavishnikov Estate Museum*; Стадион Нижний Новгород – *Nizhniy Novgorod Stadium*; Центр выдачи паспортов болельщиков – *Fan ID Centre*; Памятник героям Волжской флотилии – *Heroes of the Volga Fleet Memorial*; Здание Государственного банка – *State Bank building*; Речной вокзал – *River Station*; Театр кукол – *Puppet Theatre*.

Приведем примеры транскрипции / транслитерации: Нижний Новгород – *Nizhniy Novgorod*; Ниж. Новгород – *Nizh. Novgorod*; Александровский сад – *Aleksandrovskiy Sad*; Похвалинский съезд – *Pohvalinsky s'yezd*. Поскольку на данный момент не используется единая система транслитерации, в передаче одних и тех же единиц или их элементов этим способом обнаруживаются разночтения, например в передаче мягких русских согласных (Большое Болдино – *Bol'shoye Boldino* и *Bolshoe Boldino*), окончаний на -ий (*Gorkiy sq.* и *Nizhny Novgorod Stadium*). Примечательно, что последние два наименования представлены на одном указателе.

В редких случаях для передачи наименования, представляющего собой целую фразу, предикативную единицу, используется прием дословного перевода: Дом, в котором жил Горький – *The House where Gorky lived*.

Зафиксированы многочисленные примеры, в которых для перевода названия применяется комбинированный способ, то есть сочетание калькирования с транскрипцией / транслитерацией: Чкаловская лестница – *Chkalovskaya Stairway*; Набережная Гребного канала – *Grebnoy Kanal Embankment*; ул. Самаркандская – *Samarkandskaya street*, ул. Ижорская – *Izhorskaya st.*; ул. Баумана – *Bauman st.*; ул. Сергея Акимова – *Sergey Akimov st.*; ул. Ванеева – *Vaneev st.*; ул. Карла Маркса – *Karl Marx st.*; ул. Бетанкура – *Betankur st.*; ул. Геологов – *Geologov st.*; пл. Маркина – *Markin sq.*; Борский мост – *Borsky Bridge*; Канавинский мост – *Kanavinsky Bridge*;

При этом дополнительно к калькированию или сочетанию калькирования с транскрипцией / транслитерацией применяется прием

расшифровки аббревиатуры (БКЗ «Октябрьский» – “*Oktyabrsky*” *Concert Hall*; ТРЦ «Седьмое небо» – *Shopping and Entertainment Center ‘7th Heaven*”; Ж/Д вокзал – *Railway station*) или пояснения назначения называемого объекта (Камера хранения (находится рядом со стадионом, куда нельзя проносить вещи определенных типов) – *Restricted Items Storage Room*; Билетный сервисный центр (рядом со стадионом) – *Stadium Ticketing Centre*). Наоборот, в связи с узуальностью некоторых аббревиатур – наименование-несокращённое слово может передаваться аббревиатурой: Туалет – *WC*.

Также при передаче одного названия могут одновременно использоваться несколько параллельных способов (на одном указателе): Здание «Блиновского пассажа» – *Blinovsky Passazh Building (Blinov Arcade)*; Музей Университета Лобачевского «Нижегородская радиолaborатория» – *Museum of the Lobachevsky University “Nizhegorodskaya Radiolaboratoriya” (Radio Laboratory Museum)*; Нижегородский откос – *Nizhegorodsky Otkos (The Slope)* или Спасский Староярмороchnый собор – *Spassky (The Savior) Staroyarmarochny Cathedral*. Последний вариант представляется не вполне удачным из-за разрыва названия, логичнее было бы, наверное, написать *Spassky Staroyarmarochny Cathedral (Lord the Saviour Cathedral)*.

Наиболее частотный способ перевода названия в рассмотренной выборке (более 60 процентов случаев) – калькирование в сочетании с транскрипцией / транслитерацией. Однако абсолютная частотность мало говорит о степени предпочтительности того или иного способа.

Очевидно, что выбор способа передачи названий в рассмотренной выборке определялся в первую очередь назначением объекта, способом взаимодействия с этим объектом получателя информации на английском языке. Преобладание калькирования и калькирования в сочетании с транскрипцией / транслитерацией в передаче названий городских объектов, как представляется, объясняется следующим. В центре города, где обнаруживается наибольшее количество указателей, особенно пешеходной навигационной системы, сосредоточены в основном культурные объекты (как следствие, в наименованиях наиболее многочисленны эргонимы) или памятники исторического значения, обладающие целым рядом ассоциаций. Для их восприятия туристами, очевидно, важнее понимание культурного назначения данного объекта, культурных и исторических ассоциаций, связанных с ним, чем воспроизведение формы его названия.

Поэтому уместным представляется такой подход к передаче урбанонимов, обозначающих культурно значимые объекты, и эргонимов, при котором используется преимущественно а) калькирование, б) калькирование в комбинации с транскрипцией / транслитерацией для передачи самобытного звукового и графического облика названия или в) параллельно транслитерированный (или комбинированный) и калькированный варианты названия: а) Театр кукол – *Puppet Theatre*; б) Чкаловская лестница – *Chkalovskaya Stairway*; в) *Blinovsky Passazh Building (Blinov Arcade)*.

Нельзя не согласиться с тем, что, например, передать название «Храм Вознесения Господня» можно адекватно с помощью приема калькирования: *Lord's Ascension Church*. Увидев такое название, иностранный турист скорее поймет, в честь какого религиозного события построен храм, каково его значение. Если бы на указателе разместили транслитерированное название *Khram Vozneseniya Gospodnya*, тот, кто не знает русского языка, явно был бы озадачен. Напротив, например, в названии Дмитриевской башни Нижегородского кремля слово «Дмитриевская» передано транскрипцией / транслитерацией: *The Dmitrievskaya Tower*. И это довольно логичный подход. Во многих названиях российских зданий и сооружений и иных достопримечательностей присутствуют русские имена собственные, поскольку часто сооружения строили в честь той или иной исторической фигуры. Дмитриевская (Дмитровская) башня получила своё название или в честь князя Дмитрия Константиновича, или, по другой версии, церкви во имя святого великомученика Димитрия Солунского. Данная культурно-историческая ассоциация (даже и не известная гостям города) сохраняется в названии. Калькированный перевод (например, *The Tower named after prince Dmitriy / The Tower named after Dmitriy, the holy martyr* – был бы с одной стороны громоздким, а с другой – не обязательно исторически достоверным).

Комбинированный способ позволяет более или менее адекватно передать, например, название станции нижегородского метро «Стрелка». Дополнительная сложность в передаче данного названия кроется в многозначности слова-названия. Следует, разумеется, понимать, что стрелка в данном случае – это участок суши в виде острого клина у слияния или разделения двух рек – Оки и Волги. Кроме того, Стрелка – одна из главных природных достопримечательностей в Нижнем Новгороде. Соответствующая единица обладает сильными культурными, местными ассоциациями и давно является именем собственным в Нижнем Новгороде. Поэтому один из переводов – *The Spit of Nizhny Novgorod* – вряд ли можно считать удачным, лучше трактовать единицу как имя собственное и транскрибировать / транслитерировать, а название станции целиком можно передать комбинированно – *The Strelka Station*. Тем более, наименование ул. *Стрелка* на указателе передано именно таким способом: *Strelka st.*

Кроме того, необходимо учитывать и культурную традицию в передаче названий, знакомую образованному реципиенту информации (Оперный театр – *Opera House* вместо *Opera Theatre*). Общепринятые способы передачи названий значимых объектов представлены в разных городах России: Центральный банк Российской Федерации – *Central Bank of Russian Federation*, Театр комедии – *Comedy Theater*, Государственный художественный музей – *State Art Museum* и т.п. Отличаются они только названиями городов в составе наименования. Например: Нижегородский государственный художественный музей – *Nizhny Novgorod State Art Museum*; Вятский художественный музей – *Vyatka Art Museum*.

В случаях, когда на английский язык передаются названия крупных объектов, наименование самого типа объекта фактически является ориентиром. Поэтому, представляется, сочетание транскрипции / транслитерации с калькированием уместно, например, при передаче названий мостов: *Borskiy Bridge*.

В иных случаях, при передаче урбанонимов собственно ориентирующих, названий улиц, площадей, шоссе, районов и под., оправдан отказ от калькирования (полный или частичный) в пользу транскрипции / транслитерации. Такие названия служат практической цели – ориентации в городской среде. Так, названия микрорайонов и районов в Нижнем Новгороде закономерно передаются с помощью транскрипции: Верхние Печеры – *Verhniye Pechery*, Красное Сормово – *Krasnoye Sormovo*. Очевидно, что это необходимо для понимания названия на слух. В ситуации, когда иностранному гостю города необходимо дойти или доехать до какого-либо района, спросив у прохожего или другого пассажира направление или название, опираясь на транскрибированное / транслитерированное название, он скорее всего произнесет его вполне привычным для уха местного жителя способом. Или, наоборот, сможет, соотнести услышанное с названием искомого места. Что касается улиц, хотя их названия передаются преимущественно смешанным способом (ул. Ванеева – *Vaneev st.*), вряд ли звуковой облик таких названий, в которое входит знакомое местным жителям имя собственное и довольно общеизвестное слово *street* («Ванеев стрит») вызовет трудности в общении.

Итак, для адекватной передачи характера имен собственных, отражающих специфику городского ландшафта, могут использоваться: 1) приемы транскрипции / транслитерации; 2) полного или частичного калькирования; 3) различных комбинаций транскрипции / транслитерации с калькированием географического термина – указателя. Дополнительно, для достижения полного соответствия нормам переводящего языка и сохранения смысла названия, могут использоваться другие необходимые приемы или трансформации. Выбор адекватного способа определяется комплексом факторов, среди которых прагматическая цель передачи названия, культурное и практическое значение и назначение называемого объекта, необходимость следовать традиции и унифицированному стандарту передачи городских онимов.

Список литературы

1. Базарова Ю.В., Кондрашова Е.В. Проблемы перевода топонимов города Красноярска // Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к Универсиаде 2019: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты. 2019. С. 5–7.

2. Божко Е.М., Ильнер А.О., Корнеева Л.И. Компромиссный подход к передаче урбанонимов (на примере Екатеринбурга) // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15 (2). С. 223–238.
3. Вафиева А.Д., Морозова Т.В. Особенности перевода имен собственных (на примере названий автобусных остановок города Казани // TERRA LINGUAЕ. 2015. С. 147–149.
4. Кабакчи М.К. К проблеме перевода русскоязычных реалий на английский язык (на примере топонимики Санкт-Петербурга) // Образование и педагогические науки. Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7 (7, 2). С. 222–225.
5. Подольская Н.В. Лингвострановедческий словарь топонимов // Словари и лингвострановедение. Под ред. Е.М. Верещагина. М.: Русский язык, 1988. С.73–79.
6. Разумов Р.В., Горяев С.О. Новые ойкодомонимы как отражение ментальной карты города // Коммуникативные исследования. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-oykodomonimy-kak-otrazhenie-mentalnoy-karty-goroda> (дата обращения: 02.10.2020).
7. Романова Т.П. Эволюция типов рекламных имен в истории русской эргонимии (XIX – начало XXI вв.) // Вестник СамГУ. Самара, 2009. № 3 (69). С. 174–180.
8. Соколова Т.П. Проблемы описания городского ономастикона // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 196–206.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Отв. ред. А.А. Реформатский. М.: Наука, 1973. 368 с.
10. Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 178 с.
11. Супрун В.И. Размышления над ономастической терминологией // Известия ВГПУ. 2011. № 8. С. 133–138.
12. Шимкевич Н.В. Русская коммерческая эргонимия: Прагматический и лингвокультурологический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 179 с.
13. Шмелева Т.В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137 с.

УДК 81'23

ТРУДНО ИЗВЛЕКАТЬ СМЫСЛ ИЗ ТЕКСТА, ОСОБЕННО ЕСЛИ ЕГО ТАМ НЕТ

О. В. Петрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются учащающиеся проявления аморфности речемыслительной деятельности, ведущие к деформации коммуникации как процесса передачи и восприятия смыслов. Обосновывается необходимость введения в школьную и вузовские программы курса риторики как науки о механизмах смыслопорождения.

Ключевые слова: смысл, информация, коммуникация, порождение и восприятие смыслов, риторика.

**It is Hard to Find Sense in a Text,
Especially if There Isn't Any There**

Olga V. Petrova

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod

The article examines increasing manifestations of amorphous speech-thinking activity leading to the deformation of communication as a process of transmission and perception of meanings. The article substantiates the necessity of introducing rhetoric, as a science about mechanisms of meaning-making, into school and university curricula.

Key words: meaning, information, communication, meaning making, meaning perception, rhetoric.

Вместо введения – несколько скриншотов.

Когда зевота опасна для здоровья

Частое зевание может быть симптомом многих заболеваний, например, вегето-сосудистой дистонии, сердечно-сосудистых заболеваний, хронической гипотонии, аутоиммунных заболеваний и других.

[5]

Предстоящие выходные принесут с собой резкие колебания температур. Ночами столбик термометра будет опускаться ниже 25 градусов, а в дневные часы температура воздуха будет колебаться в пределах 10 градусов мороза.

Столь резкие колебания, которые синоптики называют барической пилой, не могут не отражаться на здоровье метеочувствительных людей.

[3]

Врачи пытались реанимировать актера Андрея Мягкова перед смертью, сообщил 18 февраля телеканал [РЕН ТВ](#).

[1]

Мы все привыкли к несуразным и бессмысленным заголовкам. Предполагается, что чем заголовок бессмысленнее, тем больше вероятность того, что, увидев его, человек захочет посмотреть, что же это значит. И задержится у экрана телевизора, откроет соответствующую страничку в интернете или купит газету, на первой полосе которой красуется этот заголовок. Некоторые слова-приманки уже стали привычными. Вряд ли кто-то сегодня ждет сенсации от сообщения, содержащего слово «раскрыто». Многие уже не только привыкли к тому, что за этим стоит обычная информация, которая никогда и не скрывалась, но и сами употребляют глагол «раскрыть» в значении «рассказать», «сообщить»: *Гидрометцентр раскрыл, когда наступит весна.*

Но в последнее время все чаще стали появляться заголовки, бессмысленность которых никак нельзя объяснить стремлением заинтриговать, привлечь внимание читателя. Они бессмысленны просто по своей сути. Так, например, в интернете появилось сразу несколько сообщений на тему о зевоте. И если сам по себе заголовок в ленте новостей еще может выполнять функцию приманки, то уже внутри статьи заголовки разделов явно этой функции не выполняют. Прочитав то, что следует за первым («Почему мы зеваем?»), читатель действительно узнает о механизмах зевоты. И когда дальше в той же статье он видит раздел, озаглавленный «Когда зевать вредно?» (или в другой статье — «Почему зевать опасно?»), он вправе предположить, что ему сейчас расскажут о том, когда и почему зевота может причинить ему вред. Но, конечно же, ничего подобного в статье нет, да и быть не может. Автор только что рассказал, что зевать полезно. На самом деле речь идет о том, что зевота может быть признаком какого-то неблагополучия, симптомом какого-то заболевания. Она не опасна. Она может сигнализировать об опасности. Так откуда же берутся такие заголовки?

Наблюдения за тем, как пишутся всевозможные сообщения, как люди общаются, приводят к очень тревожному выводу. Мы все меньше и меньше заботимся о четком выражении мысли, все меньше и меньше вникаем в смысл сказанного или написанного. Заголовки не соответствуют смыслу текста, вопросы часто не соответствуют тому, о чем человека в действительности хотят спросить, ответы никак не соотносятся с вопросом.

Женщину, садящуюся за руль только что откопанного из сугроба автомобиля, спрашивают: «Сколько Вам потребовалось времени, чтобы откопать свою машину?». Ответ: «Сколько времени? Я одна, руки замерзли». И ведь не скажешь, что она не расслышала вопроса: она его даже повторила. Но из всей ситуации она восприняла только, что ее спрашивают о последствиях снегопада именно для нее. А она устала, ей обидно, что никто ей не помог, да и руки замерзли. Вот и ответила на то, что за этим вопросом услышала. Можно ли сказать, что акт коммуникации состоялся? А ведь такая «коммуникация» происходит все чаще и чаще.

Преподаватели сетуют на то, что студенты не умеют извлекать информацию из прочитанного, что они не могут выполнить предельно четко сформулированную инструкцию. Больше того, получив какую-то инструкцию или рекомендацию, они иногда делают все прямо наоборот. И отнюдь не из чувства протеста. Если на консультации перед экзаменом студент спрашивает, правильно ли он понимает какое-то положение, а преподаватель говорит, что неправильно, и объясняет, как в действительности обстоит дело, а назавтра на экзамене слышит то самое изложение вопроса, про которое он говорил, что оно неверно, то это явно не протест: ведь студенту нужна хорошая оценка. Что произошло? Он задал вопрос, ему ответили. И в ответе звучали знакомые ему слова (скажем, термины). Осмысления же ответа не произошло. Он не заметил разницы между тем, что сказал он сам, а что — преподаватель. Акт коммуникации не состоялся.

Все чаще и чаще приходится констатировать, что в самых разных областях жизни говорящий и слушающий (или пишущий и читающий) не просто не понимают друг друга, не только этого не замечают, но и не стремятся к подлинной коммуникации. И если в большинстве случаев это еще не полная дискommunikация, то во всяком случае своего рода квазикommunikация. Говорящий сплошь и рядом имеет в виду не совсем то, что он говорит. Чаще всего за конкретными словами кроется некая общая, достаточно аморфная мысль. Так, если корреспондент говорит, что какой-то штраф *подняли вдвое, с 20 до 200 тысяч*, то вряд ли его можно заподозрить в том, что он не знает арифметики и не может ни 20 умножить на 2, ни 200 разделить на 20. Просто «вдвое» в данном случае у него означает «значительно», «намного». Когда на сайте «Комсомольской правды» появляется предупреждение о предстоящих резких колебаниях температур, а затем следует фраза «*Столь резкие колебания, которые синоптики называют барической пилой, не могут не отражаться на здоровье метеочувствительных людей*», можно, конечно, удивиться тому, что написавший ее журналист, судя по всему, не знает, что такое «барический».

Вроде бы, должен знать: ведь и в школе что-то про **изобары** должен был слышать, да и что **барометр** — это прибор для измерения не температуры, а давления, тоже, наверное, знает. Но можно и не удивляться. Он в это даже не вдумывается. Когда он услышал словосочетание «барическая пила», у него в сознании зафиксировалось только то, что это *какие-то* перепады *чего-то* и что на графике это похоже на зубья пилы. А о чем именно идет речь, уже не важно. Есть общая идея. Этого достаточно. А теперь спросим себя: сколько человек обратило внимание на эту нелепость? Боюсь, что не так уж и много. Общая идея понятна (она и без этой «пилы» была бы понятна), и этого достаточно. Каково сообщение, таково и восприятие. Нас уже приучили так читать и слушать.

Что хочет сказать журналист, написавший, что *«врачи пытались реанимировать актера ... перед смертью»*? По-видимому, что врачи оказывали экстренную помощь, используя методы интенсивной терапии. Автор сам понял, что у него получилось? А зачем? Общая идея ведь и так ясна. Вот и идет общение на уровне «общей идеи». Часто ни говорящего, ни слушающего не интересует, *что именно* сказано. Достаточно восприятия на уровне *«о чем сказано»*. Зевота иногда должна беспокоить, женщине было трудно откапывать машину, штрафы значительно увеличились, что-то там будет не так с температурой, актера пытались спасти...

Мы уже привыкли к такой аморфной подаче информации. Мы скользим глазами по текстам, задерживаясь на ключевых словах, по которым определяем общую тему и оцениваем степень нужности или ненужности этой информации.

Когда речь идет о переводах (особенно о студенческих переводах), мы объясняем получающийся у переводчика бессмысленный текст его склонностью к буквализму, сознательным или неосознанным стремлением «точно» воспроизвести текст оригинала. Но почему же самого переводчика не смущают получающиеся у него бессмысленные нагромождения слов? Что значит *«асфальт перехода, протянутый через ров»*? Что «протянуто» через ров? Асфальт? Переход? Неважно: есть ров, есть переход, есть асфальт. Этого достаточно. Как можно *«находиться под натиском нескончаемого потока»*? А какая разница? Что-то там как бы давит, и этого давящего много. Что имеет в виду переводчик, написавший, что *«COVID-19 изменяет мир незначительно, и в то же время основательно»*? Так незначительно или основательно? Неважно. Всяко меняет, в общем, — что еще нужно?

Значения отдельных слов не воспринимаются вообще: в городе *«встречаются великолепные музеи»*. «Все, что происходит на другом конце Земли, не всегда возможно *утаить* там» (речь идет о том, что эпидемия,

начавшаяся в каком-то одном месте, может распространиться по миру и превратиться в пандемию). «На данный момент один из самых величественных вулканов мира *потерял свой былой шарм*». Переводчик понимает, что из-за смога туристу не удастся полюбоваться Везувием. В оригинале прямо сказано, что он его попросту не увидит. Но какая разница, как это сказать? Понятно же, что с Везувием там как-то нехорошо. Что еще нужно? Что такое «*взаимосвязанный мир*»? Что с чем взаимно связано? А все и со всем — что еще нужно?

Слова постепенно теряют смысл, понятия размываются. Весьма показательным в этом отношении является распределение материалов по (якобы) тематическим рубрикам на лентах новостей. Так, например, Google Новости помещают всю информацию, связанную с миром компьютерных игр, в раздел «Наука и техника», даже если речь идет об отношении геймеров к сюжетной стороне игры. А рубрика «Развлечения» регулярно открывается сообщениями о смерти какого-нибудь актера и описанием его похорон. И опять все очень просто объясняется: для тех, кто распределяет материал, ни слово «развлечение», ни слово «наука» не имеют значения. Раз что-то (в данном случае игры) связано с компьютером и компьютерными технологиями, значит, это что-то из области науки и техники. Если это сообщение о смерти актера, значит, это про театр и кино. А театр и кино — это развлечения. Никому даже в голову не приходит, как цинично это выглядит: сообщение о смерти человека в рубрике «Развлечения». Никто же в смысл не вникает!

За всеми этими нелепыми, а иногда и смешными ситуациями квазикоммуникации стоит серьезная проблема, масштаба которой мы, похоже, еще не осознаем. Разрушается складывавшаяся веками система общения как процесса обмена информацией, процесса передачи и восприятия смыслов. При том огромном объеме информации, которую человек сегодня получает практически непрерывно, в большинстве случаев этот процесс оказывается односторонним. Мы смотрим (sic!) информацию в интернете, мы пишем сообщения и далеко не всегда отвечаем на полученные или ограничиваемся смайликом, мы можем прервать любое общение одним нажатием кнопки. Если в прежние времена не только живое общение, но и чтение было персонифицированным (автор текста мне что-то сообщает, а я это воспринимаю), то в наши дни сплошь и рядом ни у полученного нами сообщения, ни у сообщения на ленте новостей нет автора. Не в том смысле, что он не указан, а в том, что читаемый нами текст сгенерирован автоматически. Нам его присылает некий безликий, виртуальный «no-reply» источник. Он не знает о нашем существовании, мы знаем, что он как личность не существует. Но мы стали необыкновенно зависимыми от

всевозможной информации. И не случайно социологи бьют тревогу по поводу того, что, собравшись вместе, подростки (да уже и не только подростки) проводят время, уткнувшись в свои смартфоны. Им приятно физическое присутствие друзей (слово, значение которого сегодня тоже «виртуализировалось»), но потребности в живом общении нет.

Определив элементарный акт мышления как перевод, а элементарный механизм перевода как диалог, Ю.М. Лотман в качестве одного из обязательных условий самой возможности диалога называет взаимную заинтересованность участников ситуации в сообщении. При этом участники диалога попеременно переходят с позиции «передачи» на позицию «приема» [4, с. 268]. Иными словами, один должен хотеть что-то кому-то сообщить, а другой должен хотеть это воспринять и как-то на это отреагировать. Но наблюдения показывают, что во многих случаях отсутствует не только желание вступить в диалог, но и умение это сделать. Отсутствует коммуникативная компетенция, нет необходимого для этого умения четко формулировать мысль.

Преподаватели перевода постоянно сетуют на то, что студенты катастрофически мало читают, и на то, что, даже читая, не умеют извлекать из текста смысл. И в один голос твердят студентам, что им совершенно необходимо как можно больше читать. Необходимо для того, чтобы стать профессионалами. Но тут возникает вопрос: а что нужно читать будущему переводчику, чтобы и кругозор расширить, и смысл извлекать, и хорошему языку учиться? Классику? Да, конечно. Но не может же сегодняшней переводчик говорить и писать языком Толстого или Тургенева! Ему нужны образцы хорошего современного стиля, хороших осмысленных современных текстов. Как можно извлекать смысл из текста, в который он изначально не был заложен, потому что он не сформировался в сознании пишущего? Такой текст можно только механически воспроизводить – что студенты и делают. Порой так и хочется сказать: только не читайте того, что сегодня пишется в интернете, в СМИ, да и в большинстве современных книжек. Это вам точно не поможет.

Получается замкнутый круг: чтобы научиться думать, понимать и переводить, нужно читать. Но того, что нам предлагает наша информационная среда, лучше не читать.

В действительности выход из этого круга есть. Но для этого необходимо осознать остроту и важность проблемы и системно подойти к ее решению. Необходимо возродить и сделать обязательным и в школе, и в вузе преподавание риторики. Не только и не столько как искусства «красиво говорить» (что тоже, разумеется, важно), но главным образом как механизма

смыслопорождения [4, с. 177]. Риторика в понимании тех ученых, которых относят к числу разработчиков современной теории аргументации, когнитивной лингвистики и теории речевого воздействия [2].

Специалисты настойчиво говорят о том, что в сегодняшнем так называемом информационном обществе риторика как наука о *целесообразной* речи приобретает первостепенное значение. Так, Л.К. Салиева считает риторическую компетенцию базовой целью образования в нашу эпоху, которую она называет эпохой информационной диктатуры. По ее мнению, «современная риторика является центральным компонентом «общества знания», поскольку дает картину современной информационной среды, раскрывает законы речевых коммуникаций, диалога и монолога, вооружает индивида способностью воспринимать и создавать речь» [6, с. 93]. И нельзя не согласиться с выводом автора о том, что «в информационную эпоху риторическое / коммуникативное знание является центральным в структуре общества, основанного на знаниях, поскольку обеспечивает эффективность речевых коммуникаций и воспитание компетентной личности. Соответствующее место оно должно занять и в структуре учебных планов как среднего, так и высшего образования» [6, с. 96].

И школьников, и студентов необходимо учить структурировать информацию, соотносить смыслы с речью, оформлять мысль. Нужно не в теории, а на практике учить извлекать смысл из текста — из слов, из внутритекстовых связей, из грамматических форм, из композиции, характера построения текста. Учить внутриязыковому переводу, умению осознанно выбирать способ выражения мысли, пониманию того, как изменение формы сказывается на точности выражения этой мысли. Этому должны быть посвящены специальные курсы с достаточным количеством практических занятий.

Судя по тому, как все описанные тревожные симптомы нарастают, болезнь квазикоммуникации прогрессирует очень быстро. И пассивное наблюдение за тем, как все более аморфной становится речемыслительная деятельность, действительно может обернуться коммуникативной катастрофой. Нужно переходить от сетований к делу. И понимать, что, прежде чем извлекать смысл из текста, нужно его туда закладывать. И тому, и другому нужно методично и терпеливо учить.

Список литературы

1. Врачи пытались реанимировать Мягкова в течение часа. Известия 18 февраля 2021, 12:27. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1126445/2021-02-18/vrachi-pytalis->

reanimirovat-miagkova-v-techenie-chasa?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign (дата обращения 22.02.2021).

2. Иванов Л. Риторика / Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RITORIKA.html (дата обращения 22.02.2021).

3. Кардиолог посоветовала, как уберечь здоровье во время барической пилы. ЗДОРОВЬЕ. 18 февраля 2021 16:17. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4193415/> (дата обращения 22.02.2021).

4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: Искусство, 2000. 704 с.

5. Почему люди зевают, когда зевота опасна для здоровья и как с ней бороться. ЗОЖ. 12 февраля 2021, пятница, 19:35. [Электронный ресурс]. URL: <https://sport24.ru/news/zozh/2021-02-12-pochemu-lyudi-zevayut-pochemu-zevaniye-zarazno-prichiny-zevoty-vred-i-opasnost-zevaniya-kak-poborot-zevotu> (дата обращения 22.02.2021).

6. Салиева Л.К. Риторическая компетентность как базовая цель образования в эпоху информационной диктатуры // Alma mater. Вестник высшей школы. 2017. № 8. С. 93–96.

УДК 82-43:811.111

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «КАШТАНКА»

О.В. Спачиль

Кубанский государственный университет, Краснодар

А.А. Ильина

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются проблемы перевода фразеологизмов в рассказе А.П. Чехова «Каштанка». Дан краткий обзор осмысления рассказа российскими и зарубежными филологами. Сравнивается степень адекватности и эквивалентности переводов Констанс Гарнетт и коллаборации Р. Пивера и Л. Волохонской. Сделаны выводы об основных способах перевода фразеологизмов и зависимости переводов от стилистических особенностей всего текста, обосновывается неизбежность новых переводов чеховского шедевра.

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Каштанка», перевод, К. Гарнетт, Р. Пивер, Л. Волохонская, фразеологизмы.

The Peculiarities of English Translation of Phraseological Units in A.P. Chekhov's Short Story "Kashtanka"

Olga V. Spachil

Kuban State University, Krasnodar

Anna A. Ilyina

Kuban State University, Krasnodar

The paper deals with the problems of English translation of phraseological units in A.P. Chekhov's short story "Kashtanka". The paper contains a brief survey of Russian and foreign studies of "Kashtanka". The translation versions of C. Garnett and R. Pevear and L. Volokhonsky collaboration are compared as far as their equivalence and adequacy is concerned. The conclusion deals with the main ways of phraseological units' translation. It deals with the role of the style of the story on translator's choice. It is inevitable that new translations of Chekhov's masterpiece will come into existence.

Key words: A. P. Chekhov, "Kashtanka", translation, C. Garnett, R. Pevear, L. Volokhonsky, phraseological units.

Чеховские фразеологизмы представляют собой уникальное, стилеобразующее явление. Исследователи обратили внимание на идиоматичность языка писателя уже давно: в особую группу выделяют библейские фразеологизмы [10], проведён анализ фразеологизмов в ранних фельетонах Чехова [4]. В 2005 г. Е.П. Бережная защитила кандидатскую диссертацию о фразеологических неологизмах в произведениях раннего и позднего творчества Чехова [3]. Примечательно, что А.П. Чехов, наряду с использованием широко распространённых традиционных фразеологизмов, не только часто переделывал их, создавая свои варианты, но и придумывал совершенно новые фразеологизмы, которые на сегодняшний день прочно вошли в состав языка. Важность

фразеологизмов в языке писателя очевидна, они – характерная черта индивидуального стиля писателя. Благодаря фразеологизмам создается неповторимая образность, юмор и глубокая ирония. Настоящее исследование ставит своей целью рассмотрение преобразований, которые претерпевают чеховские фразеологизмы при переводе. Под фразеологической единицей мы понимаем «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее целостным значением» [12, с. 4].

Перевод фразеологизмов считается одной из самых больших трудностей. Так видные теоретики перевода С.И. Влахов и С.П. Флорин отнесли фразеологизмы к «непереводимому в переводе» [6]. Перевод фразеологизмов – задача не из лёгких, как пишет в своём исследовании на эту тему Е. В. Шепелева, переводчик «должен ощутить себя частью той культуры, на языке представителей которой написан тот или иной текст, должен вжиться в него, сделать единственно возможным и в то же время неповторимый вариант перевода» [20]. Вопрос о переводе чеховских фразеологизмов исследован недостаточно полно. Предлагаемая статья, насколько нам известно, является первой попыткой рассмотрения перевода фразеологизмов в рассказе А.П. Чехова «Каштанка» (1877).

Опубликованная в 1887 г. история для детей о потерявшейся дворняге, сегодня стала мировым шедевром для взрослых и вошла не только в *The Norton Book of Friendship* («Нортоновская книга о дружбе») (1991) [16] как уникальный пример преданности и верности, но стала, например, для иранских исследователей метафорой человеческой бездомности, символом метаний между землёй предков и новым, необжитым местом, куда человека забрасывает жизнь [24]. Особенности чеховских собак давно обратили на себя внимание и, если в предшествующей литературной традиции, например, у Тургенева или Гончарова, собаки в основном характеризуют своих хозяев, то у Чехова, как пишет А.П. Чудаков, они «представляют для автора самостоятельный интерес и вполне бы могли дать достаточный материал для трактата “Псы у Чехова”» [18, с. 514]. Эти животные в произведениях писателя почти всегда наделены не только индивидуальным нравом и темпераментом, но и тем, что Н.А. Дмитриева назвала характером: «...в качестве эпизодических лиц они появляются очень часто и почти всегда обладают собственными характерами: умные и глупые, добрые и злые, флегматики и сангвиники» [9, с. 159]. Сегодня «Каштанку» читают во всём мире как литературную метафору проблем и страданий человека [14].

В данной статье мы рассмотрели две переводческие версии. Одна, более ранняя, принадлежит Констанс Гарнетт (1861–1946) [21], вторая создана творческим союзом переводчиков-супругов, или, как ещё их называют, коллаборацией Ричарда Пивера (род. 1943) и Ларисы Волохонской (род. 1944) [22]. Анализируя качество переводов рассказа

«Каштанка», мы оперируем двумя важнейшими понятиями переводоведения – адекватность и эквивалентность. Синонимичность самих слов, ставших терминами, давно вызывает споры среди учёных [19]. В данной статье под адекватным переводом мы понимаем «перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса языка перевода, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода» [11, с. 200], а под эквивалентностью – «семантическую категорию, реализующуюся в смысловом совпадении текстов на языке оригинала и текста на языке перевода» [2, с. 150]. При этом мы понимаем, что абсолютная эквивалентность невозможна, но при переводе следует говорить о максимальном приближении к более полной эквивалентности.

Рассмотрим последовательно перевод некоторых фразеологизмов, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес.

Фразеологизм «**дать себе отчет**» использован Чеховым нестандартно: он применяет действие, носящее характер человеческой деятельности, по отношению к собаке, которая априори не может заниматься никакой бухгалтерской работой, оправдывать или объяснять. Словарь В.И. Даля так объясняет слово «отчет»: «подробное показание действий своих, ответов, оправданье или объяснение по своему управленью, распоряженьям; показание счетом расхода и прихода денег или припасов, за известный срок. *Годовой отчет министерства, губернатора. Дело это на моем отчете*, я отвечаю за него, отдаю отчет в нем» [7, с. 759]. «Учебный фразеологический словарь» так определяет значение фразеологизма: «Полностью понимать, осознавать что-либо. Сущ. со знач. лица: отец, студент, врач... дает себе отчет в чем? в действиях, в поступках...; давать себе отчет в том, что...» [4]. В предложении с этим фразеологизмом мы видим также и другие действия собаки, присущие человеку: «Изредка она останавливалась и, плача, приподнимая то одну озябшую лапу, то другую, старалась дать себе отчет: как это могло случиться, что она заблудилась?» (С. VI, 430) [17]. Таким образом, уже во вступительном абзаце Чехов очеловечивает своего главного героя – собаку.

В двух английских переводах используется один и тот же метод фразеологического аналога, но выбраны разные фразеологизмы: “to make up her mind” в переводе К. Гарнетт и “to figure out” в переводе Р. Пивера и Л. Волохонской. Сравним значения данных выражений. Если «дать себе отчет» значит полностью понимать, осознавать что-либо, то “to make up her mind” – «решить, что сделать или предпринять, смириться», а “to figure out” – вычислять, понимать, постигать [1]. Сравнение переводов, позволяет утверждать, что сема «понимание», «осознание» присутствует только в

семантической структуре фразеологизма “to figure out”, использованного в переводе Р. Пивера и Л. Волохонской. Именно этот перевод в данном случае является более адекватным и эквивалентным не только русскому фразеологизму, но и контексту, в котором подчёркивается сродность умственной и эмоциональной жизни собаки и человека.

Для понимания важности перевода названий профессий в рассказе и связанного с ними фразеологизма, обратим внимание на упоминания первого владельца Каштанки: «её хозяин, столяр, Лука Александрыч». Его имя и отчество появляются в рассказе трижды. Слово «хозяин» использовано в тексте рассказа 60 раз, из них только 7 раз оно относится к Луке Александрычу, остальные 53 словоупотребления относятся к новому хозяину – актёру цирка. Слово «столяр» использовано 13 раз, плюс значимые для собаки запахи стружек, лака и клея, которые кажутся Каштанке такими восхитительными, также непосредственно указывают на профессию хозяина. «Столяр» – доминирующая номинация первого хозяина Каштанки, она подчёркивает гордость персонажа своей профессией. В тексте дважды, в сильной позиции (начало и конец рассказа) повторены умозаключения Луки Александрыча об иерархии в мире живых существ «Ты, Каштанка, насекомое существо и больше ничего. Супротив человека ты всё равно, что плотник супротив столяра...» (С. VI, 431). «А ты, Каштанка, – недоумение. Супротив человека ты всё равно, что плотник супротив столяра» (С. VI, 449). Собственная Профессия, как видно из рассказа – единственная реальная основа для самоуважения небогатого, пьющего и вдового персонажа, а расстояние, которое, по его мнению, отделяет на шкале эволюции насекомое от человека, равно расстоянию между столяром и плотником, хотя общеизвестно, что эти специальности находятся в пределах одного ремесла. Саморазоблачительный характер «афоризмов» Луки Александрыча очевиден: «Даже маленькому читателю известно, что у столяра и плотника профессия общая и плотнику не так далеко до столяра, тем более вечно пьяного, чтобы столяру над плотником превозноситься. А значит, и человеку, столь грешному, не стоит слишком превозноситься над доброй умной собакой» [9, с. 183]. На фоне преданной и разумной собаки «недоумением» уже выглядит сам столяр.

Такое предварительное исследование номинаций Луки Александрыча стало необходимым для понимания следующего фразеологического оборота «**пьян как сапожник**». «Одним словом, когда Каштанка попала на незнакомый тротуар, то уже вечерело и столяр был пьян, как сапожник» (С. VI, 430). За этим фразеологизмом видна авторская ирония, что прослеживается в употреблении фразеологизма с наименованием профессии, которой так гордится хозяин Каштанки – «столяр». В переводе Р. Пивера и Л. Волохонской применяется метод фразеологического аналога: “and the cabinetmaker was as drunk as a fish”,

т.е. в полном соответствии с английской лингвокультурой подбирается фразеологизм, в котором совершенно пьяный человек пьян как рыба. Переносное значение сохраняется, однако теряется компонент «профессия» и вследствие этого сама ирония. К. Гарнетт использует метод калькирования: “and the carpenter was as drunk as a cobbler” и сохраняет как иронию, так и образность выражения. Однако, в случае перевода Гарнетт, есть один большой недостаток. Говоря о профессии Луки Александрыча, она везде использует слово “carpenter”, т. е. плотник, а в повторённом дважды умозаключении по поводу иерархической лестницы, на которой столяр стоит выше плотника, использует слово – “cabinet maker” / «краснодеревщик», тем самым переводчица нарушает ряд повторов номинаций персонажа, выстроенный А.П. Чеховым. Более того, сравнивается краснодеревщик со столяром – “joiner”. Повторимся, нигде в тексте нет указания на то, что Лука Александрыч именуется себя “cabinetmaker” / «краснодеревщик». Таким образом, чётко установленная в чеховском тексте связь между столяром, который выше плотника, в переводе Гарнетт нарушена: “You, Kashtanka are an insect of a creature, and nothing else. Beside a man, you are much the same as a joiner beside a cabinetmaker...” [21, p. 286]. Размывание переводчиками чеховских повторов путём введения синонимов – часто наблюдаемое явление, о котором мы уже писали [15].

Выражение **«загремела музыка»** помимо определенной глагольной сочетаемости (например, мелодия или вальс «загреметь» не могут) выделяется определенной семантикой. Обычно глагол «греметь» («загреметь»), означающий производить громкий звук, применяют к предметам, способным издавать громогласный, звонкий шум. Такими предметами или явлениями могут быть посуда, оружие, барабаны, гром, выстрелы и т. д. Используя это словосочетание, Чехов говорит о приближении полка, и если для человека этот шум создает положительное впечатление («...столяр, вместо того, чтобы испугаться, завизжать и залаять, широко улыбнулся, вытянулся во фронт и всей пятерней сделал под козырек» (С. VI, 431), то у собаки он вызывает сильный страх. Словосочетанием «загремела музыка» Чехов создает определенную ситуацию; с одной стороны, в этой фразе присутствуют такие компоненты как «громкость», «внезапность», с другой стороны – две реакции противоположные на это явление. В обоих переводах использован аналог “burst of music”. Опуская различие грамматических категорий, анализируем семантику слов «греметь (несов. в.)» и “burst”. Глагол «греметь» имеет два значения: производить громкие звуки и иметь широкую и громкую известность.

Существительное «burst» переводится на русский как «взрыв», означая «разрушение, при котором то, что находилось внутри, вырывается наружу», а также как «всплеск», означающий «внезапное проявление чего-

либо, в основном на короткий период времени». И в том, и в другом определении содержатся компоненты, входящие в состав слова «греметь» – «громкость», т.к. взрыв обыкновенно происходит с сопровождением сильных и громких звуков, и «внезапность». Таким образом, перевод полностью сохраняет комплекс значений данной фразы.

Примечательно использование фразеологизма со словом «позеленело» вместо традиционного «потемнело» – **«зеленело в глазах»**. Напомним, что речь идёт о немилосердной игре с Каштанкой сына столяра Федюшки: «Он вытаскивал ее за задние лапы из-под верстака и выделывал с нею такие фокусы, что у нее зеленело в глазах и болело во всех суставах» (С. VI, 434). Скорее всего дело было именно в болезненных ощущениях, которые вызывают появление перед глазами зеленых пятен. Этот патологический признак хорошо был известен Чехову-врачу, и мы имеем дело с сознательной или бессознательной интерференцией профессии автора. Зелёные пятна могут означать головокружение, реакцию на сильную боль. Большой русско-английский фразеологический словарь даёт следующий ряд: «в глазах темнеет / потемнело, мутится / помутилось, замутилось, зеленеет / позеленело»

Кроме того, существуют исследования об особой семантической нагруженности зеленого цвета в прозе и драматургии Чехова. Здесь важно было сохранить название зеленого цвета, поэтому в обоих вариантах перевода присутствует колоратив “green”: “she saw green before her eyes” в варианте К. Гарнетт и “everything turned green in her eyes” у Р. Пивера и Л. Волохонской. Различие заключается в использовании грамматических форм, передающих состояние связанного с зеленым цветом. Слово “green” является эквивалентом слова «зеленый», однако иногда цвета имеют различные значения в разных языках. Это важно учитывать, т.к. «каждый цвет в работе означает определенную эмоцию» [13, с. 55]. В данном случае используется прием описания, т.к. в английском языке нет эквивалента фразеологизма «в глазах зеленеет».

«Но скоро утомление и теплота взяли верх над грустью...». Фразеологизм **«взять верх над чем-либо»**, обозначающий в данном контексте «осиливать», «побеждать», «одолевать» также не имеет эквивалента в английском языке. Перевод данной единицы представляется двумя глаголами со схожим значением – “to prevail over” в переводе К. Гарнетт и “to overcome” в варианте Р. Пивера и Л. Волохонской, которые можно расценивать как синонимы представленного фразеологизма. В этом случае в обоих переводах сохраняется передача значения, однако отсутствует фразеологическая образность.

Вызвал определенные трудности перевод заглавия второй главы **«Чудеса в решете»**. Перед нами редуцированный вариант пословицы, полный вариант которой находим в словаре В.И. Даля – «Чудеса в решете: дыр много, а выскочить некуда!» [8, с. 95]. Решето, как распространённый

и широко употреблявшийся предмет быта – составная часть многих русских пословиц. В.И. Даль приводит их более двадцати. В английской лингвокультуре эквивалент русского слова «решето» – “sieve” – используется либо в прямом значении, либо в переносном значении, когда речь идет о болтуне. Пословиц с этим словом мы не обнаружили. К. Гарнетт подбирает перевод “Marvels on a Hurdle”, где “marvels” переводится как «чудо, диво, нечто замечательное», а “hurdle” как «переносная загородка, переносной плетень, решётка из прутьев». Мы имеем дело с дословным переводом, калькой с русского языка за исключением предлога «в», который передан в английском варианте как “on” / «на». Возможно, замена предлога «в» на предлог «на» была вызвана непониманием самой переводчицей смысла русского фразеологического оборота. В обратном переводе получается «Чудеса на плетне». Мы провели небольшой опрос среди образованных носителей английского языка и получили вполне предсказуемый результат: фразу “Marvels on a Hurdle” не смог понять никто. Калька с русского языка на английском оказалась бессмыслицей.

Р. Пивер и Л. Волохонская пошли другим путём и дали описательный перевод “Feats of Wonder”, что в обратном переводе значит «Чудеса» или «Чудесные подвиги». Данный перевод представляется более адекватным и эквивалентным, прежде всего потому, что он понятен англоязычной аудитории.

Есть в тексте Чехова и такие фразеологизмы, которые имеют прямые соответствия в английском языке. Они, совершенно естественно, трудностей не вызвали. Так фразеологизм «ни души» в предложении «В комнате не было ни души» (т. е. никого) имеет полный эквивалент в английском языке и был переведен в обеих версиях совершенно идентично: “There was not a soul in the room”. Точно таким же образом устойчивое словосочетание «**терять из виду**» не представляет трудности для перевода, так как имеет эквивалент в английском языке – “to lose sight of somebody”. Различаются лишь грамматические конструкции: К. Гарнетт использует прошедшее продолженное время, перечисляя все действия Луки Александрыча: “The carpenter was continually losing sight of her, stopping, and angrily shouting at her”. В переводе Р. Пивера и Л. Волохонской используется простое прошедшее время с конструкцией “keep + gerund” в значении «не переставать что-либо делать» и глаголом would, выражающем неоднократное действие в прошлом: “The cabinetmaker kept losing sight of her and would stop and shout angrily at her”. Различие в грамматике обуславливается фразеологизмом «то и дело», обозначающим «очень часто, непрерывно, беспрестанно»: «Столяр то и дело терял ее из виду, останавливался и сердито кричал на нее». Оба варианта перевода выполняют функцию беспрестанного действия; К. Гарнетт акцентирует внимание на перечислении действий, а также

пользуется формой времени соответственно жанру рассказа, а Р. Пивер и Л. Волохонская подчеркивают значение первого действия и указывают на повтор действий. Таким образом, несмотря на различие в использовании грамматических структур в двух переводах, важнейшей составляющей является лексический аспект, малейшее различие в котором вызывает разные коннотативные оттенки в понятиях, следовательно, он должен рассматриваться в первую очередь при выборе предпочтительного варианта перевода.

Как пример полного совпадения семантических структур русского и английского слов, можно рассмотреть слово **«подкрепляться»**. «Заказчики Луки Александрыча жили ужасно далеко, так что, прежде чем дойти до кажего из них, столяр должен был по нескольку раз заходить в трактир и подкрепляться» (С. VI, 430). Значение лексемы «подкрепляться» в словаре Д.Н. Ушакова определяется так: «Подкрепиться, подкреплюсь, подкрепишься, соверш. (к подкрепляться) (разг.). Закусить, поесть или выпить алкогольного для придания себе бодрости, силы». В английском варианте данное понятие выражается через глагол “fortify”, который совпадает денотативно с глаголом «укреплять», от которого образован возвратный глагол «подкрепляться». По определению словаря английского языка Коллинза / Collins English Dictionary, “to fortify – to make strong; impart strength or vigor to”. Кроме того, этот глагол используется в значении повышения градуса спиртных напитков: “to add distilled grape spirits to (wine) during fermentation to increase the alcohol content” [23]. Также действие этой лексемы в виде отглагольного прилагательного на человека выражается таким определением: “If you are fortified by something such as food, drink, or an idea, it makes you feel more cheerful, determined, or energetic”. Таким образом, трансформация лексемы «подкрепляться» в обоих переводах полностью сохраняет значение с помощью такого словосочетания как “to fortify himself”. Сравним переводы. К. Гарнетт: “The people Luka Alexandritch worked for lived a very long way off, so that, before he could get to any one of them, the carpenter had several times to step into a tavern to fortify himself” [21, p. 285]. Р. Пивер и Л. Волохонская: “Luka Alexandrych’s customers lived terribly far apart, so on his way from one to the other he had to stop several times at a tavern and fortify himself” [22, p. 131].

Анализ переводов некоторых фразеологизмов показывает, что переводчики использовали хорошо описанные в переводоведении приемы. Это прежде всего метод фразеологического эквивалента, метод фразеологического аналога, дословный перевод фразеологизмов и описательный перевод фразеологизмов. В переводе наиболее желательно применение метода фразеологического эквивалента, так как он наиболее полно воспроизводит оригинал, достигая и эквивалентности, и адекватности одновременно. Однако таких фразеологизмов довольно мало,

а некоторые из них имеют расхождения в значениях и являются так называемыми «ложными друзьями переводчика».

Как видно из приведенного анализа, взятые сами по себе, эти методы не всегда бывают успешными. Не удался дословный перевод фразеологизма «чудеса в решете». Совершенно правильно подобранный английский фразеологический аналог “drunk as a fish” выпал из выстроенной Чеховым стройной поэтической структуры рассказа, а замена повторяющегося слова «столяр» в английском варианте на два слова не всегда бывает успешен, как в случае с “carpenter” и “cabinet maker” в переводе К. Гарнетт. Очевидно, что текст должен переводиться как некое органичное целое, в котором отдельно взятые части – залог общей стилистической гармонии. При таком подходе к тексту, когда перевод предваряют анализ текста и его интерпретация, некоторых потерь вполне можно избежать.

При оценке переводов всегда есть соблазн сравнения и вынесения своеобразного вердикта. В переводе К. Гарнетт есть прямая ошибка: в седьмой главе нарушен смысл высказывания Федюшки, когда тот обращается к «тятке», но переводчица перепутала слова «тятка» и «тетка» и читатель получил предложение: “Auntie!” cried a child’s voice, “why, it’s Kashtanka!” [21, p. 301]. В переводе Р. Пивера и Л. Волохонской дан верный вариант: “Daddy!” a child’s voice cried. “That’s Kashtanka!” [32, p. 146]. Т.е. «– Тятка! – крикнул детский голос. – А ведь это Каштанка» (С. VI, 448). И, тем не менее, мы не будем говорить о том, какой перевод лучше. У каждого переводчика есть свои обретения и свои потери. К. Гарнетт одной из самых первых взялась за переводы рассказов Чехова. Тем, кто шёл за ней, было несравненно легче.

Рассказы А.П. Чехова, несущие в себе бесконечно добрый, искренний, человеческий посыл, понятны людям во всём мире и сегодня по праву являются достоянием всего человечества, количество переводов произведений писателя на языки мира продолжает неуклонно расти. Фразеологизмы активно изучаются в рамках лингвокультурологии. Поиски максимально эквивалентных и адекватных способов передачи национально-культурных и индивидуально-стилевых особенностей художественных текстов приводят к появлению различных вариантов переводов на один и тот же язык. Эти два фактора – всечеловеческий посыл творчества А.П. Чехова и практически неисчерпаемые возможности приближения текста перевода к тексту подлинника гарантируют появление все новых переводов, которые, мы надеемся, примут во внимание ошибки и несовершенства предшественников.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М. Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1993–1994 [Электронный ресурс]. URL: <https://eng-rus.slovaronline.com/search?s=make+up+one%27s+mind> (дата обращения: 25.10.2020).
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) М.: Международные отношения, 1975. 230 с.
3. Бережная Е.П. Фразеологические неологизмы в произведениях раннего и позднего творчества А.П. Чехова: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 471 с.
4. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-phraseologiya-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 25.10.2020).
5. Быстрова Т.Е. Фразеологизмы в ранних фельетонах А.П. Чехова «Осколки московской жизни» // Вестник ВятГУ. 2017. №1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizmy-v-rannih-felietonah-a-p-chehova-oskolki-moskovskoy-zhizni> (дата обращения: 29.09.2020).
6. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: «Р. Валент», 2012. 406 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.2: И – О. М.: ТЕРРА, 1995. 784 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Н – V. М.: ТЕРРА, 1995. 688.
9. Дмитриева Н.А. Послание Чехова. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 368 с.
10. Дубровина К.Н. Библейская фразеология в произведениях А.П. Чехова // Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М., 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.wikireading.ru/57467> (дата обращения: 25.10.20).
11. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
12. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
13. Самсонова Н.В. Зеленый цвет у Чехова драматурга и прозаика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2005. № 1. С. 75–77.
14. Сендерович М. «Каштанка» Чехова: Метаморфозы памяти в лабиринте времени (структурно-феноменологический этюд) // А. П. Чехов: pro et contra, антология. Т. 3. СПб.: РХГА, 2016. С. 390–402.
15. Спачиль О.В. Щаренская Н.М. К вопросу о переводах прозы А.П. Чехова на английский язык // Взаимодействие языков и культур: исследования выпускников и потенциальных участников программ Фулбрайта: материалы докладов IV Междунар. науч. конф. (15–16 апреля 2015 г.). Череповец: ЧГУ, 2015. С. 121–124.
16. Спачиль О.В. Рассказ А.П. Чехова «Каштанка» в «Нортоновской книге о дружбе» // Филология и культура. Philology and Culture. 2020. № 1 (59). С. 204–211.
17. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М.: Наука, 1974–1985.
18. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
19. Шамова Н.В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-ponyatiy-ekvivalentnost-i-adekvatnost-v-perevode> (дата обращения: 23.10.2020).

20. Шепелева Е. В. Особенности перевода фразеологизмов // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2009. № 11 (15). С. 68–72.

21. Chekhov A. Kashtanka / Translated by Constance Garnett // The Norton Book of Friendship. New York: W.W. Norton & Company, 1991. P. 285–301.

22. Chekhov A. Kashtanka / Translated by R. Pevear and L. Volokonsky // Anton Chekhov's Selected Stories. A Norton Critical Edition. New York: W.W. Norton & Company, 2014. P. 131–147.

23. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/es/diccionario/ingles/fortify> (дата обращения: 25.10.2020).

24. Rezazade, F., Zohdi, E. & Oroskhan, M. H. A Sense of “Unhomeliness” in Anton Chekhov's Kashtanka's Vacillation between Two Worlds // International Journal of English language and Translation Studies, 2015. 3 (3). P. 135–142.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК:821.161.1 "18/19":78(430) "17/18"

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ЛЮДВИГА ВАН БЕТХОВЕНА В ПОЭЗИИ РУССКИХ АВТОРОВ 19-20 ВВ.

А.А. Бакараева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируются произведения русских поэтов 19-20 вв., посвящённые музыке выдающегося немецкого композитора Людвига ван Бетховена. Приводятся примеры рецепции творчества композитора в поэзии русских классиков (А.А. Фет, О.Э. Мандельштам, М.И. Цветаева, Н.А. Заболоцкий, А.А. Ахматова). Раскрывается взаимовлияние музыки и литературы как видов искусства. Проводится сравнение литературного образа композитора-гения и реальной исторической личности в поэтических сочинениях указанных авторов. Затрагивается вопрос о роли музыки в жизни человека искусства.

Ключевые слова: Л. ван Бетховен, А.А. Фет, О.Э. Мандельштам, М.И. Цветаева, Н.А. Заболоцкий, А.А. Ахматова, взаимовлияние видов искусств.

The Reflection of Ludwig van Beethoven's Art in the Poetry of Russian Authors of the 19th- 20th Centuries

Anastasia A. Bakaraeva

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod

The article deals with the analysis of pieces of literature by Russian poets devoted to the music of the outstanding German composer Ludwig van Beethoven. The examples of reflection of Beethoven's creative work in Russian poetry (A.A. Fet, O.E. Mandelstam, M.I. Tsvetaeva, N.A. Zabolotsky, A.A. Akhmatova) are given. The mutual influence of music and literature as two interconnected spheres of art is revealed. The literary image of the genius composer in the poetical compositions of the authors under consideration and his real historical personality are compared. The problem of the role of music in life of an artist is touched upon.

Key words: Ludwig van Beethoven, A.A. Fet, O.E. Mandelstam, M.I. Tsvetaeva, N.A. Zabolotsky, A.A. Akhmatova, interconnection of arts.

Произведения Людвига ван Бетховена занимают особое место среди европейской классической музыки. На протяжении веков творчество композитора привлекало внимание не только ценителей прекрасного, но и людей искусства. К примеру, русские поэты различных эпох обращались к музыке Людвига ван Бетховена и находили в ней источник вдохновения.

Так, анализируя творчество А.А. Фета, русского поэта с немецкими корнями, И.В. Борисова и Д.Н. Жаткин отмечают, что музыке великого композитора посвящено отдельное его произведение под названием “Anruf an die Geliebte Бетховена” («Призыв к возлюбленной Бетховена», 1857). Прочитируем фрагмент стихотворения:

«Пойми хоть раз тоскливое признание,
Хоть раз услышь души молящей стон!
Я пред тобой, прекрасное создание,
Безвестных сил дыханьем окрылен.» [14]

Авторы обращают внимание на то, что А.А. Фет намеренно упоминает песню из цикла “An die ferne Geliebte” («К далёкой возлюбленной»), созданного Бетховеном в 1816 году на слова А. Ейтелеса, в заглавии своего стихотворения. Тем самым поэт выражает почтительное отношение к гению мира музыки и его произведению [2, с. 259]. А.А. Фет создаёт собственную интерпретацию творения Людвиг ван Бетховена, передаёт впечатление, произведённое на него звучанием песни. В музыке Бетховена он видит воплощение прекрасного, средоточие светлого начала. Исследователи подчёркивают, что поэт обращается к своей возлюбленной как к «божеству» и «прекрасному созданию»: «Я пред тобой, прекрасное создание, безвестных сил дыханьем окрылён», — пишет А.А. Фет [14]. Как и мелодия, созданная Бетховеном, стихотворение поэта проникнуто чувством глубокой тоски по недостижимому идеалу. Однако не следует приравнивать состояние лирического героя произведения к унынию и печали. По мнению авторов, герой стихотворения испытывает эмоциональный подъём, все его чувства напряжены, он погружен в мир своих грёз. Мысленно обращаясь к возлюбленной с мольбой услышать его искреннее признание, он не получает ответа. Мотивы неизбежной разлуки и одиночества, переживаемых лирическим героем, создают атмосферу светлой грусти и неугасающей надежды. Самые сокровенные эмоции, порождённые в душе поэта великолепной музыкой Людвиг ван Бетховена, нашли воплощение в строках стихотворения.

Творчество Бетховена приводило в восторг и поэтов «серебряного века». Восхищаясь гением композитора, Осип Эмильевич Мандельштам в 1914 году создал стихотворение под названием «Ода Бетховену». Образ музыканта, описанный с строках произведения, довольно противоречив. С одной стороны, Бетховен предстаёт творцом искусства, находящимся в поиске недостижимого идеала. Рассуждая о выразительности метафорических образов, созданных в стихотворении, Б.А. Минц подчёркивает, что огонь выступает символом вдохновения, избранности гения [12, с. 76]. Однако в то же время композитор показан одиноким, покинутым человеком, не понятым окружающими. Приведём пример из текста стихотворения:

«И в тёмной комнате глухого
Бетховена горит огонь» [10].

Эти строки произведения О.Э. Мандельштама проникнуты мотивом тоски и одиночества. Будучи погружённым в собственные мысли, музыкант выглядит чудачком, в котором сложно узнать талантливое композитора. Так описывает Бетховена поэт:

«Кто этот дивный пешеход?
Он так стремительно ступает
С зелёной шляпою в руке,
И ветер полы раздувает
На неуклюжем сюртуке» [10].

Выразительные эпитеты, использованные автором, помогают создать яркий и узнаваемый портрет гения. Более того, О.Э. Мандельштам сопоставляет образ Бетховена с лирическим героем стихотворения. Как и глухой музыкант, герой одинок. Его искренние чувства оставлены без ответа. Как для композитора, так и для лирического героя искусство становится единственным средством выражения своих переживаний.

Тема музыки является одной из ведущих в лирике Марины Ивановны Цветаевой. С раннего детства поэтесса отличалась любовью к классическим мелодиям, среди которых были и произведения Бетховена [13]. Рассуждая о мотиве музыки в поэзии М.И. Цветаевой, В. Финкель приходит к выводу о том, что имя композитора не единожды упоминается в её стихотворениях [15]. Более того, фамилия Бетховена становится именем нарицательным и используется в качестве оригинального поэтического тропа. В частности, в стихотворении «Пахнет ладаном воздух», написанном в 1918 году, «бетховенские бури» олицетворяют неукротимую стихию, неподвластную воле человека:

«Героическим громом бетховенских бурь
Город мстит...» [16].

Данная развёрнутая метафора выступает кульминацией напряжения, созданного при помощи комбинации приёмов метафоры и градации: «Громовыми руладами рвётся рояль... героическим громом бетховенских бурь город мстит...» — такую картину изображает М.И. Цветаева в строках своего произведения [16]. Напротив, в более раннем стихотворении 1915 года «Ты проходишь своею дорогою» яркий эпитет «незнакомка с челом Бетховена» символизирует творческую натуру героини произведения, её глубину, необузданный характер и многогранность таланта. В этих строках фамилия выдающегося композитора выступает обозначением одарённой личности, способной понять истинное значение искусства и тайный смысл творений М.И. Цветаевой:

«Все усмешки стихом парируя,

Открываю тебе и миру я
 Всё, что нам в тебе уготовано,
 Незнакомка с челом Бетховена!» [17].

Данным обращением поэтесса завершает своё стихотворение, вверяя его той, кому оно посвящено.

Н.А. Заболоцкий также восхищался дарованием талантливого композитора и посвятил ему отдельное произведение, названное фамилией музыканта — «Бетховен»; стихотворение создано в 1946 году. В отличие от М.И. Цветаевой автор не приравнивает творчество Бетховена к стихии, а ставит музыку выше сил природы. Как отмечает Г.Г. Коптева, анализируя стихотворение Н.А. Заболоцкого, поэт видит сходство композитора «с царём всего животного мира — львом» [9, с. 174–175]. Эпитет «львиный лик» показателен, так как он символизирует величие творца музыки и его таланта:

«Дубравой труб и озером мелодий
 Ты превозмог нестройный ураган,
 И крикнул Ты в лицо самой Природе,
 Свой львиный лик просунув сквозь орган» [6].

Борьба композитора с силами природы олицетворяет преодоление им собственного недуга, сопротивление судьбе. Примечательно, что Н.А. Заболоцкий мысленно обращается к Бетховену на «ты», видя в его лице единомышленника, соратника по творчеству. В стихотворении также отражена способность человека искусства замечать прекрасное начало в самых простых, обыденных вещах и воплощать его в жизнь в своих произведениях: «В рогах быка опять запела лира, пастушьей флейтой стала кость орла...» [6]. По мнению Н.А. Заболоцкого, музыка Бетховена обладает великой созидательной силой, способной до неузнаваемости преобразить окружающий мир. Творчество композитора вбирает в себя лучшее из того, что гений наблюдает вокруг себя. Автор стихотворения убеждён, что музыка призвана служить торжеству добра и пробуждать в душе слушателей возвышенные чувства. Н.А. Заболоцкий уверен, что предназначение искусства состоит в изменении окружающей творца действительности и внутреннего мира человека в лучшую сторону.

Творчество Бетховена не оставляло равнодушной и Анну Андреевну Ахматову. Б.А. Кац и Р.Д. Тименчик утверждают, что поэтесса на протяжении всей жизни уделяла музыке большое значение [7; 8]. Так, размышляя о миссии гения в стихотворении «Поэт не человек – он только дух», А.А. Ахматова намеренно упоминает великого немецкого композитора. Сравнение «как Бетховен, глух» носит метафорический характер. В отличие от Н.А. Заболоцкого, под «глухотой» музыканта А.А. Ахматова подразумевает не серьёзный физический недуг, а отрешенность творца от суеты и обыденности. По мнению автора, гений

способен замечать гораздо больше, нежели обычный человек. Более того, творчество позволяет ему найти ответы на самые сложные вопросы в своём внутреннем мире: «Всё видит, слышит, всем владеет...» – восклицает А.А. Ахматова [1]. Следует отметить, что в данном произведении фамилия композитора выступает обозначением человека искусства, гения, наделённого редким, исключительным даром. Стихотворение представляет собой поэтическое кредо автора, в котором Бетховен позиционируется как образец для подражания, идеал творца.

В заключении хочется ещё раз отметить, что каждый из авторов по-своему воспринимал личность Людвиг ван Бетховена и его музыку. В русской поэзии 19–20 веков композитор показан как гений, мастер своего дела, чей талант невозможно переоценить. Не меньшее внимание авторы уделяли личным качествам музыканта, предпринимая попытки разгадать тайны его внутреннего мира. Очарованные красотой его музыки, поэты приравнивали творчество композитора к бурной стихии. Более того, имя Бетховена стало символом человека искусства, свободного от земных забот и находящегося во власти одного лишь вдохновения. В своих произведениях авторам удалось создать уникальный образ гения, погружённого в мир творчества.

Список литературы

1. Ахматова А.А. Поэт – не человек, он только дух // Я научила женщин говорить. Москва: Эксмо, 2009. 290 с.
2. Борисова И.В., Жаткин Д.Н. Отражение проблематики немецкой классической музыки в русской поэзии 19 века // Вестник ЧГПУ. 2009. №2. С. 258–259.
3. Борисова И.В. Рецепция немецкой музыкальной классики в русской литературе 19 века: Автореф. дис. канд. филол. наук. Ульяновск, 2009. 20 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/retseptsiya-nemetskoi-muzykalnoi-klassiki-v-russkoi-literature-xix-veka> (дата обращения 18.02.2021).
4. Давыдова А.В. Музыкальные образы в русской лирике начала 20 века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2006. 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/muzykalnye-obrazy-v-russkoi-lirike-nachala-xx-veka> (дата обращения 18.02.2021).
5. Жаворонкова Т.Ф., Мусаев Ф.А. Концепт усадебной лирики в поэтическом творчестве А.А. Фета. Актуализация проблемы. Фундаментальные исследования. 2014. № 12 (2). С. 420–424.
6. Заболоцкий Н.А. Бетховен // Избранные произведения. Москва: Художественная литература, 1972. 720 с.
7. Игошева Т.В., Лоцилов И.Е. Н.А. Заболоцкий: pro et contra. Личность и творчество Н.А. Заболоцкого в оценке писателей, критиков, исследователей. Антология. Санкт-Петербург, 2010. 1064 с.
8. Кац Б.А., Тименчик Р.Д. Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки // Санкт-Петербург (Ленинград): Советский композитор, 1989. 336 с.
9. Коптева Г.Г. Эпос и лирика в поэзии Заболоцкого // Сибирские огни, 2006. №6. С. 169–176.

10. Мандельштам О.Э. Ода Бетховену // Век мой, зверь мой (сборник) Москва: Эксмо, 2011. 48 с.
11. Минералова И.Г. Образное воплощение Духа и Души в поэтическом наследии Николая Заболоцкого // Вестник литературного института им. А.М. Горького. 2003. № 1–2. С. 109–119.
12. Минц Б.А. Над страницами автографа «Оды Бетховену» О. Мандельштама. Известия Саратовского университета. Сер. Филология, журналистика. 2009. Вып. 2. С. 76–80.
13. Смелова О.А. Музыка стихотворений М.И. Цветаевой // Инновационные проекты и программы в образовании, 2009. № 4. С. 47–57.
14. Фет А.А. Anruf an die Geliebte Бетховена («Призыв к возлюбленной Бетховена» // Полное собрание стихотворений. Москва: Советский писатель, 1959. 900 с.
15. Финкель В. Музыкальная компонента поэзии Цветаевой // Доклад на конференции ААТSEEL. 2005. URL: <https://za-za.net/muzykalnaya-komponenta-poezii-tsvetaevoj/> (дата обращения 18.02.2021).
16. Цветаева М.И. Пахнет ладаном воздух // Собрание сочинений в 7 томах. Том 1. Стихотворения. Москва: Эллис Лак, 1994. 640 с.
17. Цветаева М.И. Ты проходишь свою дорожку // И я – была. Москва: Остоженка / Музыка, 1991. 32 с.

УДК 811.521

**БЛАГОДАРНОСТЬ / お礼 В РУССКОЙ И ЯПОНСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ РКИ**

С.Б. Королева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Н.Р. Агинея

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье представлен результат контрастивного описания благодарности как концепта русской культуры и благодарности как базовой ценности японской культуры, а также форм их реализации в ряде коммуникативных норм. Целью исследования является определение специфики содержания благодарности как ценности японской культуры, а также описание вербальных и невербальных форм ее проявления, с опорой на лексику японского языка, существующие лингвокультурологические исследования в этой области и материалы произведения современной японской художественной литературы (роман Харуки Мураками «Охота на овец»).

Ключевые слова: благодарность, японская культура, вербальные и невербальные формы коммуникации, концепт, базовые ценности.

**Gratitude / お礼 in Russian and Japanese National Cultures:
Axiological Aspect of Teaching RFL**

Svetlana B. Koroleva

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod

Natalia R. Aginey

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod

The article presents the result of a contrastive description of gratitude as a concept of Russian culture and gratitude as a basic national value of Japanese culture, as well as of different forms of their realization in a number of communicative norms. The article is aimed at describing the particular content of gratitude as a central value of Japanese culture, focusing on verbal and non-verbal forms of its manifestation based on the material of collocations in the Japanese language, linguistic and cultural studies in this area and a work of modern Japanese literature (Haruki Murakami's novel *Sheep Hunting*).

Key words: gratitude, Japanese culture, verbal and non-verbal forms of communicative norms, concept, basic values.

Формирование системы представлений о культуре страны изучаемого языка является необходимым компонентом в обучении любому иностранному языку, в том числе русскому как иностранному. Один из аспектов системы таких представлений – знания о системе базовых ценностей изучаемой лингвокультуры [13, с. 4].

В случае глубинного расхождения систем ценностей, содержащихся в изучаемой и родной студенту культурах, преподавателю следует не

только знать базовые ценности лингвокультуры, носителем которой является его студент, но и ориентироваться в соотношении этих ценностей со «своими» (то есть содержащимися в своей культуре), а также помогать студенту осваивать модели коммуникативного поведения в рамках изучаемой культуры и языка в направлении от схожих (универсальных) ценностей и обусловленных ими норм – к уникальным, специфическим.

При обучении носителей японской лингвокультуры русскому языку как иностранному преподаватель сталкивается с глубинным расхождением ценностных систем двух культур. Определяя точки схождения базовых ценностей русской и японской лингвокультур, преподаватель может остановиться на благодарности. Действительно, благодарность является одной из базовых ценностей японской лингвокультуры и, безусловно, присутствует в русской культуре на уровне норм коммуникативного поведения. Для того, чтобы уточнить соотношение «идеи» (базовой ценности, концепта или коммуникативной нормы) благодарности в рамках двух лингвокультур, обратимся к ее происхождению и содержанию (на материале доминантных лексем), возможным религиозным истокам, обуславливающим ее роль в современной (русской и японской) культуре, а также вербальным и невербальным формам ее выражения на материале современной японской художественной литературы – романа Харуки Мураками «Охота на овец» и его перевода на русский язык¹.

В лингвокультурологии благодарность в качестве лингвокультурной единицы трактуется как универсальный концепт, формирующийся по мере становления общества и находящий отражение в нормах межличностного общения самых разных лингвокультур [5, с. 2]. Для каждой лингвокультуры при этом характерны свои (культурспецифические) пересечения смыслов и смысловые акценты внутри этого общечеловеческого концепта, а также связанные с этой смысловой спецификой особые формы выражения концепта в коммуникативном поведении [3, с. 2].

В русской культуре благодарность не относится к базовым ценностям, но при этом является вербальным концептом, значимость которого определяется как религиозными истоками русской языковой картины мира, так и регламентированностью вежливости как нормы вербального и невербального коммуникативного поведения. Значимой является внутренняя форма слов, вербализующих концепт «Благодарность» в русском языке: она проясняет особенности содержания благодарности как концепта русской культуры и его соотносительности с русскими базовыми ценностями. Как известно, слово «Спасибо» является

¹ При исследовании особенностей содержания и форм выражения благодарности как ценности японской культуры будем опираться на методологию лингвокультурологии в аспекте контрастивной лингвистики, предложенную Ю.Е. Прохоровым и И.А. Стерниным [12, с. 10].

продуктом стяжения фразы «Спаси Бог» в одно слово [17, с. 732], то есть его внутренняя форма содержит не собственно выражение благодарности, но пожелание добра как спасения Богом. Внутренняя форма слова «благодарить» – «благо + дарить» – выражает действие дарения блага, то есть внутреннее, духовное действие пожелания / жертвования добра как благой, то есть доброй, чистой, светлой энергии. Таким образом, в русской культуре языковое содержание концепта «Благодарность» восходит к православному вероучению и таким базовым национальным ценностям, связанным с ним, как добро (доброта) и соборность (в данном случае понимаемая как искренняя жертва, приносимая в пользу другого человека или общего дела) [16, с. 171].

Неудивительно в связи с этим, что в русском языке число этикетных фраз, выражающих благодарность, ограничено. Более того, они универсальны: несмотря, например, на характер отношений, на причину, вызвавшую благодарность, представители русской лингвокультуры могут выразить ее одним из следующих средств: «Спасибо»; «Большое (Огромное) спасибо»; «Благодарю»; «Я вам очень благодарен»; «Я вам очень признателен». Это не влечет за собой необязательности использования формул благодарности: благодарность как коммуникативная норма относится в русской лингвокультуре к числу этикетных, то есть общеобязательных. Поскольку произнесение формулы речевого этикета представляет собой речевое действие [19, с. 207], само проговаривание слова «Спасибо» (или «Благодарю» и т.п.) есть акт (выражение) благодарности.

При исследовании концепта «Благодарность» с точки зрения норм русского коммуникативного поведения важно учитывать и факт, отмеченный И.А. Стерниным: вербальные формы выражения благодарности в русской культуре сопровождаются невербальными – номинативными жестами и особой мимикой [13, с. 6]. Вербальное выражение благодарности может сопровождаться такими жестами, как рукопожатие, хлопанье по плечу, слезы (признательности), поклон, кивок головы и др.

Рассмотрим подробнее невербальные формы выражения благодарности в русской культуре. Устаревшими (или же используемыми только в религиозной сфере) невербальными формами выражения благодарности являются различные варианты поклона. О распространенности поклона как нормы выражения благодарности можно судить по таким словосочетаниям, как «земной поклон», «уважительный поклон», «низкий поклон», «поклониться в пояс», «молча поклониться», «слегка поклониться» и т.д., а также по частотности использования этих словосочетаний в русской классике XIX в.: «Купец вручил приказчику небольшую пачку бумаги, поклонился, тряхнул головой, взял свою шляпу» [15].

Поклоны, которые можно охарактеризовать как исконно существовавшие в русской культуре, в работе Е.Б. Морозовой «Невербальный этикет в его соотношении с вербальным» разделены на 4 типа: а) земной поклон или поклон до земли / в землю / в ноги. Исполняющий его человек становится на колени, наклоняется и касается лбом пола, после чего встаёт; б) поясной поклон или поклон в пояс, для которого характерен наклон головы и верхней части туловища под углом примерно 90° (с касанием пола или земли); в) вежливый поклон, который представляет собой наклон головы и верхней части туловища под углом 25-45°; г) кивок – непродолжительный наклон только головы [7, с. 3]. На сегодняшний же день наиболее распространенной невербальной формой выражения благодарности является рукопожатие. В то же время, по мнению авторов словаря «Язык русских жестов», пожимание руки в знак благодарности должно проходить в официальной обстановке и исключительно за какой-либо социально значимый поступок [6, с. 97]. Обычно такой жест сопровождается фразами по типу: «Дайте я пожму Вашу руку!», «Дайте пожать Вам руки!» и т.д. В ином случае, а именно в неофициальных ситуациях, этот жест встречается реже и чаще всего носит ироничный или имитационно игровой характер, для того, чтобы показать условную важность [6, с. 97]: «Тут иностранец отколол такую штуку: встал и пожал изумленному редактору руку, произнеся при этом слова: — Позвольте вас поблагодарить от всей души!» [1, с. 26].

В японской культуре благодарность занимает более центральное положение, чем в русской: это, прежде всего, базовая ценность. Это означает, что японская культура мыслит о человеке, его поведении, его соответствии высшим требованиям бытия во многом в категориях благодарности – неблагодарности подобно тому, как русская культура мыслит о человеке, в основе своей, в категориях добра (доброты, добротолубия, правды) – зла (себялюбия, кривды) [9, с. 48].

Особое место благодарности как ценности в японской культуре связано с древними верованиями и отдаленными историческими эпохами. В период Токугава под влиянием конфуцианства понятия долга и преданности своим предкам, заложенные в синто, отождествлялись в Японии с преданностью господину [2, с. 91]: «Выполнение великого долга посредством успешного служения господину есть осуществление сыновней почтительности по отношению к своим родителям... Заботиться о нуждах родителей есть выражение преданности по отношению к своему господину» [4, с. 176]. Это учение неразрывно связано с идеей благодарности, которая является формой осуществления и сыновней (дочерней) почтительности, и преданности по отношению к господину. Постепенно на этой основе благодарность в японской культуре оформилась в базовую ценность, которая находит отражение в двух принципах: 二恩 (goon) – «благодарность» и 恩返し (ongaeshi) –

«воздаяние». В соответствии с этими принципами благодарность должна быть достойна оказанной услуги, должна быть формой отдачи индивидуальной энергии человека в ответ на нечто хорошее, совершенное для него.

Схожее место благодарности отводится и в буддийском учении, играющем важную роль в религиозно-философской картине мира японцев. Мыслитель периода Токугава Судзуки Сёсан по этому поводу писал следующее: «Человек, занимающийся буддийской практикой, обязан целиком посвятить себя исполнению долга. Вне долга не может быть буддийской практики» [20, с. 98]. Долг в буддизме связан с благодарностью; точнее, благодарность есть долг человека, стремящегося к буддийскому просветлению. Благодарность природе, окружающим живым существам, миру за благодеяния и испытания является высшим долгом человека, практикующего буддизм, так как именно благодарность сообщает внутреннему человеку блаженный покой. В то же время, в буддизме благодарность – это не свод правил, которые должен соблюдать каждый японец, но внутренний путь нравственного совершенствования, предела которому нет [14, с. 211].

Японская культура – высококонтекстная культура, что предполагает зависимость языкового акта от неязыкового – так называемого «полного контекста» внесловесной ситуации [9, с. 2]. В нашем случае это означает, что выражение благодарности осуществляется с помощью норм вербальной и невербальной коммуникации. Форм вербального и невербального выражения благодарности в японской культуре существует огромное количество (что неудивительно в свете значимости и религиозной наполненности этого концепта); способ выражения чувства признательности зависит от статуса, положения и возраста того, кто выражает благодарность, и того, кому ее выражают. По мнению Н.Т. Федоренко, известного советского востоковеда [18, с. 9], вежливость в японской культуре имеет три основных варианта: во-первых, разговор со старшим по службе или по возрасту, занимающим более высокое социальное положение; во-вторых, разговор с равным, и в-третьих, обращение к нижестоящим [10, с. 30]. Благодарность при этом является способом «поддержания лица» собеседника в каждом из этих вариантов.² В то же время, поскольку абстрактность и метафизичность не присуща японской культуре³, для нее характерна ситуативная обусловленность выбираемых форм выражения благодарности.

² Как указывает Н.Т. Федоренко, «мысль о том, чтобы себя в речи унижить, а собеседника возвысить, не покидает мозг говорящего японца» [18, с. 27].

³ По мнению Д. Судзуки, исследователя и автора работ по дзен-буддизму, «Запад слишком увлекся обобщением, что привело к уходу от реальности. Реальность в конкретном, а не абстрактном <...> Чтобы проникнуть в глубины реальности, требуется живая интуиция, а не интеллект или чувство» [15, с. 307].

В японской культуре существует несколько способов невербального выражения благодарности. Все они так или иначе связаны с поклоном, меняется только угол наклона туловища или головы. Обычно кланяются стоя, прижав руки к бокам. Угол наклона варьируется в зависимости от степени официальности, возраста и положения того, кому кланяются. Исследователи выделяют поклон стоя: а) 15° 会釈 (esyaku) – легкий поклон, характерен для выражения благодарности при фамильярном общении; б) 30° 敬礼 (keirei) – обычный вежливый поклон, используется для «общего» выражения благодарности; в) 45° 最敬礼 (seikeirei) – средний поклон, предназначен тем, кто стоит выше по служебной лестнице, используется также для выражения особой благодарности [20, с. 38]. Существует и поклон сидя на полу – 土下座 (dogedza), земной поклон; он пришел из древности. На сегодняшний день этот вид невербального выражения благодарности используется очень редко, в основном, в качестве благодарности высшим силам.

Как видим, в культуре современной Японии благодарность является не только обязательной нормой вербального и невербального коммуникативного поведения, но и важнейшей религиозно-философской идеей. Именно поэтому можно говорить о благодарности как одной из базовых ценностей японской культуры. К слову сказать, неслучайно однократно произнесенное «Спасибо» для японца представляется недостаточным: требуется дублирование, суммирование вербальных и невербальных форм выражения благодарности в каждой отдельной ситуации.

За конкретными наблюдениями над функционированием концепта «Благодарность» в современном японском художественном тексте и для сопоставления с формами, отраженными в русском переводе, обратимся к роману Харуки Мураками «Охота на овец». Писатель опускает в тексте изображение невербальных форм выражения благодарности, при этом различные способы вербального выражения благодарности находят в нем частотное отражение. Предлагаем классификацию способов выражения признательности, использованных в этом тексте, по степени возрастания официальности, то есть от фамильярного стиля к официально-деловому.

ありがとう – «Спасибо», форма благодарности, характерная для фамильярного и нейтрально-вежливого стилей.

どうもありがとう – «Большое спасибо», мужская форма выражения благодарности в нейтрально-вежливом стиле.

ありがとうございます – «Спасибо», более вежливая форма. Чаще всего встречается по отношению к старшим возрасту или социальному статусу.

本当にありがとう – «Искренне благодарю Вас», выражение искренней благодарности за оказанную услугу. Данная форма относится к вежливому стилю.

どうもありがとうございます – «Большое спасибо!», более вежливое выражение благодарности по отношению вышестоящему, преобладает в официально-деловом стиле.

いろいろなどうもありがとうございました – «Большое спасибо за всё!», официальное выражение благодарности человеку, находящемуся в более высоком положении, чем благодарящий, за оказанную услугу, выполненную просьбу и т.д.

Как можно заметить, во всех выражениях используется слово **ありがとう** (arigatou), которое очень условно можно перевести на русский язык как «спасибо». Оно состоит из нескольких иероглифов: **有る** (aru) – «быть» и **難い** (mudzukasii) – «сложный». Внутренняя форма этих иероглифов ясно указывает на религиозные опоры содержания концепта, а именно: на то, что благодарность расценивается в японской культуре как нечто онтологически бытийствующее и сложно поддающееся выражению и, соответственно, весьма ценное и этически необходимое [12, с. 15].

Сопоставление форм выражения благодарности, используемых в тексте-оригинале, с формулами, которые даются в переводе на русский язык, свидетельствует о трудностях в переключении лингвокультурных кодов. Перевод дает естественные в рамках русской лингвокультуры выражения благодарности, которые либо не отражают всех смысловых оттенков форм, содержащихся в оригинальном тексте, либо трактуют эти оттенки по-своему. Обратимся к тексту за конкретными примерами:

1) Главный герой благодарит подругу за оказанную заботу: она интересуется его состоянием, предлагает ему выспаться, – на что главный герой отвечает: «「ありがとう」と僕は言った。」 / «Спасибо, – сказал я» [21, с. 165]. В русском переводе (пер. Д. Коваленина) это обозначено так: «Спасибо... – сказал я». В данном случае можно заметить, что в переводе используется многоточие как показатель прерванности, незаконченности высказывания, хотя в оригинале значение незаконченности отсутствует.

2) В ситуации общения с незнакомой девушкой [21, с. 98], которая по ошибке подумала, что записка адресована ей, главный герой выражает благодарность такой фразой: «「ほんとにありがとう」» / «Искренне благодарю Вас». Как было упомянуто выше, чаще всего эту фразу произносят при выражении искренней благодарности за оказанную услугу. В данном контексте услуга – это звонок девушки; он был сделан ошибочно, однако герой благодарен ей за равнодушие и отзывчивость. В русском переводе эта фраза находит вариант с использованием доминантной лексемы, выражающий концепт в русском языке: «Огромное

вам спасибо». При этом, конечно, контекстуальные смыслы оказываются в переводе неочевидны.

3) В ситуации, когда водитель такси неожиданно начинает говорить о Боге и предлагает герою позвонить ему [21, с. 75], за продиктованный номер телефона герой благодарит так: «「それはどうも」と僕は言った。»/ «Спасибо за номер телефона». В переводе Д. Коваленина дается фраза «Благодарю Вас», которая, с одной стороны, характеризуется формальностью, а с другой, не содержит отсылки к Богу (в отличие от «спасибо»). Можно заметить, что выбор, данный в русском тексте, намекает на ситуацию, развернутую в сюжете романа: главный герой не знает, о чем разговаривать с таксистом, поскольку тот даже не христианин. Однако этот намек отсутствует в формулировке, выражающей благодарность в тексте-оригинале.

Обобщая результаты исследования, следует отметить, что концепт «Благодарность» в русской и концепт «お礼» в японской культуре существенно расходятся как в формах вербального и невербального выражения, так и в ценностно-содержательном плане. Благодарность в японской культуре играет важнейшую роль в регуляции общественных отношений и психологической жизни человека не только как ответная реакция на оказанную услугу, но и как нравственный путь добродетели, представления о котором сформировались как продукт синкретизма трех религий: синто, буддизма и конфуцианства. В связи с этим признательность в Японии является и основой взаимоотношений между людьми, и нравственным императивом, и качеством личности человека. Благодарность же в русской культуре представляет собой норму поведения и чувство, возникающее при реакции на события или действия другого человека вследствие нравственных установок на жертвенность, взаимопомощь, любовь. Преподавателю русского языка как иностранного во взаимодействии с японскими обучающимися следует отталкиваться от универсальной составляющей концепта (чувство признательности за оказанную услугу, доброе дело и наличие этикетных форм выражения этой признательности), постепенно углубляя представления студентов о специфике русского концепта в сопоставлении с японским во всех основных его составляющих: содержательно-смысловой, культурно-исторической, формально-этикетной.

Список литературы

1. Булгаков М. Избранное. М.: Художественная литература, 1980. 310 с.
2. Кагальникова А.В. Особенности японской национальной культуры потребления и производства. Дис. ... канд. культурологии. М.: МГИМО, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/science/diss/kagalnikova-diss.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

3. Карасик В. И. Благодарность: концепт и жанр // *Жанры речи*. 2011. № 7. С. 235–254.
4. Карелова Л.Б. У истоков японской трудовой этики: монография. М.: Восточная литература, 2007. 250 с.
5. Катаева Н.А. Образно-перцептивная составляющая выражения благодарности в калмыцкой, английской и русской лингвокультурах // *Известия ВГПУ*. 2012. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazno-pertseptivnaya-sostavlyayuschaya-vyrazheniya-blagodarnosti-v-kalmytskoy-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah> (дата обращения: 08.12.2020).
6. Крейдлин Г.Е., Григорьева С.А., Григорьев Н.В. Словарь языка русских жестов. М.-Берлин: Языки русской культуры, 2001. 256 с.
7. Морозова Е.Б. Русские поклоны: взгляд сквозь века // *Концепт: философия, религия, культура*. 2019. № 1. С. 148–154.
8. Неверов С.В. Особенности речевой и неречевой коммуникации японцев // *Национально-культурная специфика речевого поведения*. М.: Наука, 1977. С. 320–337.
9. Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии личности. М.: Институт психологии РАН, 2008. 320 с.
10. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы: этнографические очерки. М.: Наука, 1983. 288 с.
11. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2016. 328 с.
12. Сосновская Е.А. Понятие долга в японской моральной традиции // *Человек*. 2008. № 1. С. 132–144.
13. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2015. 52 с.
14. Судзуки Д. Основы дзен-буддизма / пер. В. Шериева // *Дзен-буддизм*. Бишкек: Одиссей, 1993. 357 с.
15. Тургенев И.С. Контора // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1978. Т. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://rvb.ru/turgenev/01text/vol_03/01text/0133.htm (дата обращения: 21.02.2021).
16. Фасмер М., Трубачев О.Н., Ларин Б.А. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 576 с.
17. Фасмер М., Трубачев О. Н., Ларин Б. А. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 3. 832 с.
18. Федоренко Н.Т. Японские записки. М., 1960. 414 с.
19. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1987. 158 с.
20. Ooms H. Tokugawa Ideology: Early Constructs, 1570–1680. New Jersey: Princeton University Press, 1985. 366 p.
21. 村上春樹 「羊をめぐる冒険」、1982. 356 с.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК 81:81'23

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСПЫТУЕМЫХ О КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ УСЛОВИЯМИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ТЕКСТОВ НА L1 И L2 И КОЛИЧЕСТВОМ ВОСПРОИЗВОДИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

А.А. Мещерякова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Т.Н. Синеокова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье обсуждаются результаты анкетирования участников эксперимента по изучению особенностей протекания когнитивных процессов при воспроизведении текстов на родном и иностранном языках. Анализируются представления испытуемых о количественной динамике реализуемых ими предложений в речи на L1 и L2 в зависимости от условий предъявления текстов: порядка их следования на родном и иностранном языках и способа предъявления (графического, звукового и комбинированного).

Ключевые слова: родной язык, иностранный язык, эксперимент, воспроизведение текста, количество предложений.

Testees' Perception of Correlation between Conditions of Texts Presentation in L1 and L2 and Number of Reproduced Sentences

Aleksandra A. Meshcheryakova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

Tatiana N. Sineokova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

Results of a survey done by the participants of an experiment aimed to study the peculiarities of cognitive processes while reproducing texts in native and nonnative languages are discussed. The subject of analysis is the testees' perception of dynamics in the number of reproduced sentences in speech in L1 and L2 under various conditions: sequence of texts presentation in native and nonnative languages and the way (sound, graphical, or mixed) they are presented.

Key words: native language, nonnative language, experiment, text reproduction, number of sentences.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00361.

Экспериментальное исследование в любой области знаний, в том числе психолингвистический эксперимент, включает ряд обязательных компонентов (см., например, классификации психологических эмпирических методов в [4]). Центральными являются исследователь, объект исследования и испытуемые, при этом отношения между данными компонентами и их функции могут меняться в зависимости от цели исследования. Так, например, исследователь и испытуемый могут быть одним лицом в случае, если экспериментатор наблюдает за собственным поведением. В другой ситуации целью исследователя может являться изучение того, как испытуемые интерпретируют собственные поведенческие (в том числе речевые) особенности, проявившиеся в ходе эксперимента.

В статье рассматривается один из аспектов эксперимента по изучению когнитивных процессов при воспроизведении текстов на родном (L1) и иностранном (L2) языках студентами начального этапа обучения. Эксперимент, подробное описание которого приведено в [9], проводился на базе Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им Н.А. Добролюбова. В эксперименте участвовало 14 студентов, каждому из которых предъявлялось 6 текстов, каждый на русском и на английском языках. Все тексты содержали одинаковое количество предложений, при этом варьировались условия их предъявления: порядок следования на L1 и L2 и характер презентации (в графическом, звуковом и смешанном форматах).

Каждый испытуемый впоследствии расшифровывал собственные аудиозаписи (12 текстов) во избежание ошибок при их сегментации; 9 из 14 испытуемых-студентов изъявили желание участвовать в собственно исследовательской работе и анализируют на данном этапе разнообразные количественные аспекты полученных результатов [1; 2; 3; 5; 6; 7].

Одним из направлений анализа являлось рассмотрение количества воспроизводимых предложений как одного из маркеров, отражающих особенности протекания речемыслительных процессов на L1 и L2 в разных условиях предъявления текстов [8]. Предполагалось, что в речи на L2 будет реализовано больше предложений по сравнению с речью на L1, поскольку недостаточный уровень владения иностранным языком на начальном этапе его изучения является причиной ресурсозатратности данного вида деятельности, вследствие чего информация членится на удобные для запоминания и воспроизведения отрезки, а речевой поток сегментируется на более мелкие по сравнению с исходными смысловые единицы. Полученные результаты в значительной степени либо опровергают, либо не подтверждают рабочую гипотезу с достаточной степенью надежности. Выявленные расхождения между гипотезой и

результатами указывают на необходимость увеличения базы данных в отношении как числа текстов, так и испытуемых в силу значительных индивидуальных выбросов. Также, очевидно, необходимо комплексное рассмотрение ряда параметров количественной и качественной оценки.

Полезным для выбора направления расширения исследовательской базы эксперимента, а также для понимания выявленных закономерностей является проведенный на основе анкетирования анализ представлений самих испытуемых о количественной динамике при воспроизведении текстов на L1 и L2 в зависимости от условий их предъявления. Целью анкетирования, проведенного по завершении эксперимента, было выяснить, как испытуемые воспринимали варьирующиеся условия эксперимента с точки зрения их влияния на речемыслительные процессы на обоих языках, какие условия оказались для них наиболее ресурсозатратными при осуществлении когнитивных операций и почему.

Испытуемым было предложено шесть вопросов.

1. Отметили ли вы изменение количества воспроизведенных предложений по сравнению с их количеством в исходных текстах при дешифровке собственных аудиозаписей / работе над дешифрованными данными?

2. Что вы отметили: уменьшение или увеличение количества предложений?

3. Почему уменьшилось / увеличилось количество предложений при воспроизведении на английском языке? Если никаких изменений не наблюдалось, напишите почему.

4. Почему уменьшилось / увеличилось количество предложений на русском языке? Если никаких изменений не наблюдалось, напишите почему.

5. Если при ответе на предыдущие вопросы вы отметили какую-то закономерность или вы затрудняетесь ответить, напишите свои соображения по этому поводу.

6. При каком условии воспроизведение текста вызвало у вас наибольшие затруднения и потребовало максимального количества усилий? Почему?

Рабочие гипотезы состояли в следующем.

1. Несмотря на то, что испытуемым неизвестно количество предложений в исходных текстах, они могут оценить количественную тенденцию их реализации при воспроизведении.

2. Большинство испытуемых отметят уменьшение количества предложений как общую тенденцию для L1 и L2.

3. Подавляющее большинство испытуемых отметят уменьшение количества предложений в текстах L2 как более сложных для восприятия.

При этом на снижение количества предложений при воспроизведении текстов на L1 будет указано меньшим числом испытуемых.

4. Большинство испытуемых отметят среди причин, вызывающих когнитивные затруднения и приводящих к сокращению количества предложений, следующие условия предъявления текстов:

- а) текст на L2 предъявляется и воспроизводится первым;
- б) текст на любом языке предъявляется в звуковом формате;
- в) наложение условий предъявления текстов (а) и (б);
- г) стрессогенность ситуации эксперимента, особенно проявляющуюся на его первой стадии.

Рассмотрим ниже полученные в ходе анкетирования результаты.

1. Действительно, все без исключения испытуемые отметили изменение количества воспроизведенных предложений по сравнению с их количеством в исходных текстах.

2. Как и предполагалось, большинство испытуемых (11 из 14) указали на уменьшение количества воспроизведенных предложений на обоих языках. 2 испытуемых отметили, что наблюдаются обе тенденции в зависимости от условий предъявления текстов. 1 испытуемый, который впоследствии анализировал в качестве исследователя другой аспект особенностей речепорождения на L1 и L2, не понял вопроса и отвечал на вопрос под углом зрения изучаемой проблематики.

3. На уменьшение количества предложений при воспроизведении текстов на L2 указали 11 испытуемых, 2 испытуемых отметили обе тенденции в зависимости от условий предъявления текстов и индивидуальных особенностей, проявляющихся при их восприятии и воспроизведении, 1 испытуемый не понял вопрос (см. выше). Снижение количества предложений при воспроизведении текстов на L1 действительно отмечено меньшим числом испытуемых (8 из 14).

Среди причин уменьшения количества воспроизводимых предложений на L2 двое испытуемых отмечают такие причины, как «трудность восприятия», «трудность воспроизведения», «недостаточность знаний», в то время как в комментариях относительно их сокращения в речи на L1 ни один из испытуемых данные причины не указал.

4. Среди причин, вызывающих когнитивные затруднения и приводящих к сокращению количества предложений, испытуемыми назывались три из четырех содержащихся в рабочей гипотезе.

— Из 14 испытуемых лишь 1 указал на условие, при котором текст на L2 предъявляется и воспроизводится первым, как на затрудняющее его восприятие и дальнейшее воспроизведение, что приводило к сокращению реализуемых предложений.

— 3 испытуемых указали в качестве причины уменьшения количества предложений при воспроизведении текста сложность его

восприятия при предъявлении в звуковом формате. В то же время 2 испытуемых отмечают затруднения при графическом способе предъявления текстов, что противоречит рабочей гипотезе и свидетельствует о необходимости увеличения числа испытуемых.

— Гипотеза о влиянии стрессогенности ситуации эксперимента, особенно проявляющейся на его первой стадии, подтверждается частично. В ситуации с L2 1 из 3 испытуемых, указавших на данный фактор, особо отметил влияние стрессогенности именно первой стадии эксперимента. В ситуации предъявления текстов на L1 эта причина была упомянута 2 испытуемыми, 1 из которых также указал на значение данного фактора в начале эксперимента.

— Что касается гипотезы относительно влияния наложения двух условий — порядка предъявления текстов на L1 и L2 и формы их предъявления, — данное предположение на основе полученных ответов не подтвердилось. Тем не менее наложение условия «звуковой способ предъявления» и условия «L2» отмечается 1 испытуемым; при этом у испытуемого вызвало затруднение не первоначальное предъявление текста на L2, а наличие в эксперименте текстов на иностранном языке в целом.

Таким образом, несмотря на явно наблюдаемые тенденции в осмыслении испытуемыми количественных характеристик воспроизводимых текстов и факторов, влияющих на снижение числа предложений, результаты опроса свидетельствуют о значительных индивидуальных различиях в восприятии причин речемыслительных затруднений и трансформаций при передаче информации на L1 и L2. Полученные результаты, рассмотренные совместно с результатами собственно эксперимента по выявлению речевых затруднений студентов, могут стать основой для оптимизации методики преподавания родного и иностранного языка на начальном этапе обучения.

Список литературы

1. Андрианов Д.Д. Корреляция синтаксического усложнения речи студентов на родном и иностранном языках и фактора стрессогенности ситуации в условиях эксперимента // Студенческий научный электронный журнал Vox juvenutis. Н. Новгород: НГЛУ, 2020. URL: https://lunn.ru/sites/default/files/media/sveden/structura/PF/VOX_JUVENTUTIS/2020/ling/4_andrianov.pdf (дата обращения 18.02.2021).

2. Булдаков И.В., Григорьева А.С., Мельникова Т.И., Синеокова Т.Н. Длительность звучания текстов на родном и иностранном языках в разных условиях их предъявления студентам-будущим переводчикам // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 6 (13). Н. Новгород: НГЛУ, 2020. С. 125–135.

3. Гриченко М.А. Статистические особенности реализации простых предложений в речи студентов на родном и иностранном языках // Студенческий

научный электронный журнал Vox juventutis. Н. Новгород: НГЛУ, 2020. URL: https://lunn.ru/sites/default/files/media/sveden/structura/PF/VOX_JUVENTUTIS/2020/ling/2_grichenko.pdf (дата обращения 18.02.2021).

4. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. 2-е изд., доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 386 с.

5. Жижина Е.А. Статистические особенности использования простых и сложносочиненных предложений в речи студентов начального этапа обучения на русском и английском языках // Студенческий научный электронный журнал Vox juventutis. Н. Новгород: НГЛУ, 2020. URL: https://lunn.ru/sites/default/files/media/sveden/structura/PF/VOX_JUVENTUTIS/2020/ling/1_zhizhina_statya.pdf (дата обращения 18.02.2021).

6. Коноплева О.С. Реализация различных типов сложных предложений как отражение особенностей протекания речемыслительных процессов при воспроизведении текстов на родном и иностранном языках студентами-будущими переводчиками // Студенческий научный электронный журнал Vox juventutis. Н. Новгород: НГЛУ, 2020. URL: https://lunn.ru/sites/default/files/media/sveden/structura/PF/VOX_JUVENTUTIS/2020/ling/5_konopleva.pdf (дата обращения 18.02.2021).

7. Мезенцева А.О. Влияние порядка предъявления текста на родном или иностранном языке на выбор синтаксических типов предложений студентами начального этапа обучения // Студенческий научный электронный журнал Vox juventutis. Н. Новгород: НГЛУ, 2020. URL: https://lunn.ru/sites/default/files/media/sveden/structura/PF/VOX_JUVENTUTIS/2020/ling/3_mezenцева.pdf (дата обращения 18.02.2021).

8. Мещерякова А.А. Количество предложений при воспроизведении текстов на родном и иностранном языках в разных условиях их предъявления // Студенческий научный электронный журнал Vox Juventutis. Н. Новгород: НГЛУ, 2020. URL: https://lunn.ru/sites/default/files/media/sveden/structura/PF/VOX_JUVENTUTIS/2020/ling/7_meshcheryakova.pdf (дата обращения 18.02.2021).

9. Belyaeva E.I., Sineokova T.N. Speech Disfluency in L1 and L2 of Trainee Interpreters: Problem Statement // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 6 (13). Н. Новгород: НГЛУ, 2020. С. 115–122.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агиней Наталья Руслановна	магистрант, Нижегородский лингвистический им. Н.А. Добролюбова	государственный университет
Бабина Людмила Владимировна	д.ф.н., профессор, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина	
Бакараева Анастасия Андреевна	студент, Нижегородский лингвистический им. Н.А. Добролюбова	государственный университет
Балаева Мария Вадимовна	магистрант, Кубанский университет	государственный
Борисова Елена Борисовна	д.ф.н., профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, ФГОБУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»	
Ботова Елизавета Федоровна	студент, Московский государственный университет	педагогический
Гаврилова Мария Борисовна	преподаватель, Пятигорский фармацевтический институт – филиал ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России	медико-
Галкина Екатерина Дмитриевна	студент, Нижегородский лингвистический им. Н.А. Добролюбова	государственный университет
Гумма Оксана Анатольевна	студент, Московский государственный университет	педагогический
Ивлева Полина Максимовна	студент, Национальный университет «Высшая школа экономики»	исследовательский

Ильина Анна Алексеевна	студент, Кубанский государственный университет
Кан Евгения Олеговна	студент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
Катермина Вероника Викторовна	д.ф.н., профессор, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет
Комогорцева Алена Сергеевна	магистрант, Кубанский государственный университет
Кондакова Вероника Александровна	студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Королева Светлана Борисовна	д.ф.н., доцент, начальник международной НИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
Лаврова Наталия Александровна	д.ф.н., доцент, профессор кафедры фонетики и лексики английского языка, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
Логвина Светлана Андреевна	к.п.н., доцент, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Мещерякова Александра Алексеевна	студент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
Микулинский Артем Денисович	студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Муфазалова Ирина Вадимовна	студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

- Петров Алексей Владимирович** д.ф.н., доцент, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Институт гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
- Петрова Ольга Владимировна** к.ф.н., доцент, начальник международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
- Рахманкулова Светлана Евгеньевна** д.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
- Синеокова Татьяна Николаевна** д.ф.н., профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
- Спачиль Ольга Викторовна** к.ф.н., доцент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет